

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1 (30) 2018

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2018

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1 (30) 2018
Май 2018**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 28.05.2018 г.

Формат 70x100^{1/16}
Усл. печ. л. 10,73
Тираж 300 экз.
Заказ № 89117

Отпечатано в типографии «Артикул»

620062, г. Екатеринбург,
ул. Первомайская, 77Ж
Тел: 8 (800) 333-61-20
http://www.artikul.ru

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.Г. Дьякова – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **С.Г. Зырянов** – доктор политических наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия); **Е.А. Кожемякин** – доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия); **О.В. Коркунова** – доктор философских наук, профессор (Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия); **В.О. Лобовиков** – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **В.С. Мартыянов** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **С.В. Мошкин** – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **К.С. Романова** – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **В.М. Русаков** – доктор философских наук, профессор (УрФУ, Екатеринбург, Россия); **Е.М. Олову** – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **А.Д. Трахтенберг** – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **И.Б. Фан** – доктор политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия); **Л.Г. Фишман** – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л.М. Андрухина – доктор философских наук, профессор (Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия); **М.В. Ильин** – доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия); **А.Д. Королёв** – главный ученый секретарь Российского Философского Общества, кандидат философских наук (Москва, Россия); **К.Н. Любутин** – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **М.А. Малышев** – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **О.Ю. Малинова** – доктор философских наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Л.Н. Синельникова** – доктор филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия); **Е.А. Степанова** – доктор философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия); **Л.Н. Тимофеева** – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия); **А.Н. Чумаков** – первый вице-президент Российского Философского Общества, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия); **О.К. Шевченко** – кандидат философских наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия); **Пономарёва Е.Г.** – доктор политических наук, профессор (МГИМО МИД России)

СЕКРЕТАРИАТ

Е.Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия); **Д.М. Ковба** – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 71227

№ 1 (30)

Тропы метода

Г.Ю. Богданович

Ассоциативный эксперимент как прием интерпретации дискурса10

А.А. Романов, Л.А. Романова

Дискурсивные регулятивы информационных атак17

Е.В. Малышева

Вербально-тактильный композит в коммуникативном пространстве диалога24

И.Ю. Качесова, Е.В. МартихинаОсобенности дискурсивных аспектов взаимодействия автора и читателя
(на материале анализа контента социальной сети Instagram)29**С.В. Рыбаков**

Дискурсивные контексты единого образовательного пространства33

В.Г. Благодатских, А.А. Керимов

Образование в структуре формирования экологической культуры общества40

Парадигмы и процессы

С.Н. Чирун, А.С. БудаевАктуальные проблемы современной европейской безопасности
в аспекте отношений Россия – НАТО47**Е.Б. Михайленко, Т.В. Вербицкая**Роль институтов парадипломатии
в регионализации Свердловской области57**Р.С. Мухаметов**Место и роль неправительственных организаций
в урегулировании международных конфликтов65**А.С. Юферева, А.А. Фирсов**Особенности управления политической коммуникацией
в условиях медиаконвергенции:
основные тенденции и закономерности73

О.К. Шевченко

Феномены «киборг» и «власть»
в вузовской образовательной коммуникации83

Конференц-зал

**Вторая международная конференция
«Soft Power: теория, ресурсы, дискурс»
(Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)***Доклады***О.Д. Трунова**

Государственно-частное партнерство как механизм «мягкой силы» страны.....89

К.С. Романова

Дискурс методов и форм мягкой силы (soft power) в системах управления.....96

О.Т. Ергунова

«Мягкая сила» как инструмент миграционной политики,
используемый российскими государственными органами.....104

Рецензии и рефераты

О.Ф. Русакова, В.М. Русаков

Трилогия по глобалистике: о цикле работ профессора А.Н. Чумакова112

Современная логика и интеллектуальные технологии

В.О. Лобовиков

Дискретная математическая модель
диалектического принципа всеобщей взаимосвязи.....118

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 1 (30) 2018
May 2018**

Published four times a year

Founded by

The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by

Publishing House «Discourse-P»
Malysheva Street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:

PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on May 28, 2018

Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 10,73
Issues – 300
Order № 89117

Printed by Typography «Artikul»

ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia
Phone: 8 (800) 333-61-20
<http://www.artikul.ru>

Manuscripts are reviewed

The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:

Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

V.N. Rudenko – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

E.G. Dyakova – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **S.G. Zyryanov** – Doctor of Political Sciences (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia); **E.A. Kozhemyakin** – Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State University, Belgorod, Russia); **O.V. Korkunova** – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia); **V.O. Lobovikov** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.S. Martianov** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **S.V. Moshkin** – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **K.S. Romanova** – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **V.M. Rusakov** – Doctor of Philosophy, Professor (UrFU, Ekaterinburg, Russia); **E.M. Olovu** – Head of Scientific Library (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **A.D. Trachtenberg** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **I.B. Fan** – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.G. Fishman** – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

L.M. Andrijuhina – Doctor of Philosophy, Professor (Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia); **M.V. Ilyin** – Doctor of Political Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **A.D. Korolyov** – Chief Scientific Secretary of the Russian Philosophical Society, PhD (Moscow, Russia); **K.N. Lubutin** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **Mikhail Malyshev** – Professor of the Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **O.Y. Malinova** – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia); **L.N. Sinelnikova** – Doctor of Philology, professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia); **E.A. Stepanova** – Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia); **L.N. Timofeyeva** – Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia); **A.N. Chumakov** – the First vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia); **O.K. Shevchenko** – PhD, Associate Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia); **Ponomarjova E.G.** – Doctor of Political Sciences, Professor (MGIMO, Moscow, Russia)

SECRETARY

E.G. Gribovod – Executive Secretary, assistant researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **D.M. Kovba** – Secretary Coordinator, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

Subscription index in the United Catalog «Russian Press» 71227

1 (30)

Tropes of Method

G.J. Bogdanovich

Associative Experiment as a Method of Interpretation of Discourse.....10

A.A. Romanov, L.A. Romanova

Discursive Regulatives of Information Attacks17

E.V. Malysheva

Verbal-Tactile Composite in Communicative Space of Dialogue24

I.Yu. Kachesova, E.V. MartihinaFeatures of the Discursive Aspects
of the Interaction between the Author and the Reader
(Based on the Analysis of the Content of the Social Network Instagram)29**S.V. Rybakov**

Contexts of Discourses of Unified Educational Space.....33

V.G. Blagodatskih, A.A. Kerimov

Education in the Structure of Formation of Ecological Culture of the Society.....40

Paradigms and Processes

S.N. Chirun, A.S. BudaevActual Problems of Modern European Security
in the Context of Russia-NATO Relations47**E.B. Mikhailenko, T.V. Verbitskaya**The Role of the Institutes of Paradiplomacy
in Regionalization of Sverdlovsk Region57**R.S. Mukhametov**The Place and Role of Non-Governmental Organizations
in International Conflict Management65**A.S. Yufereva, A.A. Firsov**Features of Political Communication Management
in Terms of Media Conversion:
Main Trends and Patterns.....73

O.K. Shevchenko

The Phenomena of "Cyborg" and "Power"
in Higher Educational Communication.....83

Conference Chamber

**The Second International Conference
«Soft Power: The Theory, Resources, Discourse»
(Russia, Ekaterinburg, October 20, 2017)**

Reports

O.D. Trunova

Public-Private Partnerships as a Mechanism of a Country "Soft Power"89

K.S. Romanova

Discourse of Methods and Forms of Soft Power in Management Systems96

O.T. Ergunova

"Soft Power" As a Tool of Migration Policy
Used By Russian Government Authorities.....104

Reviews and Abstracts

O.F. Rusakova, V.M. Rusakov

Globalistic Trilogy: On the Cycle of Works of Professor A.N. Chumakov112

Modern Logic and Intellectual Technologies

V.O. Lobovikov

A Discrete Mathematical Model
of the Dialectical Principle of Universal Interconnection118

УДК 81.27

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.1016

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ПРИЕМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИСКУРСА

Богданович Галина Юрьевна,

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
доктор филологических наук, профессор,
г. Симферополь, Россия,
E-mail: bgdvch@mail.ru

Аннотация

Дискурсивное пространство представляется как фрагмент языковой картины мира, в котором не последнее место занимает формирующийся концептуальный образ, в полной мере проявляющийся в языковом сознании. Ассоциативная репрезентация концепта, основанная на взаимодействии, в том числе, лингвистических и психологических характеристик, позволяет сделать дискурс понятным, аргументированным, ярким.

Ключевые понятия:

дискурсивное пространство, ассоциативный эксперимент, языковая интерпретация, наивная картина мира.

В современном языкознании дискурс и мотивированные измерения этого понятия составляют значительную часть исследований. Дискурсивное пространство представляет сегодня широкое поле для описания различных его составляющих [10]. Рассматривая дискурсивное пространство широко, как фрагмент языковой картины мира, следует обратить внимание, в том числе, и на приемы его описания и интерпретации. В научных исследованиях лингвокультурологического контекста для иллюстрации полученных результатов трудно обойтись без ассоциативного эксперимента. Известно, что ассоциативный эксперимент применяется, в том числе, и для изучения ядра языкового сознания человека, чтобы выявить круг понятий, наиболее существенных для современного сознания индивида, т. е. для образа мира современного человека [16, с. 141; 17]. Подобный вид экспериментального изучения языковой специфики дискурсивного пространства апробирован в многочисленных научных исследованиях. Именно

метод свободных ассоциаций, рассматриваемый нами как своеобразный прием исследования личности вообще, в том числе и языковой, обладает «достаточно большой валидностью и объяснительной силой. Условия его проведения без специальной ориентировки на конечный результат и его простота «снимают» искусственность экспериментальной обстановки и приближают ее к нормальным условиям функционирования речевой способности человека в целом» [3, с. 5].

Показательным является социолингвистический эксперимент, проведенный в студенческой среде. Реципиентам было предложено представить реакцию на слово-стимул *Крым*. Ассоциативный ряд оказался представлен следующими языковыми средствами: *море, «крымская весна», русский язык, родители, учеба, отдых, родина, санаторий, горы, успех, новая жизнь* и др. Слово-стимул *город* вербализован лексемами: *Симферополь, родители, Севастополь, друзья, учеба, люблю, КФУ, студенты, столица, образование, молодость, судьба* и др.

Нередко возникает ситуация, когда ответы реципиентов совпадают. При этом наличие большого количества одинаковых ответов может свидетельствовать о том, что в дискурсивном пространстве либо наблюдается устойчивая сочетаемость, либо формируется некий стандартный концептуальный образ.

О важности вербальных ассоциаций говорили еще ученые Казанской лингвистической школы. На необходимость ассоциативного подхода к проблеме значения указывал и Н. В. Крушевский в «Очерке науки о языке». Ученый отмечал, что слово есть единица психическая и подчиняется одновременно и лингвистическим, и психическим законам, так как мир слов соответствует миру мыслей, а в мире мыслей действует закон ассоциаций [6, с. 108–109].

Принято считать, что на ассоциации, которые получены в свободном ассоциативном эксперименте, влияют два фактора: с одной стороны – лингвистический, который представлен определенными характеристиками предъявленного стимульного слова; с другой стороны – прагматический, отражающий влияние личности самого реципиента. К этим двум факторам исследователи обычно добавляют и «условия проведения самого эксперимента» [3, с. 18].

Чувственный (эмпирический) характер, как правило, преимущественно сохраняют многие концепты (А. А. Потеня, З. Д. Попова, И. А. Стернин). Содержательная составляющая таких концептов обычно раскрывается с помощью демонстрации предмета (или явления). В таком случае необходимо говорить о чувственно-образном характере концепта. При этом следует иметь в виду, что любой образ и, безусловно, образ, составляющий содержание концепта, во многом определяется национальными особенностями реципиента. Отсюда следует, что концепты могут быть *общенациональными* и *групповыми* (принадлежащими возрастной, социальной, половой и др. группам), а также *личными*, отражающими так называемую наивную картину мира, т. е. напрямую зависят от так называемых социальных страт.

Суждения о соотношении *слова* и *концепта* представлены в многочисленных работах ученых. Не вызывает сомнения тот факт, что слово в своем значении всегда представляет лишь часть концепта, поэтому и существуют многочисленные синонимы, дефиниции, высказывания, тексты, способные раскрыть содержание того или иного концепта. Однако вся совокупность речевых средств, репрезентирующих концепт в языке и текстах на данном этапе развития языка, не дает понимания полной картины концепта. Поэтому следует

согласиться с высказыванием о том, что «именно в силу ограниченности языковых средств для вербализации концептов и существуют муки слова, черновики, саморедактирование, литературное редактирование и т. д. – степень точности, адекватности речевой передачи содержания того или иного концепта контролируется, совершенствуется, принимаются меры к повышению её адекватности, речевое выражение концепта уточняется» [9, с. 8].

Концепт изучается в различных областях знания. Однако думается, что самый эффективный доступ к его пониманию следует искать именно в языке. Чтобы обменяться концептами и их сочетаниями как результатами мыслительной деятельности, необходимо эти концепты вербализовать, т. е. назвать, выразить языковыми знаками. Обычно в языке существуют некие системные единицы, которые легко подбираются, а для тех, которые эксплицируются нечасто (индивидуально-авторские), используются развернутые словосочетания или тексты различного типа – научные, энциклопедические, дефиниционные. Сказанное является свидетельством того, что разнообразие в дискурсивном пространстве определяется совокупностью языковых средств, используемых в процессе коммуникации, которое, в свою очередь, формируется с помощью когнитивных установок языковой личности.

В проведенном нами социопсихолингвистическом эксперименте использованы анкеты, в которых были заданы некоторые этические концепты. Респондентам было предложено вербализовать 3–5 из них, а также назвать первые слова, пришедшие на ум в ответ на стимулы: *дом, долг, сочувствие, счастье, судьба, милосердие, семья, родина, правда, вина, ложь, воля, личность, страх, душа, жизнь, надежда, вера, любовь, одиночество*.

Испытуемые – 203 жителя Крыма: мужчины и женщины представлены в соотношении 1/3 к 2/3; разной национальности – русские, украинцы, крымские татары, белорусы, болгары, греки, армяне, евреи, немцы; в процентном соотношении адекватно соответствуют количеству проживающих в регионе; возраст – от 16 до 68 лет; образовательный статус – незаконченное среднее, среднее, специальное, высшее образование.

Выборочная совокупность отражала основные параметры населения Крыма по полу, возрасту, образованию, национальности, типу поселения. Подробнее об инструментарии исследования см. [1; 3; 5; 7; 12; 15; 17; 19].

Опрашиваемые могли среагировать на 1–5 стимулов, вместе с тем могли и обойти вниманием эти стимулы, поэтому ассоциативный ряд вербализованных концептов представлен различным количеством лексем. Сопоставив их с лексикографическим описанием, можно концепт представить комплексно. Например, концепт, репрезентируемый в языке словом «долг», в словаре С.И. Ожегова – Н.Ю. Шведовой [8 – сокращенно: СОШ] представлен: 1. То же, что обязанность. П. Взятые займы.

В МАСе [11]: 1. Обязанность перед кем-, чем-либо. 2. То, что взято или отдано взаимнообразно (преимущественно деньги).

В Словаре Д.Н. Ушакова [14] «долг» – 1. Обязанность. 2. Взятые займы, преимущественно деньги.

Толкование, представленное в указанных лексикографических источниках, по сути, повторяет выделенное у В.И. Даля [4]: все, что должно исполнить обязанность; заемные деньги за что-либо с обещанием уплаты, возврата.

В ассоциативном представлении концепт, вербализуемый словом «долг», может быть дополнен следующими лингвистическими единицами:

Обязанность (семья, работа) – 17; каждый человек должен заботиться о ком-то – 7; святая обязанность – 7; выполнение обязанностей – 5; мой долг – вырастить нормального образованного сына – 5; надо – 5; карточный – 3; ответственный поступок – 3; надо вернуть – 2; превыше всего – 2; совесть – 2; честь – 2; а что это такое? – 1; денежный – 1; если не мы, то кто же – 1; ну и ну! – 1; ответственность – 1; протест – 1; растрата – 1; радость – 1; работа – 1; то, что обязан сделать – 1; твердое решение стоять за что-нибудь до конца – 1; удел – 1; удивление – 1; удовольствие – 1; ясность – 1.

Безусловно, данный ассоциативный ряд мог бы быть продолжен.

Концепт, репрезентируемый в языке словом «сочувствие», в лексикографическом опыте представлен:

1. Взаимная дружба, приязнь, любовь, расположение, влечение, симпатия, незримая духовная, нравственная связь, которая сказывается невольно чувством; безотчетное угадывание, знание [4].

2. 1. Отзывчивое отношение к чужому чувству, преимущественно горестному, сострадание.

2. Одобрительное отношение к чьему-нибудь начинанию, к чьим-нибудь мыслям и настроениям, признание и поддержка чего-нибудь, чувство солидарности с чем-нибудь [14].

3. 1. Отзывчивое, участливое отношение к чужому горю, переживанию; сострадание.

2. Благожелательное отношение к кому-, чему-либо; поддержка, одобрение [11].

4. 1. Отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью других.

2. Одобрительное, благожелательное отношение [8].

Таким образом, концепт, представленный в языке словом «сочувствие» (по материалам лексикографических источников), может быть существенно дополнен за счет ассоциативных представлений в виде различных лингвистических единиц:

Понимание – 7; помощь – 7; сопереживание, помощь в чем-то – 5; доброты – 2; должно быть у каждого – 2; жалость – 2; унижает – 2; близкий – 1; горе – 1; ложь – 1; милосердие к нищим, больным, несчастным детям – 1; можно редко – 1; поддержка – 1; окружающее – 1; осторожно – 1; отзывчивость – 1; слезы – 1; сострадание – 1.

Безусловно, важнейшим источником наших знаний о содержании тех или иных концептов является семантика слов, устойчивых словосочетаний разного типа, структурных и позиционных схем предложений в системе языка, а также отдельных текстов [2].

Довольно часто концепт приобретает национально-специфическую окраску, или культурную коннотацию (по В.Н. Телия [13]), которая проявляется в использовании различных дискурсов.

Каждый из представленных ассоциативных рядов мог бы быть продолжен. И зависит это в большей мере от того, какие ассоциации представлены. Не вызывает сомнений тот факт, что набор лингвистических средств будет существенно

отличаться в зависимости от того, кто участвует в эксперименте, не последнее место в данном случае будет отводиться социальным стратам, характеризующим реципиентов.

Используемый для описания дискурсивного пространства свободный ассоциативный эксперимент заключается в предъявлении респондентам слов-стимулов, на которые они должны ответить любой словесной реакцией, проходящей им в голову. Обработка данных результатов позволила отразить те или иные признаки исследуемого дискурсивного комплекса.

Предлагается записать первые 3–5 слов пришедших в голову реакций (слов, словосочетаний, предложений) на слово-стимул. При обработке результатов учитывались все ассоциации, в том числе и единичные.

Под ассоциациями принято понимать «связь между некими объектами или явлениями, основанную на личном, субъективном опыте. Этот опыт может совпадать с опытом культуры, к которой принадлежит человек, но также всегда является сугубо личным, укорененным в прошлом опыте отдельного индивида» [18, с. 189].

Непременным условием ассоциативного эксперимента является ответ: «первое слово, которое придет на ум». Если возникает отбор, вести речь об ассоциациях неправомерно. Таким образом, вербальная ассоциация представляет собой явление не только психологическое, но и лингвистическое, которое в полной мере помогает описать различные виды дискурса.

1. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Помовский и партнеры, 1994–1998.

2. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж, 1999. – 196 с.

3. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков; М.: Изд. группа «РА-Каравелла», 2001. – 320 с.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1981–1982.

5. Кондрашкина Е.А. Ситуативный анализ как метод получения социолингвистических данных (Приложение) // Методы социолингвистических исследований. – М.: Наука, 1995. – С. 148–155.

6. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // Избранные работы по языкознанию. – М.: Наследие, 1998. – С. 96–222.

7. Маслова В.А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 116–120.

8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

9. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999. – 30 с.

10. Синельникова Л.Н. Признаки дискурсивной практики гуманитарного пространства нового века // Политическая лингвистика – 3 (29) – 2009. С. 56–68.

11. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка. – М.: Русский язык, 1981–1984.

12. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
13. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
14. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.
15. Трескова С.И. Методы и методологические приемы социолингвистического изучения массовой коммуникации // Теоретические проблемы социальной лингвистики. – М., 1981. – С. 188–210.
16. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 135–170.
17. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самосознания // Этнокультурная специфика языкового сознания, – М., 2000. – С. 139–163.
18. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
19. Черкасова Г.А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб.ст. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 129–134.

References

1. Associativnyj tezaurus sovremennogo russkogo yazyka / Karaulov Yu.N., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Ufimceva N.V., Cherkasova G.A. Pod red. Yu.N. Karaulova. – М.: Pomovskij i partnery, 1994–1998.
2. Voloxina G.A., Popova Z.D. Sintaksicheskie koncepty russkogo prostogo predlozheniya. – Voronezh, 1999. – 196 s.
3. Goroshko E.I. Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo e'ksperimenta. – Хар'ков; М.: Izd. gruppa «RA-Karavella», 2001. – 320 s.
4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: T. 1–4. – М.: Russkij yazyk, 1981–1982.
5. Kondrashkina E.A. Situativnyj analiz kak metod polucheniya sociolingvisticheskix dannyx (Prilozhenie) // Metody sociolingvisticheskix issledovanij. – М.: Nauka, 1995. – S. 148–155.
6. Krushevskij N.V. Oчерk nauki o yazyke // Izbrannye raboty po yazykoznaniju. – М.: Nasledie, 1998. – S. 96–222.
7. Maslova V.A. E'ksperimental'noe izuchenie nacional'no-kul'turnoj specifiky vneshnix i vnutrennix kachestv cheloveka (na materiale kirgizskogo yazyka) // E'tnopsixolingvistika. – М.: Nauka, 1988. – S. 116–120.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / RAN. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. – М.: Azbukovnik, 1999. – 944 s.
9. Popova Z.D., Sternin I.A. Ponyatie «koncept» v lingvisticheskix issledovaniyax. – Voronezh, 1999. – 30 s.
10. Sinel'nikova L.N. Priznaki diskursivnoj praktiki gumanitarnogo prostranstva novogo veka // Politicheskaya lingvistika – 3 (29) – 2009. S. 56–68.
11. Slovar' russkogo yazyka: V 4-x t. / AN SSSR, In-t russkogo yazyka. – М.:

Russkij yazyk, 1981–1984.

12. Stepanov Yu.S. *Metody i principy sovremennoj lingvistiki*. – M.: E'ditorial URSS, 2001. – 312 s.

13. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty*. – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. – 288 s.

14. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova*. – M.: TERRA, 1996.

15. Treskova S.I. *Metody i metodologicheskie priemy sociolingvisticheskogo izucheniya massovoj kommunikacii // Teoreticheskie problemy social'noj lingvistiki*. – M., 1981. – S. 188–210.

16. Ufimceva N.V. *E'tnicheskij karakter, obraz sebya i yazykovoe soznanie russkix // Yazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie*. – M.: In-t yazykoznanija RAN, 1998. – S. 135–170.

17. Ufimceva N.V. *Russkie: opyt eshhe odnogo samosoznaniya // E'tnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya*, – M., 2000. – S. 139–163.

18. Frumkina R.M. *Psixolingvistika*. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2001. – 320 s.

19. Cherkasova G.A. *Russkij associativnyj tezaurus: komp'yuternaya texnologiya sozdaniya i izdaniya // E'tnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya: Sb.st.* – M.: In-t yazykoznanija RAN, 1998. – S. 129–134.

UDC 81.27

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.1016

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A METHOD OF INTERPRETATION OF DISCOURSE

Bogdanovich Galina Jurevna,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Senior doctorate of Letters philological, Professor,
Simferopol, Russia,
E-mail: bgdvch@mail.ru

Annotation

Discursive space is represented as a fragment of linguistic picture of the world, in which there is an emerging conceptual image, fully manifested in the linguistic consciousness. Associative representation of the concept based on the interaction, including linguistic and psychological characteristics, allows making the discourse clear, reasoned, bright.

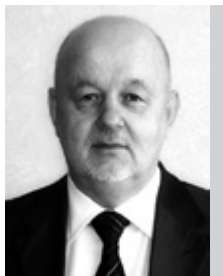
Key concepts:

discursive space, association experiment, language interpretation, naive picture of the world.

УДК 81.42

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.1723

ДИСКУРСИВНЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ АТАК

Романов Алексей Аркадьевич,

Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
доктор филологических наук, профессор,
Тверь, Россия,
E-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Романова Лариса Алексеевна,

Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
доктор филологических наук, профессор,
Тверь, Россия,
E-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются дискурсивные регулятивы информационных атак. Авторы приходят к выводу, что содержательную сторону медийных материалов информационной интервенции и общую характеристику этапов развертывания программы «всерного» сдвига дискурсивного воздействия можно описать в виде матричных конститuentов структурного «дерева» соответствующих этапов такого воздействия.

Ключевые понятия:

информационная атака, дискурс, дискурсивные регулятивы, воздействие, дискурсивное пространство.

Технологической разновидностью коммуникативных механизмов по передаче переформатирующих сознание смыслов в развертывании и осуществлении

подрывных информационно-консциентальных кампаний (также: интервенций, атак, шумов, вбросов, волн и т. п.) можно считать манипулятивную технологию «всерного сдвига» окна дискурса, призванную активизировать массового адресата на реализацию различного рода действий, которые способны «привести к принятию решений, детерминирующих эти процессы» в пользу их бенефициара (инициатора, заказчика, манипулятора, «режиссера»). Функциональную специфику названной технологии, описанной в работах Тверской школы динамической модели регулятивной коммуникации [6; 7], можно показать на базе описания метафорического моделирования действий лучников у Лукиана из Самосаты, которые осуществляются по заданным шаблонам и лекалам массивированного информационного «вброса» (ср. современный образец реализации такой модели на материале информационных «вбросов» под названием «Панамагейт» в сетях различных СМИ). Эти модели могут также послужить одним из рекомендуемых вариантов противоборства с информационными атаками, которые также осуществляются по заданным или «срежиссированным» сценариям.

О возможном «боевом настрое» указанных «вбросов» (атак, баталий, «бомбардировок смыслами», войн, «дуэлей», информационных интервенций) ещё в 60-х годах прошлого века говорил Г.М. Маклюэн [3; 4, с. 346–347], отмечавший, что *«реальная тотальная война стала информационной войной. В ней сражаются при помощи утонченных информационных средств»* как в условиях «холодной войны», так и постоянно». Специфика такой войны проявляется, по его мнению, в том, что «наш сформированный электроникой мир вынудил нас отойти от привычки классифицировать факты и способы узнавания по типам». Поэтому сегодня «общественная жизнь зависит в большей мере от *характера средств*, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от *содержания их сообщений*. Не зная действия средств коммуникации, невозможно понять общественные и культурные изменения» [там же].

В качестве исходной основы информационной интервенции был выбран уже упомянутый массивированный «вброс» документального массива «Панамагейт» как одна из «срежиссированных» разновидностей существующего множества информационно-консциентальных попыток быстрого и эффективного внедрения («вброса») в массовое – мировое и, естественно, российское – сознание «вирусной» идеи (мема, регулятива) под общим и, на первый взгляд, безобидным и нейтральным названием *«Панамские документы»*, чтобы под благовидным предлогом ознакомить мировую общественность с содержанием некоторых финансовых документов, относящихся к зарегистрированным в оффшорной зоне Панамы фирмам и компаниям. Но простое информирование мировой общественности о содержании этих документов было далеко от заявленной цели. Быстро выяснилось, что основная задача информационного вброса документов сводилась к тому, чтобы выставить в неприглядном свете людей, компании и государства, каким-либо образом упомянутых в этих документах с целью опорочить их репутацию и подорвать доверие общества к конкретным персоналиям и к странам, соответственно, чтобы лишить их ресурсов (политических, экономических, моральных), от которых зависит репутационный капитал оппонента (т. е. персонального конкурента, соперника, конкретного политического противника или определенной страны). Таким образом была предпринята

попытка осуществить информационными средствами своё доминирующее влияние над ними и при помощи определенных методов, – например, санкционного давления, создания протестных движений или всеобщего осуждения и ostracism, – подорвать и дискредитировать основную стратегию выживания конкретной, намеченной в качестве жертвы, противоборствующей стороны.

В качестве информационного «тарана» был использован приём создания в сетевых СМИ дискурсивными регулятивами «срежиссированного» по определенному фреймовому сценарию дискурсивного пространства «Панамагейт». Опираясь на «ассоциативную («условнорефлекторную»), – в терминологии Л.С. Выготского [1, с. 104], – связь» логического отношения части и целого, инициаторы *интервенционного дискурса* попытались информационно перенести эту связь на отношения между частью и целым, где по задуманному сценарию в качестве первого компонента должны быть представлены один или несколько человек, имеющих значимое и статусное положение в обществе и в стране (т. е., своего рода, «фигура на фоне»), а в качестве второго компонента или «фона» – сама страна, само общество, которые связаны с его частью (т. е. с важными и значимыми персонами этой страны) общим признаком. И если первой части (персонам) приписать при помощи разнообразных дискурсивно-коммуникативных (медийных) практик определенные негативные признаки, то, следовательно, эти признаки «ассоциативно или условнорефлекторно» перенесутся и на целое, т. е. на общество и на страну.

В контексте сказанного важно подчеркнуть, что информационно-консциентальная кампания, связанная с интервенционным вбросом «Панамских документов / Панамских бумаг», практически повторяет в общих чертах предложенную «Лукианом из Самосаты программу» поэтапного (1–5 этапы) порождения и достижения результирующего эффекта воздействия на консциентальную сферу «мишени» (т. е. «души человека»). Поэтапное развертывание действий или «стрел», по Лукиану, позволяет обозначить две парадигмы использования атакующих регулятивов и раскрыть их содержательную и функциональную направленность на консциентальную сферу мишени («души») в человеке путем применения атакующих «стрел-речей» или регулятивов. К таковым можно отнести следующие этапы, маркированные соответствующими типовыми регулятивами:

- 1) выбор объекта («мишени») поражения или воздействия («душа»);
- 2) отбор проблемы и стратегия её решения (поражение, захват «души-мишени»);
- 3) подготовительный этап (сбор, наполнение и стратегическая оценка «колчанов», наполненных разнообразным множеством всевозможных и разнообразных «стрел-речей»);
- 4) построение сценария решения проблемы (выбор конкретных и пригодных для решения проблемы разновидностей поражения «души-мишени» с эффектами, позволяющими осуществить делегитимацию действий по реализации сценария);
- 5) манипулирование средствами воздействия (применение арсенала «разнообразных стрел» для достижения успешного, запланированного результата обстрела «души-мишени»).

Особо обращает на себя внимание тот факт, что предложенная программа указывает на возможность *вариативного использования* обозначенных парадигм концентриального воздействия, тем самым призывая к реализации – возможной или необходимой, в зависимости от стратегической цели воздействия – *смены* (чередованию) *парадигм* ведения атакующих действий. В частности, вместо *парадигмы борьбы*, направленной на действия по уничтожению противника, он предлагает более эффективную в определенном контексте (или сценарии, ср. выше этап 4 программного порождения и достижения результирующего эффекта) *парадигму действий* по «захвату его души» и сохранения противнику жизненного ресурса, что позволяет добиваться большего результирующего эффекта и, в частности, использовать в дальнейшем продуктивную деятельность противника в своих целях. Представляется, что при использовании «колчанов, полных разнообразных и всевозможных речей» [2] наиболее выигрышной в стратегическом плане выглядит вторая парадигма.

Другими словами, в современных условиях с точки зрения экономических (то есть малозатратных) выгод использование второй парадигмы окажется в наибольшей степени оправданной и целесообразной, если до начала её реализации атакующая сторона заранее подготовит (соберет, сформирует, стратегически оценит) компрометирующий противостоящую сторону материал («колчаны, полные стрел»), а затем запустит его – в целом виде или порционно (т. е. либо по «одной стреле», либо «колчанами, полными стрел») – в массивованные потоки информационно-пропагандистских операций или кампаний для осуществления психологического воздействия, чередуя, по совету Лукиана, разнообразное распространение в глобальной инфосфере массивов информационных атак с использованием информационных «шумов», «волн», вбросов, PR-акций и других мероприятий.

В свете сказанного становится очевидным, что функциональное предназначение «концентриального оружия» в виде воздействующих (атакующих, поражающих, деструктивных) и «срежиссированных» (вбрасываемых) информационно-коммуникативных посланий и сообщений сводится сегодня к тому, чтобы:

а) поражать массовое сознание противоборствующей стороны, приводя её к принятию решений, наносящих себе непоправимый ресурсный ущерб;

б) получать тотальное и доминантное преимущество в материальной и коммуникативно-информационной сферах;

в) перепрограммировать существующую коммуникативно-информационную и общественную систему противника, то есть, согласно С.П. Расторгуеву [5, с. 89–93], «найти или специально создать для неё в окружающем мире такую модель, на которую данная система должна стать похожей».

Учитывая отмеченные в «программе Лукиана» этапы развертывания информационно-концентриальных атак («вбросов»), можно проследить формирование дискурсивного пространства данной кампании, получившей на ключевом этапе концентриального воздействие название «Панамагейт», и проинтерпретировать его с учетом значимости тех или иных этапов названной

программы [подробнее о программе см.: 8; 10]. При этом также важно иметь в виду наличие стратегических дефензивных контрдействий атакованной стороны и учёт специфики их направленности на упреждение и отражение коммуникативных действий-практик (регулятивов) атакующей стороны, чтобы свести к минимальному риску возможность поражающего влияния. Содержательную сторону медийных материалов информационной интервенции и общую характеристику этапов развертывания программы «веерного» сдвига дискурсивного воздействия, направленного на переформатирование концентриального пространства (сферы) массового адресата, можно описать в виде матричных конститuentов структурного «дерева» соответствующих этапов такого воздействия, предложенных в [9].

1. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. С. 103–108.

2. Лукиан из Самосаты. Избранная проза. Пер. с древнегреч. – М., 1991. 720 с.

3. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.

4. Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 341–349.

5. Расторгуев С.П. Информационная война. – М.: Радио, 1999. – 416 с.

6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: ИЯ АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 182 с.

7. Романов А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016, № 4. С. 1–35. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

8. Романов А.А., Романова Л.А. Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-концентриальной кампании. Статья первая: «Окно дискурса» как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 1–32. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

9. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015, № 2. С. 1–31. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

10. Romanov A. A., Romanova L. A. Communicative construct as “tunnel window” of media discursive reality // “Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries”. The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26–28 February 2017). Papers and Commentaries. Vol. VII. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 512–518.

References

1. Vygotskij L.S. Instrumental'nyj metod v psixologii // Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij: v 6-ti tomah. T. 1. Voprosy teorii i istorii psixologii* / Pod red. A.R. Luriya, M.G. Yaroshevskogo. – M.: Pedagogika, 1982. S. 103–108.
2. Lukian iz Samosaty. *Izbrannaya proza. Per. s drevnegrech.* – M., 1991. 720 s.
3. Maklyue'n G.M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* / Per. s angl. V. Nikolaeva; 3akl. st. M. Vavilova. – M.; Zhukovskij: «KANON-press-C., «Kuchkovo pole», 2003. 464 s.
4. Maklyue'n M. *Sredstvo samo est' sodержanie* // *Informacionnoe obshhestvo.* M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2004. S. 341–349.
5. Rastorguev S.P. *Informacionnaya vojna.* – M.: Radio, 1999. – 416 s.
6. Romanov A.A. *Sistemnyj analiz regulyativnyx sredstv dialogicheskogo obshheniya.* – M.: IYa AN SSSR; Kalininskij SXI, 1988. – 182 s.
7. Romanov A.A. «Okno diskursa» kak regulyativnyj mexanizm rasprostraneniya «virusnoj» informacii: dva podxoda k probleme // *Mir lingvistiki i kommunikacii: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal.* 2016, № 4. S. 1–35. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>.
8. Romanov A.A., Romanova L.A. Funkcional'naya specifika «veernogo sdviga» okna diskursa v informacionno-konsciental'noj kampanii. Stat'ya pervaya: «Okno diskursa» kak kompleksnaya texnologiya informacionnogo spin-doktoringovogo vozdejstviya // *Mir lingvistiki i kommunikacii: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal.* 2017. № 3. S. 1–32. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>.
9. Romanov A.A., Romanova L.A., Morozova O.N. Frejmovaya matrica spin-doktoringovogo konstruirovaniya smyslov v sisteme publicznyx kommunikacij // *Mir lingvistiki i kommunikacii: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal.* 2015, № 2. S. 1–31. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>.
10. Romanov A.A., Romanova L.A. Communicative construct as “tunnel window” of media discursive reality // “Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries”. The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26–28 February 2017). Papers and Commentaries. Vol. VII. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 512–518.

UDC 81.42

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.1723

DISCOURSIIVE REGULATIVES OF INFORMATION ATTACKS

Romanov Aleksey Arkadievich,

Tver State Agricultural Academy,
DSc in Philology, Professor,
Tver, Russia,
E-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Romanova Larisa Alekseevna,

Tver State Agricultural Academy,
DSc in Philology, Professor,
Tver, Russia,
E-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Annotation

The article deals with the discursive regulatives of informative attacks. The authors conclude that the content side of media materials of informative intervention and the general characterization of the stages of deployment of the “fan” shift program of discursive impact can be described as matrix constituents of the structural “tree” of the corresponding stages of such influence.

Key concepts:

informative attack, discourse, discursive regulatives, influence, discursive space.

УДК 482

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.2428

ВЕРБАЛЬНО-ТАКТИЛЬНЫЙ КОМПОЗИТ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА

Малышева Екатерина Валерьевна,

Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
кандидат филологических наук, доцент,
Тверь, Россия,
E-mail: ekkmal@bk.ru

Аннотация

В статье рассматривается вербально-тактильный композит в коммуникативном пространстве диалога. Автор приходит к выводу, что изменение самосознания говорящей личности в диалогическом пространстве актов вербально-тактильной интеракции представляет собой переход к различным эмоциональным состояниям при реализации вербально-тактильного регулятива как композитного (вербально-тактильного) коммуникативно-дискурсивного конструкта.

Ключевые понятия:

вербально-тактильный композит, диалог, прикосновение, конструкт, комплексное действие.

Функциональная специфика вербально-тактильного регулятива как знака поведенческого кода, а шире – коммуникативного пространства актов вербально-тактильной интеракции [1; 2; 3; 5; 8], во многом определяется «атмосферой» согласованного (непротиворечивого) диалогического взаимодействия, которое нацелено на формирование принципов сотрудничества, кооперации, поддержки, согласия, доверия и взаимопомощи. Другими словами, движение участников диалогической интеракции на пути достижения поставленных целей и задач предполагает прохождение такого потенциального пространства, в котором они (т. е. собеседники), используя вербально-тактильные практики (совместно или каждый по отдельности), могут самостоятельно оценивать комплексные действия партнеров и измерять и интерпретировать их по своеобразной шкале

«принимаю» или «не принимаю» [4]. Таким образом, представляется прохождение такой оценки по принципу противоположностей – контрарных значений – «плюса» (положительный эффект от использования введенного тактильного действия) и «минуса» (отрицательный эффект тактильного воздействия на собеседника). Важно подчеркнуть, что прохождение крайних точек сопровождается нейтральным отношением к действиям собеседника, т. е. тогда, когда используемые вербально-тактильные элементы диалога нейтральны и не оказывают влияния на смену иллюкутивных актов или действий участников (не отражаются на поведении).

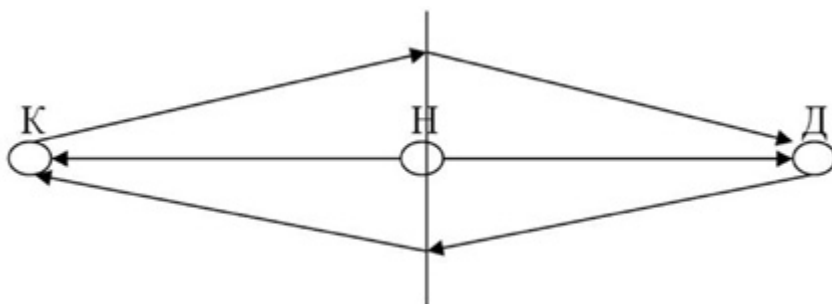
В таком случае собеседник, на которого направлено вербально-тактильное сообщение (комплексное действие, соединяющее речь с тактильным элементом), принимает его как «должное» и не вычленяет (не придаёт значения) в общем потоке информации. Как правило, нейтральные прикосновения чаще всего используются собеседниками в таких речевых актах, как приветствия, прощания, благодарности, вопросы. При их реализации собеседники не эмоциональны или практически не проявляют эмоций, а использование тактильных действий связано с проявлением формальных чувств и эмоций по отношению к участнику диалогического взаимодействия. К тактильным элементам данных речевых актов относятся следующие прикосновения: *to cling to; to embrace, to give a kiss / a hand, to held, to kiss, to press, to shake / give handshake, to pat, to put, to take a hand / an arm, to take by the arm / a hand, to take hold* и др.

Однако если приять во внимание утверждение о том, что использование вербально-тактильных действий обусловлено эмоциональной сферой поведения участника диалогического взаимодействия, а типовые сценарии жизнедеятельности человека как субъекта социальной деятельности наполняются конкретным содержанием в процессе включения в определённые «предметные области» [7, с. 36], то появляется возможность фиксации эмоциональной «глубины» прагматического воздействия, которую оказывает вербально-тактильный регулятив как знак коммуникации, как композитный знак, объединяющий в себе вербальную и невербальную составляющие и представляющий единое комплексное действие. В данном случае представляется возможным рассматривать *вербально-тактильный регулятив* как композитное образование коммуникативно-дискурсивного пространства актов вербально-тактильной интеракции или *композитный коммуникативно-дискурсивный конструкт*, которой будучи вплетенным говорящим субъектом в речевые и – шире – коммуникативные акты выступает в качестве диалогорегулятивной единицы интерактивного взаимодействия, влияющей как на выработку уровня неконфликтного и непротиворечивого взаимодействия участников диалогического обмена и выбор интерактивной специфики, так и на создание согласованной атмосферы диалогического взаимодействия.

А контрарный тип мерностей взаимоотношения внутри данного конструкта показывает, как участник диалогической интеракции самостоятельно выбирает ориентационные формы комплексных интерактивных действий и производит (находит) отсчёт для себя и своей деятельности. Иными словами, композитная целостность такого конструкта будет обусловлена одновременной реализацией как вербальных элементов диалогической речи, так и элементов невербального кода, включённых в диалогическую речь. Таким образом, вербально-

тактильный регулятив как композитный коммуникативно-дискурсивный конструкт представляет собой определенный тип отношений между контрарными (антонимическими) понятиями такого плана, как *эмоциональное комфортное* и *дискомфортное* состояния (ср.: «Лад» и «Разлад» в конструкте «утешение» в работах [4], [6]). Примечательно, что при движении от комфортного к дискомфортному состоянию на континууме содержания такого конструкта будет расположено среднее понятие (средний тип отношения состояния участника актов вербально-тактильной интеракции), которое будет выступать в качестве промежуточного звена и отображать *нейтральное* отношение (т. е. такое звено не затрагивает ни положительные, ни отрицательные переживания собеседника).

Схему движения по континууму содержания конструкта в виде перехода к различным состояниям (комфортным, нейтральным и дискомфортным) участников диалогического взаимодействия можно представить в виде линий с конкретными полюсами:

Пояснения к схеме: схема представляет условно разделенные чертой две части: левая часть соответствует комфортному эмоциональному состоянию участника диалогического взаимодействия (К); правая часть отображает дискомфортное эмоциональное состояние партнера по интеракции (Д); промежуточное звено (Н) – нейтральное отношение адресата вербально-тактильного сообщения к комплексной деятельности инициатора; стрелками обозначены схемы движения возможных (потенциальных) диспозиций эмоционального состояния адресанта и адресата в вербально-тактильном пространстве диалога.

Оговоримся, что в практике диалогического взаимодействия использование действия-прикосновения в качестве вербально-тактильного регулятива всегда вызывает отклик со стороны адресата вербально-тактильного сообщения, т. к. тактильные компоненты диалога связаны с нарушением личного пространства собеседника, но, однако, могут оцениваться как допустимые, нейтральные, негативные или положительные, а степень, интенсивность и количество их использования обуславливаются традициями и налагаемыми запретами в определенной культуре или обществе. Так, даже обычное ритуальное действие со стороны собеседника, которое выражает формальное отношение, например в актах приветствия ли прощания, может не просто расцениваться как «дань» традиции (здороваться за руку, обнимать друг друга или целовать – соответственно глаголы (представлены наиболее употребительные): *to cling to; to embrace, to give*

a kiss / a hand, to kiss, to shake / give hand shake, to take a hand / an arm, to take by the arm / a hand), а выступать дополнительным элементом речи, который передаёт (несёт, заключает в себе) функции осуществления контроля со стороны инициатора взаимодействия, организацию, формирование и планирование дальнейшего тематического пространства заданной интеракции.

Таким образом, изменение самосознания говорящей личности в диалогическом пространстве актов вербально-тактильной интеракции представляет собой переход к различным эмоциональным состояниям при реализации тактильного регулятива как композитного (вербально-тактильного) коммуникативно-дискурсивного конструкта, который представляет собой семиотически осложненную строевую единицу диалогического взаимодействия. Такая единица в практике общения не только оказывает влияние на процесс речеактовой коммуникации, но и преобразовывает диспозиции Я-участника интерактивного процесса на пути реализации поставленных целей и задач и способствует достижению положительного коммуникативного эффекта.

1. Малышева Е.В. Базовая модель комплексного коммуникативного взаимодействия как матрица вербально-тактильного поведения ее участников // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2013. № 2. С. 20–23. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

2. Малышева Е.В. Кинестетические регулятивы английской диалогической речи. – Тверь: ТвГУ, Тверская ГСХА, 2015. – 147 с.

3. Малышева Е.В. Особенности восприятия информации посредством невербальных систем взаимодействия // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. Вып. 4. – 2017. – С. 51–58.

4. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: лингвопсихологический анализ. – Москва-Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2006. – 144 с.

5. Романов А.А., Малышева Е.В. Вербальная и тактильная системы как комплексный фреймовый композит // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2014. № 1. С. 1–14. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

6. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – Москва-Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2009. – 180 с.

7. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.

8. Malysheva E. Phenomenon of touch: main approaches and factors of researches // Yale Journal of Science and Education (January-June), No. 1. (18). Vol. X. – 2016. – P. 138–143.

References

1. Malysheva E.V. Bazovaya model' kompleksnogo kommunikativnogo vzaimodejstviya kak matrica verbal'no-taktil'nogo povedeniya ee uchastnikov // Mir lingvistiki i kommunikacii: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal. 2013. № 2. S. 20–23. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>.

2. Malysheva E.V. Kinesteticheskie regulyativy anglijskoj dialogicheskoj

rechi. – Tver': TvGU, Tverskaya GSXA, 2015. – 147 s.

3. Malysheva E.V. Osobennosti vospriyatiya informacii posredstvom neverbal'nyx sistem vzaimodejstviya // Psixolingvistika i leksikografiya: sbornik nauchnyx trudov. Vyp. 4. – 2017. – S. 51–58.

4. Romanov A.A., Nemeč N.G. Diskurs utesheniya: lingvopsixologičeskij analiz. – Moskva-Tver': IYa RAN; Tverskaya GSXA, 2006. – 144 s.

5. Romanov A.A., Malysheva E.V. Verbal'naya i taktil'naya sistemy kak kompleksnyj frejmovyj kompozit // Mir lingvistiki i kommunikacii: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal. 2014. № 1. S. 1–14. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>.

6. Romanova L.A. Strukturno-semantičeskije aspekty kompozitnyx performativov v funkcional'noj paradigmeazyka. – Moskva-Tver': IYa RAN; TGSXA, 2009. – 180 s.

7. X'ell L., Zigler D. Teoriya ličnosti. – SPb.: Piter Press, 1997. – 608 s.

8. Malysheva E. Phenomenon of touch: main approaches and factors of researches // Yale Journal of Science and Education (January-June), No. 1. (18). Vol. X. – 2016. – P. 138–143.

UDC 482

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.2428

VERBAL-TACTILE COMPOSITE IN COMMUNICATIVE SPACE OF DIALOGUE

Malysheva Ekaterina Valerievna,

Tver State Agricultural Academy,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Tver, Russia,
E-mail: ekkmal@bk.ru

Annotation

The article deals with the verbal-tactile composite in the communicative space of the dialogue. The author concludes that changing the self-consciousness of the talking personality in the dialogue space of acts of verbal-tactile interaction is a transition to different emotional states in the implementation of the verbal-tactile regulator as a composite (verbal-tactile) communicative-discursive construct.

Key concepts:

verbal-tactile composite, dialogue, touch, construct, complex action.

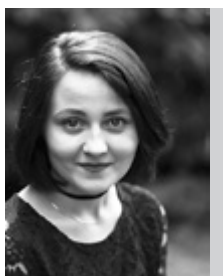
УДК 81
DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.2932

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНЫХ АСПЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА КОНТЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM)

Качесова Ирина Юрьевна,

Алтайский государственный университет,
кандидат филологических наук, доцент,
Барнаул, Россия,
E-mail: ikachesova@mail.ru

Мартихина Елизавета Владимировна,

Алтайский государственный университет,
магистрант 1 курса,
Барнаул, Россия,
E-mail: angerinasun@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена дискурсивным возможностям исследования Instagram на материале анализа текстов SMM-сообщений. Предметом исследования является дискурсивное исследование взаимодействия автора и читателя в лингвистическом и когнитивном аспектах. В статье анализируются и описываются лингвистические и экстралингвистические параметры текста, воздействующие на формирование положительного имиджа бренда у аудитории аккаунта.

Ключевые понятия:

медиадискурс, текст, автор, читатель, имидж.

Сегодня массовая коммуникация – это феномен, вызывающий много вопросов. Массовая коммуникация создает не только пространство для получения информации и развлечения, но и формирует способ презентации жизненных ценностей, ориентиров и картины мира человека. Индивиды именно с помощью средств масс-медиа формируют свою точку зрения и транслируют ее окружающим. Любой феномен должен быть описан, массовая коммуникация не исключение. Дискурсивный подход является одним из способов такого рода описания и признается многими научными направлениями как метод, который позволяет решать многие исследовательские задачи [см. подробнее 2; 3; 6; 7].

Актуальность исследования SMM-жанров обусловлена двумя факторами: во-первых, интересом современной лингвистики к исследованию медиадискурса, а также недостатком знаний в области анализа медиадискурса социальных платформ; во-вторых, интересом отечественного языкознания к анализу языковой личности, которая стоит за каждым опубликованным текстом [см. подробнее 3; 5].

В связи с этим предпринятая в данном исследовании попытка описать речевое взаимодействие автора и читателя через социальную платформу Instagram на фоне широкого экстралингвистического контекста в виде фото, отметок «Мне нравится», количества подписчиков, количества и времени публикаций в новых социальных условиях представляется весьма актуальной. Когда мы говорим о новых социальных условиях, мы имеем в виду очевидное стирание национальных границ между контентом в Интернете.

Аббревиатура SMM расширяется как *Socia Media Marketing*. Под данным термином понимается процесс привлечения клиентов или внимания к какому-либо бренду через социальные сети, или, по-другому, социальные платформы. Как правило, подразумевается большой комплекс методов в совокупности с мероприятиями для решения поставленных бизнес-задач. Конечно, первая и самая важная из них – это повышение узнаваемости бренда. В комплекс входят и филологические методы.

Филологические методы в SMM связаны с созданием контента в виде текста. В принципе, стоит сказать, что на создании и распространении контента и строятся все SMM-стратегии. Можно выделить следующие виды контента:

- 1) визуальный – фото, видео;
- 2) аудиальный – аудиосообщения, которые в SMM используются крайне редко или не используются вообще;
- 3) текстовый.

Данное исследование выполнялось в рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики и связано с анализом языковой личности, формируемой в медиадискурсе [1; 3; 4; 8]. В качестве материала анализа привлекаются тексты публикаций на русском и немецком языках двух аутентичных аккаунтов кофеен «Старбакс».

Гипотеза заключается в том, что взаимодействие автора и читателя данного вида текста связано, во-первых, с особенностями дискурса, в котором осуществляется подобного вида взаимодействие; во-вторых, особенности виртуального дискурса порождают когнитивные структуры взаимодействия и диктуют говорящему выбор определенного набора лингвистических способов выражения когнитивных форм. В результате анализа выяснилось, что SMM-тексты имеют такую структуру: суперструктура, макроструктура, микроструктура, экстралингвистический

контекст, реакция. Уровни структур могут пересекаться. Данные уровни структур, в свою очередь, наполняются лингвистическим содержанием. Авторы публикаций аккаунтов предпочитают использовать имиджевые тексты, короткие предложения с максимально упрощенным синтаксисом. Они легко воспринимаются читателями, реагирующими на эти публикации с помощью отметок «Мне нравится» и комментариев. На лексическом уровне отсутствуют клише, которыми грешат многие SMM-копирайтеры. Очень много слов с положительной эмоциональной окраской, практически отсутствуют негативные комментарии. Мы предположили, что это благодаря тому, что в публикациях отсутствует явная оценочная коннотация продукта. Если пользователю не нравится какой-либо продукт, он прокомментирует только ту запись, где присутствует явно положительная оценка продукта и хвалебный отзыв самого бренда о нем. В обоих аккаунтах «Старбакс» такое не допускается.

В немецком аккаунте «Старбакс» публикации делаются в лучшем случае раз в месяц: публика в 5 раз менее активная, чем в русском аккаунте. Основная тематика публикаций – появление новинок. В русском аккаунте постоянно учитывается внешний контекст: публикации приурочены к праздникам, выходным, временам года и т. д. Благодаря активной работе, аккаунт получает большой охват и отклик.

Очевидно, что успех публикации в Instagram зависит от экстралингвистического контекста, но текст, который влияет на аудиторию, является залогом большого охвата и вовлеченности, чего и добиваются все SMM-специалисты.

Следовательно, анализируя разницу между взаимодействием автора и читателя в немецкоязычном и русскоязычным масс-медиа, можно сделать вывод, что разница наполнения аккаунтов в разных языковых культурах прежде всего связана с национальными особенностями дискурсов. Эти кросскультурные различия, в свою очередь, повлияли на лингвистическую реализацию когнитивной структуры дискурса.

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 358 с.
2. Дейк Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Изд-во Волгогр. гос. пед. ин-та, 1992. 330 с.
4. Качесова И.Ю. Коммуникативно-риторическая модель русского аргументативного дискурса. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. 92 с.
5. Седов К.Ф. Дискурс и личность. М.: Лабиринт, 2004. 318 с.
6. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: Книжный дом «Либроком», 2008. 230 с.
7. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 356 с.
8. Чувакин А.А. Основы филологии: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2011. 239 с.

References

1. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku. M.: Editorial URSS, 2003. 358 s.
2. Dejk T.A. Van. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya. M.: Progress, 1989. 312 s.

3. Karasik V.I. Yazyk social'nogo statusa. M.: In-t yazykoznaniya RAN; Izd-vo Volgogr. gos. ped. in-t, 1992. 330 s.
 4. Kachesova I.Yu. Kommunikativno-ritoricheskaya model' russkogo argumentativnogo diskursa. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2013. 92 s.
 5. Sedov K.F. Diskurs i lichnost'. M.: Labirint, 2004. 318 s.
 6. Sidorov E. V. Ontologiya diskursa. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2008. 230 s.
 7. Ticher S., Mejer M., Vodak R., Vetter E. Metody analiza teksta i diskursa. Xar'kov: Gumanitarnyj centr, 2009. 356 s.
 8. Chuvakin A.A. Osnovy filologii: ucheb. posobie. M.: Flinta; Nauka, 2011. 239 s.
-

UDC 81

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.2932

FEATURES OF THE DISCURSIVE ASPECTS OF THE INTERACTION BETWEEN THE AUTHOR AND THE READER (BASED ON THE ANALYSIS OF THE CONTENT OF THE SOCIAL NETWORK INSTAGRAM)

Kachesova Irina Yurjevna,

Altai State University,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Barnaul, Russia,
E-mail: ikachesova@mail.ru

Martihina Elizaveta Vladimirovna,

Altai State University,
Master of 1 course,
Barnaul, Russia,
E-mail: angerinasun@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the discursive possibilities of researching Instagram on the material of analysis of SMM messages. The subject of the study is a discursive study of the interaction of the author and the reader in linguistic and cognitive aspects. The article analyzes and describes the linguistic and extra-linguistic parameters of the text that affect the formation of a positive brand image among the account's audience.

Key concepts:

media discourse, text, author, reader, image.

УДК 378.1

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.3339

ДИСКУРСИВНЫЕ КОНТЕКСТЫ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Рыбаков Сергей Владимирович

Уральский федеральный университет,
кафедра истории и социальных технологий,
доктор исторических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: istoric-ek@mail.ru

Аннотация

Одним из неблагоприятных следствий проводимого в 1990-е – 2000-е годы рыночного реформирования российской системы образования явилось размывание общероссийского образовательного пространства. Нынешнее руководство министерства образования Российской Федерации ставит задачу восстановить системное единство российского образования. В связи с этим возникает научный интерес к смысловой сути словосочетания «единое образовательное пространство» и к дискурсивным особенностям этого концепта.

Ключевые понятия:

образование, воспитание, реформы образования, единое образовательное пространство, стратегия государственного развития, дискурсы образовательной политики.

В 1990-е – 2000-е годы российская система образования пережила несколько волн реформирования, результаты которого в научном сообществе оцениваются как неоднозначные и противоречивые. Долгосрочная стратегия реформ отсутствовала; надежной научно-методологической базы под ними также не было. Внутри общероссийского образовательного пространства возникли диспропорции, подрывающие его единство.

На состоявшемся в декабре 2015 года заседании Госсовета по вопросам совершенствования системы образования президент России В.В. Путин обозначил восстановление единого образовательного пространства как практическую необходимость [3]. Озвученная В.В. Путиным установка явилась сигналом к внесению корректив в проведение образовательной политики. Вскоре в соответствии с президентской прескрипцией в Министерстве образования

Российской Федерации последовала закономерная в подобных случаях смена руководства.

Новый министр образования О.Ю. Васильева, очерчивая приоритеты своей предстоящей деятельности, заявила: «Без единого образовательного пространства двигаться в направлении хорошего, качественного образования невозможно» [4].

Концептуальная формула «единое образовательное пространство» не привязана к одному-единственному дискурсу, взаимодействуя с разными сторонами общественного бытия.

В первичном, корневом значении этот концепт неотделим от тематики, связанной с учебно-воспитательным процессом. Ясно, что вне педагогического контекста единое образовательное пространство существовать не может. Многоуровневая и многосторонняя педагогическая деятельность опирается на образовательные стандарты и учебные программы, получает практическое наполнение посредством обучающих технологий в процессе диалога между учениками и наставниками. Она нацелена на определенные результаты в виде сформированных у школьников и студентов знаний, навыков, умений, социальных компетенций.

Педагогический дискурс системно организованного образовательного пространства предполагает прочную связь между обучением и воспитанием: обучение несет в себе воспитательные элементы, а воспитание опирается на обучающие технологии. Во все времена и у всех народов воспитание детей и юношества считалось особо значимой темой, связанной с воспроизводством человеческих ресурсов. Образование и воспитание всегда соединялись в неразрывное целое. Расщепление этой целостности – нонсенс, порождающий системные проблемы, опасные для перспектив страны.

Как ни парадоксально, в ходе реформ российской образовательной системы такое разделение произошло. В июле 2007 года тогдашний министр образования А.А. Фурсенко заявил: «Недостатком советской системы образования была попытка формирования человека-творца, сейчас наша задача заключается в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя» [7].

Это заявление отразило попытку выдать из воспитания функцию генерирования у молодых людей социально значимых качеств, тем самым стерев саму суть воспитания. Даже людям, далеким от педагогики, понятно, что «выращивание квалифицированного потребителя» никак не может считаться главной целью реформы образовательной системы. Потребительский «идеал» вступает в конфликт с фундаментальными традициями отечественного образования, связанными с творческим познанием мира, с обретением молодежью способности широко мыслить, изобретать, совершенствовать, плодотворно трудиться на благо общества.

Презентация потребительского контента запустила сразу несколько неблагоприятных процессов: у школьников снизилась мотивация к получению системных знаний, сузилась стратегический горизонт учителей, упало качество обучения.

Ориентация на «квалифицированное потребление» привела к девальвации гуманитарного образования. В несложной логике «продвинутого потребителя» остается мало места для интеллектуальных открытий, глубоких философских абстракций, возвышенных чувств, включающих в себя патриотизм, уважение к истории и культуре своей страны. В угоду потребителю «эталону» в шко-

лах были существенно урезаны часы на изучение классической литературы. Произошла отмена сочинения, прежде считавшегося наиболее эффективным методом выработки у учащихся навыков самостоятельного мышления.

Дискриминация гуманитарных знаний в школе привела к снижению у детей словарного запаса, к ослаблению образной памяти, к неумению связно излагать свои мысли. По словам О.Ю. Васильевой, «эксперты бьют тревогу, потому что, по различным оценкам, у 25–45% наших детей потеряно функциональное чтение. Ребенок читает текст и не может пересказать содержание. Это большая проблема, которую нужно решать» [2, с. 1].

Система получения знаний – единый комплекс, подрыв одних его элементов неизбежно сказывается и на других. Значительная часть российских школьников перестала усваивать программы по физике, химии, математике, биологии – по предметам, определяющим позиции страны в международном научно-техническом соревновании.

Негативные тенденции в образовательном пространстве нарастали, но вместо того, чтобы переломить их, тогдашнее министерство образования пошло по пути наименьшего сопротивления, введя ЕГЭ – усреднено-шаблонное тестирование, не связанное с навыками творческого мышления. Практика тестирования переросла рамки ЕГЭ, превратившись в «тестоманию». Философ В.С. Батулин назвал этим словом «натаскивание обучаемых на заранее заготовленные кем-то тесты» [1, с. 116] и «погоню в процессе тестирования за количеством набранных баллов, потеснившую собой значимость подлинных знаний» [1, с. 114].

С приходом О.Ю. Васильевой к руководству образовательной системой наметилась смена акцентов в теме единства образования и воспитания: «Образование – это воспитание и обучение. ...Ценностные вещи несет гуманитарный блок, хотя учитель химии и физики всегда привнесет их в урок – на то он и учитель». Школьные учителя, считает О.Ю. Васильева, не должны уstraняться от воспитательных задач. Детям нужно объяснять, «что хорошо, а что плохо». Педагогика должна оставаться справедливой и требовательной: «Очень важно, с чем ребенок пойдет в жизнь. ...Запреты должны быть. Объяснять нужно постоянно. Понимание не приходит ниоткуда» [2, с. 1].

Обучение и воспитание школьников напрямую связано с содержанием учебных программ. За годы реформ вопросы, касающиеся содержания учебного процесса, находились на заднем плане, ибо основное внимание уделялось перелицовке структурно-организационных форм образования. По словам О.Ю. Васильевой, «федеральные государственные образовательные программы 2004 года были очень расплывчатыми, в них не хватало самого главного – содержания образования. ...Ключевой задачей стало наполнение стандартов базовыми основами образования». В июле 2017 года были приняты новые образовательные стандарты, «отличающиеся от прежних тем, что в них прописано содержание» [2, с. 1].

Расплывчатые образовательные программы, принимавшиеся в период непористого рыночного реформирования, отразили концепт под названием «вариативное обучение». Вариативность разделила учебные учреждения на «элитные» и «массовые». Такое разделение не учитывало личные способности и нацеленность детей на получение знаний, войдя в противоречие с принципом равных стартовых возможностей. Массовый сегмент образования, страдавший от хро-

нического недофинансирования, попал в ущемленное положение. Особенно не легкая участь, связанная с нехваткой финансирования, учебного оборудования, учительских кадров, выпала школам в селах и небольших дотационных городах.

Вариативное обучение охватило и вузы, в 1990-х годах разделившиеся на государственные и частные. За вывесками многих частных вузов скрывались «конторы по продаже дипломов» [1, с. 114]. Впрочем, и государственные вузы от системы подготовки кадров постепенно уходили «в сферу по оказанию образовательных услуг». Как отмечает В. С. Батулин, это «предопределило их переход в состояние хронической неустойчивости, неопределенности и нестабильности» [1, с. 12].

Вариативность методик обучения слабо сочеталась с наличием общих образовательных стандартов. Многие авторские программы обучения, имитирующие некое инновационное движение, избегали должной экспертизы, порождая разноречивость в подходах к преподаванию тех или иных дисциплин. Резко увеличился выпуск учебных пособий. Часть из них являлась сомнительной в методическом и методологическом отношении, содержала слабо обработанную информацию, дезориентирующую тех, кто к ней обращался. О. Ю. Васильева так отнеслась к данной проблеме: «Если мы создаем единое образовательное пространство, то должны создать концептуальное видение, стандарты, на основании которых пишем учебники. 1423 учебника в федеральном перечне – это немислимо много» [2, с. 1].

В теории масштабы единого образовательного пространства способны варьироваться. Выражение «единое образовательное пространство» получило хождение в конце XX века в европейских странах, стремившихся к широкой интеграции. Одним из ее элементов стал так называемый «болонский процесс», целями которого были объявлены свободное перемещение студентов из одних европейских университетов в другие и межгосударственная конвертируемость дипломов и аттестатов.

На российской почве формула «единое образовательное пространство» обрела автономию по отношению к европейскому первоисточнику. Эту формулу принялись вписывать в различные масштабы, доходившие до рамок единичных учебных заведений. На свет появлялись методические труды, посвящаемые «единому образовательному пространству» в отдельно взятых школах [5]. Впрочем, до 2015 года измельчение масштабов этого концепта вполне вписывалось в параметры тогдашней образовательной политики.

Судя по заявлениям О. Ю. Васильевой, для нее «единое образовательное пространство» не тождественно ни «болонскому процессу», ни делам в отдельно взятых учебных заведениях. Ее заботой стал пересмотр принятого еще в 1990-е годы решения о децентрализации управления образовательной системой, когда ответственность за финансирование большинства учебных заведений переходила на муниципальный уровень. Это решение привело к ослаблению управленческой вертикали в образовательной отрасли. К 2000 году в суммарных расходах на образование доля муниципалитетов достигала 62%, тогда как квота субъектов федерации составляла 20%, а квота федерального бюджета опустилась до 18% [6].

Смысловая конструкция «единое образовательное пространство» для нынешнего руководства министерства образования означает исправление

структурно-управленческих перекосов в образовательной отрасли. В этой конструкции образование рассматривается как важная часть государственно-общественной системы, как системообразующий фактор.

Россия включает в себя территории, являющиеся неоднородными в культурно-историческом, религиозном, языковом, природно-климатическом, хозяйственно-инфраструктурном и иных аспектах. С позиций политического дискурса единое образовательное пространство оказывается для Российского государства императивным кредо, определяющим суть подходов к отношениям между центром и регионами. Принцип единого образовательного пространства призван выполнить функцию интегратора, обретая актуальность как средство сдерживания сепаратистских и этнократических тенденций, выявившихся в ряде российских регионов в начальной фазе постсоветского периода. Стратегия сбережения государственной целостности, единства народов и территорий не может игнорировать образовательно-воспитательные факторы. Помимо сети учебных заведений и методики образования, к этим факторам относятся также информационная среда, правовые гарантии воспитуемых, единая нормативная база, касающаяся правил поступления в учебные заведения.

Легко обнаружить взаимосвязь образовательно-воспитательной сферы с этнополитической тематикой. Проведение политики в области межэтнических отношений и в сфере образования вписывается в общую методологическую, нормативно-ценностную, институциональную матрицу, подчиняясь единой стратегической цели, связанной с высоким уровнем общественной интеграции. Движение к этой цели сопровождается приобщением многоэтничного населения России к понятиям «общность исторической судьбы», «совместные усилия для блага всех» и им подобным. Эти понятия определяют нынешний этнополитический курс, имея при этом самое непосредственное отношение и к образовательной политике. Во-первых, означенные понятия не могут успешно транслироваться в сознание людей без участия образовательных учреждений. Во-вторых, гражданское единство российского общества не достижимо без создания в стране устойчивого образовательного пространства.

Одной из целей образовательно-воспитательного комплекса является закрепление в сознании людей норм и ценностей культуры межэтнических отношений. Ее суть раскрывается как плодотворный диалог, взаимодействие, сотрудничество, обмен историческим опытом, интеллектуальным богатством, практическими умениями и бытовыми навыками. В такой интерпретации культура межэтнических отношений становится общим знаменателем для этнополитики и для системы образования.

Единое образовательное пространство является фактором обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Понятие «национальная безопасность» относится не к отдельным этносам и народностям, а ко всему многоэтническому населению России. Национальная безопасность – это не только противостояние военно-политическим вызовам, но и сбережение духовно-культурной суверенности страны и населяющих ее народностей, сохранение за ними права занимать собственную цивилизационную нишу. В мире, где, по словам американского социолога С. Хантингтона, происходит «столкновение цивилизаций» [8], борьба за сохранение идентичности становится важнейшим сегментом деятельности по обеспечению национальной безопасности. Без до-

стижения гражданского единства российского общества надеяться на успехи в этой борьбе не приходится.

«Столкновение цивилизаций» происходит в разных системах координат, среди которых сфера образования занимает далеко не последнее место. Это «столкновение» порождает глобальную турбулентность, проявляющуюся в информационных войнах с их манипуляционными технологиями, подменой понятий, двойными стандартами. На этом фоне обретает актуальность тема экологии личности. В первую очередь она касается молодежи.

Под мощным информационным прессом молодежь часто оказывается дезориентированной: в ее среде распространяются скепсис, неприкаянность, одиночество, увеличиваются психозы, суициды, отравления наркотиками и алкоголем. На сознание молодых пытаются воздействовать деструктивные политические течения, тоталитарные секты, экстремистские группировки. Тема экологии личности становится жизненно важной частью концепции «единого образовательного пространства».

Подводя итог всему сказанному, можно сказать, что эта концепция обретает значение стратегического ресурса, моделирующего программу действий не только в системе образования, но и в других сферах государственно-общественной жизни.

1. Батурич В.С. Особенности становления постсоветского вузовского образования в контексте структурных и ценностных трансформаций мягкой силы // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26).

2. «В школах должны играть в шахматы» // Известия. 2017. 2 августа. № 141.

3. Заседание Госсовета по вопросам совершенствования системы общего образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/94>.

4. О.Ю. Васильева подвела итоги года работы на посту Министра образования и науки РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/10751/>.

5. Проказникова О.Н. Создание единого образовательного пространства для формирования учебных и общеучебных умений учащихся. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/2014/11/07/sozдание-edinogo-obrazovatelno-go>.

6. Суворов А.В. Что происходит с российским образованием? [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2002/10/14/464314/>.

7. Фурсенко честно рассказал о целях реформы образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237/14237>.

8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 640 с.

References

1. Baturin V.S. Osobennosti stanovleniya postsovetskogo vuzovskogo obrazovaniya v kontekste strukturnyx i cennostnyx transformacij myagkoj sily // Diskurs-Pi. 2017. № 1 (26).

2. «V shkolax dolzhny igrat' v shaxmaty» // Izvestiya. 2017. 2 avgusta. № 141.
 3. Zasedanie Gossoveta po voprosam sovershenstvovaniya sistemy obshhego obrazovaniya. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/94>.
 4. O. Yu. Vasil'eva podvela itogi goda raboty na postu Ministra obrazovaniya i nauki RF. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://xn--80abucjiiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/10751/>.
 5. Prokaznikova O.N. Sozдание edinogo obrazovatel'nogo prostranstva dlya formirovaniya uchebnyx i obshheuchebnyx umenij uchashhixsya. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/2014/11/07/sozдание-edinogo-obrazovatel'nogo>.
 6. Suvorov A. V. Chto proisxodit s rossijskim obrazovaniem? [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://polit.ru/article/2002/10/14/464314/>.
 7. Fursenko chestno rasskazal o celyax reformy obrazovaniya. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237/14237>.
 8. Xantington S. Stolknovenie civilizacij. M.: AST, 2016. 640 s.
-

UDC 378.1

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.3339

CONTEXTS OF DISCOURSES OF UNIFIED EDUCATIONAL SPACE

Rybakov Sergey Vladimirovich,

Ural Federal University,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: istoric-ek@mail.ru

Annotation

A negative consequence of the market reforms that took place in the 1990s – 2000s in the system of Russian education was the erosion of the all-Russian educational space. The current leadership of the Ministry of Education of the Russian Federation sets a task to restore the systemic unity of Russian education. In this regard, there is a scientific interest in the meaning of the phrase “a unified educational space”. It should also be noted some of the discursive features of this concept.

Key concepts:

education, upbringing, educational reforms, a unified educational space, a strategy for state development, discourses of educational policy.

УДК 37.033
DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.4046

ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Благодатских Владимир Гурьянович,

Уральский государственный экономический университет,
заведующий кафедрой истории и философии,
доктор исторических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: profkom@usue.ru

Керимов Александр Алиевич,

Уральский федеральный университет,
доцент кафедры политических наук,
кандидат политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: kerimov68@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается сущность экологической культуры как важного личностного качества современного человека и обосновывается роль образования в формировании экологической культуры общества. В статье раскрывается содержание экологического образования и выдвигается гипотеза о том, что через систему образования можно добиться формирования экологической культуры в обществе.

Ключевые понятия:

экология, экологическая культура, экологическое образование, экологическое воспитание.

Глобализация создала определенные вызовы современному миру, среди которых немаловажное место занимают экологические проблемы. В условиях хозяйственной деятельности человека многие территории оказались загрязнен-

ными, что оказывает негативное воздействие на здоровье и на качество жизни населения. Реальное положение дел заставляет критически взглянуть на результаты антропогенной деятельности, которая поставила окружающую природу перед угрозой уничтожения и актуализирует проблемы защиты окружающей среды, поиска конструктивных методов их решения.

Теоретические основы изучения экологических проблем характеризуются «противоречием, обусловленным, с одной стороны, теоретической установкой на феноменологическую интерпретацию непосредственного опыта и субъективных переживаний человека, с другой стороны – стремлением к построению «объективной» теории человеческого поведения» [6, с. 35]. Другое противоречие, актуализирующее исследовательскую проблематику, выражается в том, что экологические проблемы и пути их решения могут стать причиной как противостояния, так и интеграции современных государств. Третье противоречие заключается в том, что интеграция народов и/или государств в вопросе решения экологических проблем возможна только при непосредственном участии в этом процессе национальных элит. Однако здесь могут возникнуть трудности. Представляется, что исходя из парадигмы национальных интересов, политические элиты не всегда будут готовы участвовать в решении этих проблем, поскольку иной раз возможность использования экологического фактора, выходящего за рамки защиты окружающей среды, будет подчинена общегосударственным интересам.

Защита окружающей среды как фактор социально-экономического развития территорий оказывает все большее влияние на современный мир, а государственные образования все чаще сталкиваются с центробежными процессами, что требует более акцентированного внимания на исследовании природы происхождения экологических проблем. Появляется необходимость обратиться к факторам формирования экологических проблем, поскольку они в комплексе создают ту социально-экономическую и политическую среду, в которой формируется потребность в защите окружающей среды, которая имеет разные формы и направленности.

Данные проблемы актуальны и для современной России. Они требуют пристального внимания и разработки безотлагательных мер по их предупреждению и предотвращению. Очевидно, создание условий для устойчивого развития общества в неменьшей степени зависит от осознания важности экологических проблем и реализации политики, нацеленной на обеспечение экологической безопасности, и рационального использования природных ресурсов. Решение экологических проблем крайне важно также для обеспечения здоровья нации и является неотъемлемым условием существования и развития самого государства.

Одним из важнейших факторов разрешения многих глобальных экологических проблем является развитие экологической культуры. Сущность экологической культуры, по мнению Б. Т. Лихачева, может рассматриваться как «органическое единство экологически развитого сознания, эмоционально-психических состояний и научно обоснованной волевой утилитарно-практической деятельности. Экологическая культура органически связана с сущностью личности в целом, с ее различными сторонами и качествами. Так, например, философская культура дает возможность человеку осмыслить и понять назначение человека

как продукта природы и общества; политическая – позволяет обеспечивать экологическое равновесие между хозяйственной деятельностью людей и состоянием природы; правовая – удерживает человека в рамках разрешенных законами взаимодействий с природой; эстетическая – создает условия для эмоционального восприятия красоты и гармонии в природе; физическая – ориентирует человека на эффективное развитие его природных сущностных сил; нравственная – одухотворяет отношения личности к природе и т. д. Взаимодействие всех этих культур и порождает экологическую культуру. Понятие «экологическая культура» охватывает такую культуру, которая способствует сохранению и развитию системы «общество-природа» [5, с. 132].

Процесс формирования экологической культуры ставит целью повышение общегражданской культуры и формирование нравственно-этической парадигмы, базовым постулатом которой является бережное отношение к окружающей среде. Экологическая культура предполагает повышение уровня информированности всех групп населения, которое достигается посредством экологического образования и воспитания.

Развитие нравственно-этической парадигмы невозможно без формирования экологической культуры у населения посредством образования, которое «должно быть готово к вызовам современности, иметь интегральный характер и характеризоваться инновационностью методов» [4, с. 156]. Как отмечал академик Н.Н. Моисеев, «экологическое воспитание и образование должны охватывать все возрастные категории; экологическими знаниями, подобно арифметике, должны обладать все, независимо от специальности и характера работы, места обитания и цвета кожи. Должен быть качественно повышен уровень экологического образования населения, особенно лиц, собирающихся занять посты государственных служащих или уже их имеющих...» [7, с. 100].

Вопросы экологического образования находятся и в центре внимания международных организаций. Так, Конференция ООН по окружающей среде в 1992 г. (Рио-де-Жанейро) в рамках проекта «Устойчивое развитие» в сфере экологического образования в качестве приоритетных задач отметила: просвещение по всем вопросам, касающимся экологии; включение концепций по защите окружающей среды в образовательные программы; включение органов управления в исследовательскую деятельность; разработка программ для выпускников; поощрение учебных заведений в любой деятельности по охране окружающей среды; работа со СМИ и др. [2]. Эта же проблематика отражена в документах Европейской стратегии ЕЭК ООН по образованию в интересах устойчивого развития (2005 г.) [12], где особо подчеркивается значение опережающей функции экологического образования по части формирования сознания человека XXI века, способного осознавать проблему, адекватно реагировать на нее и действовать в интересах сбалансированного развития общества и природы. Таким образом, данные документы свидетельствуют о внимании мирового сообщества к экологическим проблемам и путям их решения.

Соглашаясь с вышеприведенными позициями, следует отметить, что усвоение экологической культуры достигается посредством целенаправленного обучения и воспитания, которые в современной науке определены как «экологическое образование» и «экологическое воспитание». Дефиниция «экологическое образование» впервые была введена на конференции, организованной

Международным союзом охраны природы (МСОП) в 1970 г., и означала «процесс и результат усвоения систематических знаний, умений и навыков в области воздействия на окружающую среду, состояния окружающей среды и последствий изменения окружающей среды» [1, с. 91]. Экологическое же воспитание предполагает целенаправленное воздействие на духовное развитие людей, на формирование у них ценностных установок, особой морали взаимоотношений с окружающей средой на основе эмоционального восприятия и выстраивания отношений с окружающей средой [1, с. 91].

С позиций устойчивого человеческого развития экологическое образование населения, по мнению П.Г. Смалевой, должно преследовать двойную цель: «интеллектуального и морального развития личности» [11, с. 97]. Эта цель достигается через гармонизацию отношений между человеком и природой, доминирование нравственно-эстетических ценностей над материально-гедонистическими, достижение равновесия материальных и духовных ценностей. Прививаемая человеку система высших ценностей посредством образования должна стать внутренним миром каждой личности. «Человека, наделенного экологической культурой, отличает прежде всего умение достигать гармонии как со своим внутренним, так и с внешним миром» [1, с. 92].

Экологическое образование можно рассматривать как процесс приобщения индивида к культурному опыту человечества по взаимодействию с окружающей средой, как средство социализации и инкультурации личности, формирования ее индивидуальной экологической культуры, результатом которого является становление и развитие субъекта экологически ориентированной деятельности, приумножающей экологическую культуру цивилизации [3]. Экологическое образование предусматривает воспитание человека, формирование его образа жизни в рамках системы ценностей, которые должны стать неотъемлемой частью его внутреннего мира. Бережное отношение к природе, природным ресурсам должно стать естественной потребностью человека, который должен осознавать свою ответственность в деле защиты и сохранения окружающей среды, от которой зависит безопасность и само существование рода человеческого на Земле. «Экологическое образование должно развенчивать идею о человеке как абсолютном центре мироздания. В человеческом сознании необходимо переместить центр обеспечения безопасности от человека к биосфере. В современном мире человечество осознало, что оно может оказаться столь же смертным, как и отдельный человек. Это один из результатов изменения представлений человека о целостности и взаимозависимости человеческого общества и природного окружения» [9, с. 71]. Но реализация экологического образования и его содержание зависят от многих факторов, таких как заинтересованность общества в сохранении экологически чистой среды существования, потребность общества в экологически грамотных гражданах, состояние и достижения экологической науки, психолого-возрастные и познавательные особенности обучающихся, общее состояние и тенденции развития системы образования в целом [8, с. 24].

Экологическое образование представляет собой динамичное, постоянно развивающееся явление. Его цель – дать экологические знания, заложить основы индивидуальной экологической культуры и экологической морали, воспитать любовь к природе. Содержанием экологического образования является приобретение знаний о биосфере, экологических и социальных процессах и их

взаимодействии. Смысл его заключается в развитии мировоззрения человека до уровня, который обуславливает его способности брать на себя ответственность за решение жизненно важных социально-природных систем и разделять ответственность за вред, причиненный окружающей среде обществом. Такая нравственная способность человека формируется прежде всего в локальных и региональных масштабах, где на примере малых дел явственно обнаруживаются последствия воздействий на окружающую среду. По справедливому замечанию Л. В. Сенницкой, «для решения глобальных экологических проблем и выработки чувства ответственности каждого человека за действия, имеющие отдаленные последствия для мировой среды обитания человечества и будущих поколений, важна прежде всего региональная экологическая политика и воспитание любви к местной природе» [9, с. 85].

Анализ интегративной сущности таких понятий, как экологическая культура, экологическая мораль, любовь к природе, ответственное отношение к окружающей среде показывает сложность, многоаспектность экологического образования, где каждый аспект требует особого внимания и поэтапного раскрытия. Экологическое образование должно быть ориентировано на просвещение и повышение эколого-правовой грамотности населения, вовлечение населения в процесс непосредственной деятельности по оздоровлению окружающей среды обитания, формирование традиций инновационной экологической культуры, прививание умений и навыков управления в области обеспечения экологической безопасности, формирование умений и навыков общественного контроля за состоянием окружающей среды в местах проживания, формирование профессиональных компетенций будущих лидеров, связанных с выявлением, исследованием, оценкой и анализом сложных социальных ситуаций, связанных с экологией, развитие навыков взаимодействия со СМИ по пропаганде знаний по защите окружающей среды, умение пропагандировать и внедрять опыт работы по экологическому просвещению населения с активным использованием возможностей современных информационных технологий и т. д.

Основываясь на отмеченных положениях, представляется возможным сделать вывод о том, что экологическое образование выступает важным составляющим процесса воспитания современного человека в духе духовно-нравственного идеала, предполагающего сознательное отношение к природе, которое является важным условием существования и развития мирового сообщества.

1. Давлетмирзаева Ф.А., Гакаева А.Х. Принципы формирования экологической культуры учащихся младшей школы // Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). СПб.: Свое издательство, 2015. С. 91–94.

2. Декларация конференции ООН по окружающей среде в Рио-де-Жанейро (1992). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://biofile.ru/bio/22517.html>.

3. Захлебный А.Н., Дзятковская Е.Н. Экологическое образование в культуре – культура экологического образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mosmetod.ru>.

4. Керимов А.А. Влияние культурно-образовательной среды на процесс

формирования толерантного сознания молодежи // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 2 (162). С. 153–158.

5. Лихачев Б.Т. Философия воспитания. М.: Гуманитар. изд. центр Владос, 2010. 336 с.

6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

7. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 228 с.

8. Сатуева Л.Л. Роль и значение экологического образования в формировании экологической культуры общества // Педагогика высшей школы. 2016. № 2. С. 23–25.

9. Сенницкая Л.В. Роль образования в формировании экологической культуры // Лесной вестник. 2015. № 4. С. 70–74.

10. Сенницкая Л.В. Экологическая региональная политика // Региональная культурная политика в многонациональном пространстве России: проблемы, практика: Монографический сборник. М.: МГУКИ, 2014. С. 79–87.

11. Смалева П.Г. Роль экологического образования в реализации концепции устойчивого развития на глобальном и региональном уровнях (на примере Томской области) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Выпуск 6 (84). С. 97–101.

12. Стратегия ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития (Вильнюс, 17–18 марта 2005 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adukatar.net/wp-content/uploads/2009/12/5_Pages_30-35.pdf.

References

1. Davletmirzaeva F. A., Gakaeva A. X. Principy formirovaniya e'kologicheskoy kul'tury uchashhixsya mladshej shkoly // Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Sankt-Peterburg, dekabr' 2015 g.). SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2015. S. 91–94.

2. Deklaraciya konferencii OON po okruzhayushhej srede v Rio-de-Zhanejro (1992). [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://biofile.ru/bio/22517.html>.

3. Zaxlebnij A.N., Dzyatkovskaya E.N. E'kologicheskoe obrazovanie v kul'ture – kul'tura e'kologicheskogo obrazovaniya. [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://mosmetod.ru>.

4. Kerimov A.A. Vliyanie kul'turno-obrazovatel'noj sredy na process formirovaniya tolerantnogo soznaniya molodezhi // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2017. Т. 23, № 2 (162). С. 153–158.

5. Lixachev B.T. Filosofiya vospitaniya. M.: Gumanitar. izd. centr Vlados, 2010. 336 s.

6. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGGK «Gnozis», 2003. 280 s.

7. Moiseev N.N. Sud'ba civilizacii. Put' Razuma. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 228 s.

8. Satueva L.L. Rol' i znachenie e'kologicheskogo obrazovaniya v formirovanii

e'kologicheskoy kul'tury obshhestva // Pedagogika vysshej shkoly. 2016. № 2. S. 23–25.

9. Sennickaya L.V. Rol' obrazovaniya v formirovanii e'kologicheskoy kul'tury // Lesnoj vestnik. 2015. № 4. S. 70–74.

10. Sennickaya L.V. E'kologicheskaya regional'naya politika // Regional'naya kul'turnaya politika v mnogonacional'nom prostranstve Rossii: problemy, praktika: Monograficheskij sbornik. M.: MGUKI, 2014. S. 79–87.

11. Smaleva P.G. Rol' e'kologicheskogo obrazovaniya v realizacii koncepcii ustojchivogo razvitiya na global'nom i regional'nom urovnyax (na primere Tomskoj oblasti) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. Vypusk 6 (84). S. 97–101.

12. Strategiya EEK OON dlya obrazovaniya v interesax ustojchivogo razvitiya (Vil'nyus, 17–18 marta 2005 goda). [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://adukatar.net/wp-content/uploads/2009/12/5_Pages_30–35.pdf.

UDC 37.033

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.4046

EDUCATION IN THE STRUCTURE OF FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURE OF THE SOCIETY

Blagodatskih Vladimir Guryanovich,

Ural State University of Economics,
Head of the Department of History and Philosophy,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: profkom@usue.ru

Kerimov Aleksandr Alievich,

Ural Federal University,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: kerimov68@mail.ru

Annotation

In article the essence of ecological culture as an important personality of modern man and explains the role of education in formation of ecological culture of a society. The article reveals the content of environmental education and it is hypothesized that through education it is possible to achieve the formation of ecological culture in society.

Key concepts:

ecology, ecological culture, ecological education, environmental education.

УДК 327.5

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.4756

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АСПЕКТЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ – НАТО

Чирун Сергей Николаевич,

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
доктор политических наук,
доцент кафедры истории России,
Кемерово, Россия,
E-mail: sergii-tsch@mail.ru

Будаев Алексей Сергеевич,

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»,
магистрант отделения политологии,
Кемерово, Россия,
E-mail: asb_94@mail.ru

Аннотация.

В статье рассматриваются вопросы состояния европейской безопасности с учётом в ней роли взаимоотношений России и НАТО. Включение Крыма в состав России и ситуация на Востоке Украины дополнительно обострили ранее присутствовавшую напряженность в отношениях России и Запада. Хотя ряд европейских государств выступают инициаторами примирения оппонентов, но неясно, в какой степени их усилия могут быть полезны для разрешения конфликтной ситуации. В то время как процесс формирования взаимоприемлемого компромисса зашел в тупик, возникает потребность в поиске перспектив объективного анализа уровня напряженности конфликтной ситуации в регионе и перспектив её дальнейшей эскалации.

Ключевые понятия:

Европа, Запад, политический конфликт, интенсивность взаимодействия, международные институты, НАТО, транспарентность.

Введение

Современное состояние европейской безопасности отличает волатильность и быстрое нарастание неопределенности. Причём подчас по таким аспектам, которые ранее не воспринимались как серьёзный вызов внутри европейской стабильности и целостности, единству в вопросах евроинтеграции. Всё это заставляет современную Европу вновь задуматься о том, каким образом отвечать на возникающие угрозы, ей предстоит серьёзно пересмотреть приоритеты в их отражении.

В едином политическом русле действуют государства-члены НАТО и ЕС, а также кандидаты в эти организации. Ситуация во многом напоминает время «холодной войны». Происходит повсеместная активизация вооруженного противостояния. Это проявляется в демонстрации силового военного и технологического потенциала, учениях военных подразделений. Критически возросло количество вооружённых инцидентов, связанных, в том числе, и с невосполнимыми потерями, как, например, гибель в Сирии российских военных лётчиков, а также сотрудников ЧВК «Вагнера». Хотя, даже на этом фоне Д. В. Тренин видит благоприятные перспективы для перезагрузки условий российско-европейского сотрудничества и поиска путей политического урегулирования, где у ЕС появляется возможность взять на себя основной функционал в восстановлении Сирии [10].

В ряду наиболее серьёзных опасностей для европейской системы безопасности выделяется конфликт на Украине и вызванный им рост напряжённости в отношениях России и Запада. Данный процесс связан с введением экономических санкций и международным давлением на Россию на различных международных площадках. Всё это во всё большей степени начинает определять и оборонную политику стран – членов ЕС и Союза в целом [11, с. 134–139]. Замороженные конфликты на постсоветском пространстве, осложнение ситуации в связи с непрекращающимся политическим кризисом и противостоянием на Украине и обусловленное этим серьёзное ухудшение отношений с Россией формируют новую, иную, логику европейской безопасности взамен той, которая сложилась после распада СССР. Украинское направление европейской политики получило оформление в Соглашении об ассоциации между Евросоюзом и Украиной.

Документ вступил в силу с сентября 2017 г. Украине был гарантирован пакет помощи в размере 18,5 миллиардов долларов США, включающий также и проекты технологического содействия со стороны Европейского Союза. Кроме того, благодаря этому, около «400 000 украинцев прошли безвизовый режим в Шенгенскую зону ЕС в 2017 году» [14].

Именно указанные тренды, на наш взгляд, набирают силу в настоящее время, предопределяя структурные и доктринальные изменения будущих контуров европейской безопасности [6].

Проблемы безопасности

Многokратно возросший миграционный поток в Европу из стран периферии, во-первых, обострил социальную и религиозную напряжённость, а во-вторых, заметно увеличил опасность усиления экстремизма и терроризма [4,

с. 38]. Рост внутренней напряжённости в ЕС ведёт к обострению разногласий в политике. Самым ярким примером этого стал брекзит – выход Великобритании из ЕС в результате проведённого референдума. Все это на фоне экономических сложностей в некоторых странах – членах формирует принципиально иную политическую ситуацию для Европейского Союза, серьёзно отличающуюся от той, что наблюдалась еще три–пять лет назад. Указанные процессы заставляют по-новому взглянуть и на характер изменений в общеевропейской военной политике.

В ряду новых вызовов и угроз европейской безопасности выделяется украинская проблематика и связанное с ней обострение отношений России и Запада [3, с. 7–10]. Данный процесс связан с введением антироссийских санкций и усилением давления на Россию на различных международных площадках. Всё это во всё большей степени начинает определять и оборонную политику стран – членов ЕС и Союза в целом. Серьёзное ухудшение отношений с Россией формируют новую, принципиально иную логику европейской безопасности, взамен той, которая сложилась после распада СССР. Именно этот процесс, на наш взгляд, набирает силу в настоящее время, предопределяя структурные и доктринальные изменения будущих контуров европейской безопасности [5, с. 489].

Очевидно и то, что стержень будущей структуры евробезопасности будет так или иначе строиться вокруг взаимоотношений Россия – ЕС – НАТО [7, с. 52]. В последние годы наметился устойчивый крен в сторону риторики холодной войны [2, с. 16]. Кремль всё чаще подозревает в стремлении к расширению своего влияния на сопредельные государства с использованием для этого так называемых методов мягкой силы (Soft Power) [15].

Обновлённая стратегия ЕС в сфере глобальной безопасности, представленная в июне 2016 г., рассматривает политический режим, установившийся в нашей стране, как реальную угрозу для безопасности объединённой Европы.

Актуальные угрозы в аспекте отношений Россия – НАТО

НАТО постепенно усиливает военный контингент на своих восточных границах, апеллируя к якобы существующим угрозам со стороны России. Российская Федерация, в свою очередь, отвечает аналогичными мерами на своих западных границах, среди которых не только размещение новых воинских контингентов, но и укрепление зоны ограничения доступа и запрета маневра (A2/AD) за счёт РЛС и ракетных комплексов «Искандер» и «Бастион».

Связанный с этим алармизм присутствует в высказываниях множества известных политологов и экспертов-международников [4, с. 4–36].

Западные эксперты признают, что для России вооружённый конфликт с государствами Североатлантического Альянса, превосходящими в своей совокупности её в военном и экономическом отношении, привёл бы к тяжёлым и неприемлемым для неё последствиям.

По этому вопросу эксперты ещё в 2016 г. указывали следующие сценарии развития ситуации [9]:

1. Стабильное сдерживание. Оппоненты используют сдерживание для внутривнутриполитической консолидации и мобилизации. Реальная угроза большой войны фактически отсутствует.

2. Неустойчивое сдерживание. Напряжённость в регионе усиливается. Минский процесс остановлен, возобновляется военное противостояние на Донбассе. Обостряется противостояние в Сирии. Ряд военных инцидентов дает повод для резких заявлений и действий по наращиванию вооружений, которые зеркально повторяются противоположной стороной. Тем не менее, сохраняются постоянные каналы коммуникации.

3. Локальный военный конфликт. Диалог полностью прекращается. Ситуация балансирует на грани всеобъемлющего конфликта России и НАТО.

4. Снижение дилеммы безопасности, связанное с появлением новых вызовов и угроз. Недоверие сохраняется, но уровень энтропии снижается.

5. Тотальная перезагрузка отношений. Смена политических лидеров в одной из противоборствующих сторон приводит к качественному улучшению. Происходит реформатирование НАТО под новые вызовы.

Ряд аналитиков полагали, что после победы Д. Трампа отношения Россия – НАТО выйдут на четвёртый или даже пятый сценарий. Однако в настоящий момент ситуацию характеризует второй сценарий – «неустойчивое сдерживание», при этом сохраняются реальные угрозы для дальнейшей эскалации.

Возникает парадокс: Россия, как пытается убедить общественность ряд западных политиков, представляет угрозу для Запада, но для неё это было бы катастрофическим сценарием. В этой логике Кремль предстаёт неким иррациональным игроком, который руководствуется непонятными Западу критериями и мотивами.

Однако европейская общественность проявляет серьёзные сомнения, что подобное иррациональное поведение является частью политической культуры современной России.

Дело, наверное, не в этом, а в том, что появление в повестке дня НАТО вновь функции сдерживания России возвращает организации смысл её существования, чему во многом способствуют реальные или надуманные опасения Европейских стран – соседей России в Центральной Европе и Прибалтике [1, с. 114].

Обосновывая свои опасения, европейские эксперты апеллируют к последней версии Стратегии нацбезопасности России, в которой организация Североатлантического Договора рассматривается как источник угроз для РФ. Кроме того, по их мнению, украинский конфликт станет затяжным, что, якобы, является стратегической целью России [16, с. 5]. Россия, утверждают они, опасается распространения цветных революций, что также добавляет нервозности в её политическом поведении. Всё это вместе взятое убеждает Россию в необходимости мобилизационного пути развития для обеспечения более приемлемого для неё военно-политического баланса в регионе и в целом в мире. В частности, отмечается существенный рост расходов на оборону, которые возросли на 48%, или приблизительно 5,3% ВВП.

Этому способствуют и отдельные острые заявления лидеров самопровозглашённых республик, противоречащих целям Минских соглашений.

Поэтому отдельные европейские ястребы и предлагают придать вооружённым силам этих членов Альянса способность осуществлять военные действия на востоке в ситуации конфликтов высокой интенсивности [17, р. 214].

Варшавский саммит стран НАТО 2016 г. определил важнейшие направления взаимодействия Североатлантического блока, включающего вопросы обороны, сдерживания и коммуникаций [1, с. 113]. Обновлённый формат взаимодействия Россия – НАТО представляет комбинацию практик времен холодной войны, отличающихся достаточно выраженным уровнем взаимной подозрительности.

Данная стратегия формирует новую реальность в форматировании системы европейской безопасности после возвращения Крыма в Россию.

Члены Альянса в Западной Европе также осуществляют серьезные вложения в укрепление своих вооружённых сил по трём основным направлениям:

- предоставление ротационных военных возможностей и вооружений для стран Восточной Европы и Балтии.
- обновление принципов подготовки войск в связи с потребностью в укреплении восточных границ НАТО.
- модернизация европейских военных сил в процессе закупок современной техники и технологий, а также увеличение численности личного состава.

Однако усилия европейских союзников США в этом направлении пока остаются довольно скромными [11, с. 117–123] и в настоящий момент только пять из двадцати восьми членов обеспечивают расходы на вооружение в размере 2% ВВП [13, с. 229–240].

Нужно отметить, что наряду с трансформацией роли НАТО в европейской военно-политической повестке дня отмечается и новый всплеск голосов за усиление независимости Европы в вопросах обеспечения безопасности. И это обусловлено разногласиями во взглядах между Вашингтоном и его европейскими союзниками на принципы поддержания безопасности по ряду важнейших проблем современности.

Во многом в Европе постепенно вновь укрепляется понимание того, что ряд новых вызовов и угроз имеют исключительно европейское измерение, и в решении этих задач необходимо будет полагаться на собственные силы. Речь идёт, в первую очередь, о миграции в страны ЕС, растущей напряжённости в средиземноморском регионе, террористической угрозе и т. п. [8, с. 28–40].

В качестве координатора обновлённой миссии рассматривается Европейское оборонное агентство (ЕОА). План, разработанный по результатам многосторонних дискуссий, получил название «Шенген обороны». Важность подобного акцента понятна.

Брюссель планирует существенно увеличить финансирование оборонной составляющей, которая включает финансирование исследований и технологий в оборонных целях. Так, с 2017 по 2020 год Еврокомиссия вложит 90 млн. евро в разработки в области обороны и по 500 млн. ежегодно после 2020-го, а на увеличение боеспособности стран ЕС предполагается выделять по 5 млрд. евро ежегодно.

В ответ на санкционные войны, Кремль заявляет о стратегическом «повороте на Восток», укреплении интеграционных группировок, таких как БРИКС, ШОС и системы военно-политических альянсов вроде Договора о коллективной безопасности. Западные комментаторы были явно взволнованы новыми трендами в российской политике.

Так, послание Президента РФ к Федеральному собранию 01.02.2018 г. во многом явилось ответом на актуальные внешнеполитические вызовы и угрозы, стоящие перед страной. Вместе с тем, такие острые проблемы, как кризис в отношениях с Украиной, конфликт с Западом, затянувшаяся Сирийская военная кампания, обвинения России во вмешательстве во внутренние дела США – в послании не прозвучали. С другой стороны, нетипичным для такого рода мероприятий стало заявление Президента о существенно возросших военно-технических возможностях и связанных с этим амбициях России, в частности, о гиперзвуковом оружии (комплексы «Авангард» и «Кинжал»), о новой межконтинентальной баллистической ракете «Сармат», а также о крылатой ракете с ядерной энергетической установкой. Вместе с тем, заявление Президента не только не развеяло озабоченность партнёров, но еще больше насторожило Запад. Особенно заявление о моментальном военном ответе на применение ядерного оружия любой мощности не только против России, но также и против ее союзников. Причем, не было сделано уточнение, кого следует относить к последним, но, судя по всему, речь идёт не только о странах-членах ОДКБ.

Главными для Запада препятствиями для налаживания сотрудничества в Восточной Европе представляются российские оценки НАТО как агрессивного и живущего русофобскими стереотипами пережитка «холодной войны» и недопонимания национальных интересов России.

Вместе с тем, выводы, которые делают эксперты из анализа международной ситуации, означают малую вероятность вооруженной конфронтации стран Альянса с Российской Федерацией. Известно, что «в международных отношениях после установления военного паритета стратегия военного силового давления ушла на задний план» [12, с. 88], поскольку была способна привести к взаимному уничтожению. К сожалению, устанавливающийся новый status quo существенно сужает пространство сотрудничества между сторонами, что, безусловно, являет собой негативный тренд в связи с необходимостью решения общих задач укрепления европейской безопасности.

Выводы

Можно с большой вероятностью предположить, что появление нового силового баланса между Россией и НАТО в Европе создаст более стабильные условия взаимодействия, которые при этом не будут характеризоваться прежним уровнем взаимного доверия. Однако они позволят постепенно выстроить новый формат отношений, включая постепенное налаживание сотрудничества по вопросам, которые представляют общую озабоченность.

Сегодня ожидать скорого потепления в отношениях России и Запада не стоит. Возможные изменения американской внешнеполитической линии, скорее всего, могут подстегнуть европейский дрейф в сторону автономности. В этом случае, как представляется, будет открыто более широкое поле в российско-европейской повестке дня в сфере безопасности. После парламентских и президентских выборов в 2018–2019 гг., могут появиться новые возможности для деэскалации конфликта в Донбассе путем реализации элементов Минских соглашений. При этом российский МИД должен проявлять необходимую гибкость, оперативно играя на противоречиях, периодически возникающих среди стран

Евросоюза. Например, то беспрецедентное давление со стороны ЕС и США, которому сегодня подвергаются Венгрия, и особенно Польша [18], России следовало бы использовать для оптимизации качества российско-венгерских и российско-польских отношений.

Учитывая опасность воздушных инцидентов Вооружённых сил России и Альянса в Сирии и на других театрах военных действий, было бы правильно подписать соглашение о предотвращении подобных действий. Оно могло бы разрабатываться на основе прежних Советско-Американских соглашений.

Актуальной проблемой остается также укрепление и проработка потенциала более эффективного функционирования существующих форматов и договоренностей в области контроля над вооружениями.

Россия и США заинтересованы в конструктивном сотрудничестве по таким направлениям, как, например: борьба с исламистским экстремизмом; укрепление режима контроля в сфере нераспространения оружия массового уничтожения; разрешение проблем миграции; борьба с пиратством; экологические проблемы и природные катастрофы. Здесь мы можем успешно сотрудничать с тем, чтобы заложить основы для более конструктивных и равноправных отношений в будущем.

1. Алексеев Д.С. Новый этап в отношениях России и НАТО в эпоху сдерживания и диалога // Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17. вып. 1. С. 113–116.

2. Громько А.А. Структуры соперничества и опыт истории // Современная Европа, 2016. № 4. С. 15–17.

3. Данилов Д.А. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений // Современная Европа, 2016. № 2. С. 4–36.

4. Ерёмкина Н.В., Чихачев А.Ю. От политики «Открытых дверей» до миграционного кризиса: реформирование миграционной политики в коммунистическом и национальном измерении на примере Великобритании и Франции // Сравнительная политика и геополитика 2016. Т. 7. № 4.

5. Журкин В.В. Россия и Евросоюз в сфере безопасности // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. М., 2014. С. 488–497.

6. Кёхан Д. Сможет ли Европа из-за Трампа отказаться от военной зависимости от США // Московский центр Карнеги (20.07.2017). URL: <http://carnegie.ru/2017/07/20/ru-pub-71587> (дата обращения: 21.12.2017).

7. Ознобищев С.К. Новый мир и отношения Россия – НАТО // Полис, 2011. № 3. С. 50–57.

8. Потемкина О.Ю. Европейская повестка дня по миграции – новый поворот в иммиграционной политике ЕС // Современная Европа, 2015. № 4 (64). С. 28–40.

9. Тимофеев И. Россия и НАТО в регионе Балтийского моря. URL: http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/rossiya-i-nato-v-regione-baltiyskogo-morya/?sphrase_id=6756842 (дата обращения: 19.02.2018).

10. Тренин Д.В. Европейская безопасность – от «лишь бы не было войны» до поиска нового равновесия. URL: <http://carnegie.ru/2018/02/26/ru-pub-75620> (дата обращения: 19.02.2018).

11. Хрусталеv М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015. 208 с.
12. Чирун С.Н. Сетевые технологии молодежной политики, как механизм актуализации политической активности молодежи в аспекте современных международных отношений: глобальные вызовы и угрозы // Вопросы управления. 2016. № 2 (20). С. 87–94.
13. Чирун С.Н. Опыт участия в работе пятой международной конференции в городе Торунь (Польша) по изучению постсоветского пространства Россия – ближнее зарубежье – ЕС // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 229–240.
14. Jarábik B., Sasse G., Shapovalova N., de Waal T. The EU and Ukraine: Taking a Breath // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <http://carnegieendowment.org/2018/02/27/eu-and-ukraine-taking-breath-pub-75648> (дата обращения: 19.02.2018).
15. Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to success in world politics. N.Y. Public Affairs, 2004. 208 p.
16. Keohane D. The Anglo–German Addiction to American Defense // Carnegie Europe (July 06, 2017). [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegieeurope.eu/strategiceurope/71447> (дата обращения: 19.02.2018).
17. Mann J. The Obamians. The Struggle inside the White House to Redefine American Power. N.Y.: Mann J. The Obamians. The Struggle inside the White House to Redefine American Power. N.Y.: Penguin Books, 2012. 392 p.
18. Valášek T. How Not to Lose Friends and Alienate People // Carnegie Europe (March 01, 2018). URL: <http://carnegieeurope.eu/strategiceurope/75677> (дата обращения: 01.03.2018).

References

1. Alekseev D.S. Novyj e'tap v otnosheniyax Rossii i NATO v e'poxu sderzhivaniya i dialoga // Izv. Sarat. un-ta. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 17. vyp. 1. S. 113–116.
2. Gromyko A.A. Struktury sopernichestva i opyt istorii // Sovremennaya Evropa, 2016. № 4. S. 15–17.
3. Danilov D.A. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Ukrainy: vozmozhnye posledstviya dlya rossijsko-ukrainskix otnoshenij // Sovremennaya Evropa, 2016. № 2. S. 4–36.
4. Eryomina N.V., Chixachev A.Yu. Ot politiki «Otkrytyx dverej» do migracionnogo krizisa: reformirovanie migracionnoj politiki v kommunitarnom i nacional'nom izmerenii na primere Velikobritanii i Francii // Sravnitel'naya politika i geopolitika 2016. T. 7. № 4.
5. Zhurkin V.V. Rossiya i Evrosoyuz v sfere bezopasnosti // Bol'shaya Evropa. Idei, real'nost', perspektivy. M., 2014. S. 488–497.
6. Këxan D. Smozhet li Evropa iz-za Trampa otkazat'sya ot voennoj zavisimosti ot SShA // Moskovskij centr Karnegi (20.07.2017). URL: <http://carnegie.ru/2017/07/20/ru-pub-71587> (дата обрashheniya: 21.12.2017).
7. Oznobishhev S.K. Novyj mir i otnosheniya Rossiya – NATO // Polis, 2011. № 3. S. 50–57.

8. Potemkina O. Yu. Evropejskaya povestka dnya po migracii – novyj povorot v immigracionnoj politike ES // *Sovremennaya Evropa*, 2015. № 4 (64). S. 28–40.
9. Timofeev I. Rossiya i NATO v regione Baltijskogo morya. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-nato-v-regione-baltiyskogo-morya/?sphrase_id=6756842 (data obrashheniya: 19.02.2018).
10. Trenin D. V. Evropejskaya bezopasnost' – ot «lish' by ne bylo vojny» do poiska novogo ravnovesiya. URL: <http://carnegie.ru/2018/02/26/ru-pub-75620> (data obrashheniya: 19.02.2018).
11. Xrustalev M. A. Analiz mezhdunarodnyx situacij i politicheskaya e'kspertiza. M.: Aspekt Press, 2015. 208 s.
12. Chirun S. N. Setevye tehnologii molodezhnoj politiki, kak mexanizm aktualizacii politicheskoy aktivnosti molodyozhi v aspekte sovremennyx mezhdunarodnyx otnoshenij: global'nye vyzovy i ugrozy // *Voprosy upravleniya*. 2016. № 2 (20). S. 87–94.
13. Chirun S. N. Opyt uchastiya v rabote pyatoj mezhdunarodnoj konferencii v gorode Torun' (Pol'sha) po izucheniyu postsovetskogo prostranstva Rossiya – blizhnee zarubezh'e – ES // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2017. № 38. S. 229–240.
14. Jarábik B., Sasse G., Shapovalova N., de Waal T. The EU and Ukraine: Taking a Breath // *Carnegie Endowment for International Peace*. URL: <http://carnegieendowment.org/2018/02/27/eu-and-ukraine-taking-breath-pub-75648> (data obrashheniya: 19.02.2018).
15. Joseph S. Nye. *Soft Power. The Means to success in world politics*. N. Y. Public Affairs, 2004. 208 p.
16. Keohane D. The Anglo–German Addiction to American Defense // *Carnegie Europe* (July 06, 2017). [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/71447> (data obrashheniya: 19.02.2018).
17. Mann J. *The Obamians. The Struggle inside the White House to Redefine American Power*. N. Y.: Mann J. The Obamians. The Struggle inside the White House to Redefine American Power. N. Y.: Penguin Books, 2012. 392 p.
18. Valášek T. How Not to Lose Friends and Alienate People // *Carnegie Europe* (March 01, 2018). URL: <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/75677> (data obrashheniya: 01.03.2018).

UDC 327.5

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.4756

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN EUROPEAN SECURITY IN THE CONTEXT OF RUSSIA-NATO RELATIONS

Chirun Sergey Nikolaevich,

Kemerovo State University,
Doctor of Political Sciences,
Kemerovo, Russia,
E-mail: sergii-tsich@mail.ru

Budaev Alexey Sergeevich,

Kemerovo State University,
Master of Political Sciences,
Kemerovo, Russia,
E-mail: asb_94@mail.ru

Annotation

The article examines the issues of the state of European security, taking into account the role of the relationship between Russia and NATO in it. The inclusion of the Crimea in Russia and the situation in the East of Ukraine further aggravated the previously present tensions in the relations between Russia and the West. In a single political channel are the member states of NATO and the EU, as well as candidates for these organizations. Today, they are in many ways reminiscent of the Cold War confrontation. In Europe, the military confrontation is intensifying. It manifests itself in the direct deployment of military units on both sides. In addition, the number of incidents of a dangerous rapprochement between Russian and Western military forces in the air and at sea increased. In fact, many contacts between Moscow and the Alliance have been interrupted. As a result, the question arises of the prospects for settling the existing contradictions, as well as the future of Ukraine. Although a number of European states are the initiators of pacification of the parties, it is not clear to what extent their efforts can be useful for resolving the conflict situation. While the process of developing a mutually acceptable compromise has come to a standstill, there is a need to find a tool for structured assessment of the level of tension in the political situation in the region, the prospects of its escalation into an armed clash.

Key concepts:

Europe, West, political conflict, intensity of cooperation, international institutions, NATO, USA, transparency.

УДК 327

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.5764

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ПАРАДИПЛОМАТИИ В РЕГИОНАЛИЗАЦИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Михайленко Екатерина Борисовна,

Уральский федеральный университет,
кандидат исторических наук,
доцент Кафедры теории и истории международных отношений,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: earslanova@urfu.ru

Вербицкая Татьяна Владимировна,

Уральский федеральный университет,
ассистент Кафедры теории и истории международных отношений,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: aquitania-17@ya.ru

Аннотация

Процессы регионализации внутри страны всегда вызывают неоднозначную оценку. Региональная дипломатия (парадипломатия) играет важную роль в формировании акторности и идентичности региона. Цель статьи – проанализировать, как парадипломатия влияла и влияет на формирование региона «Свердловская область». На протяжении эволюции становления Свердловской области, начиная с 1990-х гг., процессы регионализации имели свои движущие силы и методы построения. Исследование задач и форм реализации парадипломатии на современном этапе показало, что формируется новый тип «мягкого» регионализма Свердловской области.

* Работа выполнена при поддержке программы Европейского Союза ERASMUS+, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR.

Ключевые понятия:

регион, регионализация, мягкий регионализм, парадипломатия, Свердловская область.

Термины «регионализация», «регионализм», «регион» стали, своего рода, жертвами культуры «научного фетишизма» [17, с. 19–30]. Количество работ, посвященных регионализму и типам регионов с каждым годом растет [18, с. 167]. Тем не менее, нет единого понимания, что такое регионализация, регионализм. Должны ли процессы регионализации быть привязаны к определенной географической зоне? Кто и как влияет на создание региона? Какие критерии «региона» можно определить?

Свердловская область – интересный регион для исследователя. Ряд экспертов полагает, что процессы регионализации Урала начались в 20-е гг. прошлого века [19, с. 33–40]. Большой интерес у исследователей вызывал период становления федерализма в Российской Федерации и столкновение интересов региональных элит с центром [12, с. 234]. Перед Россией в данный период стояло множество вызовов, как внешних, так и внутренних [16, с. 198–211]. Серьезным этапом регионализации и вызовом для федерального центра можно считать формирование Уральской республики в 1993 г. [11, с. 264]. Уральская республика не состоялась, тем не менее процессы регионализации не остановились, но приобрели иные формы.

Ключевыми вопросами исследования процессов регионализации остаются: что есть «регион», что и кто делают «регион регионом»? В своей статье А. Паази и Дж. Метзгер проанализировали эволюцию подходов к термину «регион», а также к изучению процессов регионализации [17, с. 19–30]. Они признают, что регионы не теряют популярность и привлекательность как у исследователей, так и у политиков. Определение «региона» стало более гибким. Регионы могут возникать повсюду. Акцент исследования смещается в сторону анализа способов и практик формирования региона. Регион перестает быть «ясным и четко определённым объектом исследования» [17, с. 27], становится ускользающим объектом во времени и пространстве. Следуя этой логике, регионы, как международные, так и внутренние, могут изучаться *per se*. Процессы регионализации и формы регионализма могут быть разными в одном и том же регионе в рамках разных периодов времени, а также иметь разные движущие силы, формирующие идентичность, сплоченность региона. Цель данной статьи – показать эволюцию регионализма Свердловской области, начиная с 1991 г. через призму формирования института парадипломатии. Под «парадипломатией» здесь понимается деятельность субнациональных или региональных правительств в качестве участников международных отношений с целью продвижения своих собственных интересов [15, с. 250].

Свердловская область является крупным промышленным регионом России, тем не менее, географическое расположение области на границе Европы и Азии, в пределах Уральского горного хребта, служило в большей степени изоляции региона в советский период. Регион Свердловской области является внутренним

регионом РФ, что в период СССР играло важную роль для безопасного размещения промышленных объектов. В условиях формирования нового государства перед элитами региона встала проблема вывода региона из внутренней изоляции.

Период с 1991 г. по 1999 г. можно определить как период активного регионализма Свердловской области. В этот период формируется региональная элита, экономическая и политическая. Двигателем регионализма стал политический лидер региона Э.Э. Россель. Учитывая сложность данного периода с политической и экономической точек зрения, перед региональной элитой было поставлено много задач: от формирования институтов исполнительной власти до формирования институтов парадипломатии. Задачей администрации региона стало не просто выведение области из изоляции, но и привлечение иностранных инвестиций, создание совместных предприятий.

Свердловская область выстраивала отношения по четырем направлениям: регион – муниципалитет; регион – регионы УрФО, регион – центр, регион – зарубежные страны и регионы. Можно сказать, что парадипломатия в этот период работала на формирование связей как внутри страны, так и за пределами РФ.

Если на уровне регион – муниципалитет отношения складывались достаточно сложно, то на межрегиональном уровне в рамках УрФО губернатор Свердловской области занимал активную консолидирующую позицию. С 1991 г. работала ассоциация «Большой Урал», в рамках которой согласовывались действия губернаторов Уральского региона. Взаимоотношения между Свердловской областью и федеральным центром до 1997–1999 гг. практически не регламентировались. Для лоббирования интересов области в Москве Россель использовал несколько инструментов. В сентябре 1996 г. в Москве стал работать постоянный представитель при Президенте РФ в Свердловской области (Уральская миссия в Москве). В 1997 г. начинается совместная работа ММиВЭС СО и МВЭС РФ.

Став губернатором Свердловской области, Э.Э. Россель в 1994 г. активизировал международную деятельность региона. Россель ставил задачей открытие «якорных» консульств. К таковым относились консульства экономически развитых стран: США, Великобритании, Германии. Первым было открыто генеральное консульство США (1994 г.). Первое региональное представительство МИД РФ было создано в Екатеринбурге в 1996 г. Со слов Представителя МИД РФ в г. Екатеринбурге А.В. Харлова, идея открытия представительства принадлежит Э.Э. Росселю, целью которого было открыть регион для зарубежных партнеров [14]. В период с 1994 г. по 1999 г. было открыто 2 консульства, заключено 18 международных соглашений [9, с. 54–55], работало свыше 80 предприятий с иностранным участием [11, с. 327].

В начале 2000-х гг. перед федеральным правительством стояли серьезные задачи «сборки» страны. Необходимо было установить вертикальную управляемость по линии «федеральный центр – регионы». Еще одной задачей было приведение в порядок регионального законодательства. Начинается процесс «восстановления эксклюзивной модели федерализма» [5, с. 136–150] или построения унитарного федерализма [4, с. 8–42].

Регламентация коснулась и международной деятельности регионов [6]. С одной стороны, в данный период начинает функционировать контрольный

механизм за реализацией субъектами России международных и внешнеэкономических связей, осуществляемый посредством предварительного одобрения МИД РФ проектов соглашений субъектов России о международных и внешнеэкономических связях. Последующий контроль международных и внешнеэкономических связей заключается в регистрации текстов таких соглашений в Министерстве юстиции России и их опубликовании [13].

В рамках международной деятельности Свердловской области можно выделить несколько тенденций: формирование статуса региона в качестве международного «хаба», активизация международных контактов, усиление международной деятельности и внешнеэкономических связей. Город Екатеринбург стал центром событий международного значения. В 2003 г. в Екатеринбурге прошел Российско-Германский саммит. В нем приняли участие Президент РФ В. Путин и Канцлер ФРГ Г. Шредер. В июне 2009 г. в Екатеринбурге были проведены саммиты ШОС и БРИКС, участие в которых приняли главы 12 государств. В Свердловской области в 2009 г. работало 10 Генеральных консульств, было заключено 24 международных соглашения, работало 236 предприятий с иностранным капиталом [2, с. 741–754].

Парадипломатия сыграла важную роль для формирования имиджа и узнаваемости региона как в стране, так и за рубежом. Региональная дипломатия стала инструментом «присутствия» (акторности) региона за пределами страны, а также формирования лидерской роли региона в УрФО.

Период с 2010 г. по 2017 г. характеризуется усилением самостоятельности регионов, маргинализацией региональных элит. Институты парадипломатии остаются практически единственным инструментом регионализма Свердловской области. Тем не менее, они также как и другие институты исполнительной власти ограничены в своих правах и возможностях. В 2011 г. принимается федеральный документ о координирующей роли МИД РФ в проведении единой внешнеполитической линии [10]. В 2012–2014 гг. принимается ряд региональных нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность ММиВЭС.

В этот период парадипломатия Свердловской области работает только на международном уровне. Развитие федерализма в РФ привело в определенный порядок разграничение полномочий субъектов федерации. Среди ограничений возможностей парадипломатии можно отметить подписание в 2012 г. между Министерством экономического развития Российской Федерации и Правительством Свердловской области соглашения о взаимодействии во внешнеэкономической сфере [8]. Одной из задач данного соглашения стало использование предприятиями Свердловской области зарубежных бизнес-миссий, организованных под эгидой Минэкономразвития России в таких странах, как Бразилия, Казахстан, Франция, Германия, Индия [1]. Свердловская область перестала использовать право создания собственных миссий за рубежом. Региональные институты парадипломатии начинают работать только на региональном уровне с зарубежными странами. ММиВЭС становится инструментом решения государственных задач (развитие экспорта, поддержка соотечественников за рубежом), акцент смещается в сторону поддержки среднего бизнеса и развития гуманитарных связей. Тем не менее, несмотря на сложную геополитическую ситуацию, ММиВЭС продолжает оставаться важным инструментом взаимодействия региона с мировым сообществом.

литическую ситуацию, Свердловская область в рамках международной деятельности продолжает сохранять связи с традиционными партнерами региона. Регион позиционирует себя как центр международной жизни. Парадипломатия стала инструментом «мягкого» [7, с. 68–74] регионализма Свердловской области. Парадипломатия не имеет своей целью сецессию или автономизацию от центра. Она позволяет формировать образ Свердловской области, собственную идентичность, узнаваемость региона [3, с. 206–210] за его пределами.

Парадипломатия является одним из важных инструментов формирования региона. Парадипломатия предполагает построение идентичности территориального образования государства, реализацию интересов и удовлетворение потребностей территориального образования на международной арене. Таким образом, парадипломатия служит средством установления национальной идентичности, помогает в реализации определенных интересов, таких как сохранение культуры. С середины 2000-х гг. политический регионализм стал «не в тренде». Тем не менее, термины «Урал» и «уральская идентичность» стали использоваться в качестве регионального бренда. «Уральскость» сегодня ассоциируется преимущественно со Свердловской областью [3, с. 206–210].

Парадипломатия позволяет региональным элитам представлять регион на федеральном уровне, за пределами РФ. Несмотря на то, что изменилась роль губернаторов, и деятельность региона стала более регламентирована, парадипломатия остается важным инструментом региональных элит. Парадипломатия региона, в арсенале которой преимущественно экономический и культурный инструментарий, становится ключевым элементом «мягкого» регионализма.

1. Итоги международной деятельности Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://mvs.midural.ru/soglasheniya> (дата обращения: 05.10.2017).

2. Капустина Л.М., Липкова Л., Фальченко О.Д. Оценка вклада прямых иностранных инвестиций в экономическое развитие Свердловской области и России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 741–754.

3. Киселев К.В. К вопросу об идентичности Свердловской области // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 2–3 (15–16). С. 206–210.

4. Мартыянов В.С. Унитарный федерализм. Федерализм и централизация. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2007. С. 8–42.

5. Панкевич Н.В. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. – Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2008. – 194 с.

6. Положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе, утвержденного Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 20. Ст. 2112.

7. Русакова О.Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 1 (14). С. 68–74.

8. Соглашения Свердловской области. [Электронный ресурс]: <http://>

mvs.midural.ru/soglasheniya (дата обращения: 05.10.2017).

9. Тарасов А.Г., Кокшаров В.А. Регион как субъект международной и внешнеэкономической деятельности (на примере Свердловской области). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 160 с.

10. Указ Президента РФ от 8 ноября 2011 г. N 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 46. Ст. 6477.

11. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории / науч. ред. А.Д. Кириллов, Н.Н. Попов – Екатеринбург: Издательство «Уральский рабочий», 2000. – 356 с.

12. Федерализм и централизация / отв. ред. К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 374 с.

13. Федеральный закон от 4 января 1999 года № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 2. Ст. 231.

14. Число генконсульств на Урале за 20 лет выросло в 16 раз. Новости Урала // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ural-news/3717509>.

15. Criekemans D. Regional Sub-State Diplomacy Today. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2010. – 421 p.

16. Mikhailenko V I. Russia In The New World Order: Power And Tolerance In Contemporary International Relations // Questia. 2003. Vol. 11. № 2. P. 198–211.

17. Paasi A., Metzger J. Foregrounding the region // Regional Studies. 2017. Vol. 51. № 1. P. 19–30.

18. Soderbaum F. Rethinking Regionalism. Palgrave Macmillan, 2015. – 272 p.

19. Zubkov K.I. Political Regionalism in Russia: the case of the Urals region. Regionalism in Russia. The Urals Case / ed. by K. Malfliet, V. Alexeyev, T. Casier. Katholieke Universiteit Leuven. 1996. P. 33–40.

References

1. Itogi mezhdunarodnoj deyatel'nosti Sverdlovskoj oblasti. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://mvs.midural.ru/soglasheniya> (data obrashheniya: 05.10.2017).

2. Kapustina L.M., Lipkova L., Fal'chenko O.D. Ocenka vklada pryamых inostrannyx investitsij v e'konomicheskoe razvitie Sverdlovskoj oblasti i Rossii // E'konomika regiona. 2016. T. 12. Vyp. 3. S. 741–754.

3. Kiselev K. V. K voprosu ob identichnosti Sverdlovskoj oblasti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 2–3 (15–16). S. 206–210.

4. Mart'yanov V.S. Unitarnyj federalizm. Federalizm i centralizaciya. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN, 2007. S. 8–42.

5. Pankevich N.V. Modeli federativnogo ustrojstva: zakonomernosti politicheskoy transformacii. – Ekaterinburg: Ural'skoe otделение RAN, 2008. – 194 s.

6. Polozhenie o polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossijskoj Federacii v federal'nom okruge, utverzhdennogo Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2000 g. № 849 «O polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossijskoj Federacii

v federal'nom okruge» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2000. № 20. St. 2112.

7. Rusakova O.F. Metodologicheskie problemy kategorial'nogo i instrumental'nogo analiza soft power // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 1 (14). S. 68–74.

8. Soglasheniya Sverdlovskoj oblasti. [E'lektronnyj resurs]: <http://mvs.midural.ru/soglasheniya> (data obrashheniya: 05.10.2017).

9. Tarasov A.G., Koksharov V.A. Region kak sub"ekt mezhdunarodnoj i vneshnee'konomicheskoy deyatel'nosti (na primere Sverdlovskoj oblasti). – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. – 160 s.

10. Ukaz Prezidenta RF ot 8 noyabrya 2011 g. N 1478 «O koordiniruyushhej roli Ministerstva inostrannyx del Rossijskoj Federacii v provedenii edinoj vneshnepoliticheskoy linii Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 46. St. 6477.

11. Ural: vek dvadcatyj. Lyudi. Sobytiya. Zhizn'. Oчерки istorii / nauch. red. A.D. Kirillov, N.N. Popov – Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Ural'skij rabochij», 2000. – 356 s.

12. Federalizm i centralizaciya / otv. red. K.V. Kiselev. – Ekaterinburg: UrO RAN, 2007. – 374 s.

13. Federal'nyj zakon ot 4 yanvarya 1999 goda № 4-FZ «O koordinacii mezhdunarodnyx i vneshnee'konomicheskix svyazej sub"ektov Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1999. № 2. St. 231.

14. Chislo genkonsul'stv na Urale za 20 let vyroslo v 16 raz. Novosti Urala // TASS. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://tass.ru/ural-news/3717509>.

15. Criekemans D. Regional Sub-State Diplomacy Today. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2010. – 421 p.

16. Mikhailenko V I. Russia In The New World Order: Power And Tolerance In Contemporary International Relations // Questia. 2003. Vol. 11. № 2. P. 198–211.

17. Paasi A., Metzger J. Foregrounding the region // Regional Studies. 2017. Vol. 51. № 1. P. 19–30.

18. Soderbaum F. Rethinking Regionalism. Palgrave Macmilla, 2015. – 272 p.

19. Zubkov K.I. Political Regionalism in Russia: the case of the Urals region. Regionalism in Russia. The Urals Case / ed. by K. Malffiet, V. Alexeyev, T. Casier. Katholieke Universiteit Leuven. 1996. P. 33–40.

UDC 327

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.5764

THE ROLE OF THE INSTITUTES OF PARADIPLMACY IN REGIONALIZATION OF SVERDLOVSK REGION*

Mikhailenko Ekaterina Borisovna,

Ural Federal University,
PhD of Historical Sciences,
Assistant Professor,
Chair of Theory and History of International Relations,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: earslanova@urfu.ru

Verbitskaya Tatiana Vladimirovna,

Ural Federal University,
Assistant of the Chair of Theory and History of International Relations,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: aquitania-17@ya.ru

Annotation

The processes of regionalization within the country always cause an ambiguous assessment. Regional diplomacy (paradiplomacy) plays an important role in the formation of the region's actorness and identity. The purpose of the article is to analyze how the paradiplomacy influences on the formation of the region «Sverdlovsk Oblast». During the evolution of the Sverdlovsk region since the 1990s, the processes of regionalization had their own driving forces and methods of construction. The analyses of tasks and forms of implementation of paradiplomacy at the present stage has shown that a new type of «soft» regionalism of the Sverdlovsk region is being formed.

Key concepts:

region, regionalization, soft regionalism, paradiplomacy, Sverdlovsk region.

* This study was supported by the European Union ERASMUS+ Programme, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR.

УДК 327.83

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.6572

МЕСТО И РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Мухаметов Руслан Салихович,

Уральский федеральный университет,
доцент кафедры политических наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вкладу неправительственных организаций в предупреждение и урегулирование международных конфликтов. Показано, что неправительственные организации выполняют коммуникативную функцию, исполняют роль посредника. Автором достаточно подробно представлены «дипломатия второго направления» и «полуторная дипломатия». В статье выявлены и раскрыты основные преимущества и недостатки каждой из внешнеполитических практик.

Ключевые понятия:

дипломатия, неофициальная дипломатия, экспертная дипломатия, народная дипломатия.

После окончания холодной войны хотя и наблюдается общая тенденция сокращения количества вооруженных конфликтов в мире, тем не менее, они остаются неотъемлемым явлением мировой политики. Сложность внутригосударственных и межгосударственных конфликтов стала серьезной проблемой для области разрешения конфликтов. Наиболее распространенными методами урегулирования конфликтов являются переговоры, использование услуг третьей стороны и посредничества с целью помочь сторонам прийти к согласию. В качестве официальных медиаторов, как правило, выступают межгосударственные организации и отдельные государства. Однако в последнее время свой вклад

в область управления конфликтами и построения мира вносят неправительственные некоммерческие организации.

Как нам представляется, в сфере урегулирования международных конфликтов НПО могут выполнять две основные роли.

Во-первых, в рамках превентивной дипломатии НПО предпринимают меры по предотвращению перерастания межгосударственных споров в вооруженные конфликты, содействуя диалогу и создавая условия для взаимопонимания сторон. НПО вносят свой вклад в поддержание или улучшение отношений между сторонами. Они содействуют установлению контактов с целью снижения напряженности между участниками конфликта. Данная практика получила название «второе направление дипломатии» (*track two diplomacy*). В научной литературе можно встретить другие названия: «неофициальная дипломатия» [5, с. 5–10] и «экспертная дипломатия» [3, с. 14–25].

Во-вторых, НПО могут играть роль посредника и медиатора. В данном случае их деятельность направлена на разрешение уже существующих вооруженных конфликтов и примирение конфликтующих сторон. Данная практика получила название «полуторного направления дипломатии».

Рассмотрим более подробно каждую из ролей НПО.

Термин «дипломатия второго направления» был введен в оборот в 1981 г. американским дипломатом Джозефом Монтвиллем (*Joseph Montville*). Он использовал этот термин для обозначения неправительственных, неформальных и неофициальных контактов и взаимодействий между гражданами или группами индивидов [8].

Классическая дипломатия (*official diplomacy*), или дипломатия первого направления (*track one diplomacy*), осуществляется официальными представителями государств, т. е. с помощью дипломатов, высокопоставленных чиновников и глав государств, в то время как второе направление дипломатии – на уровне частных лиц, представителей некоммерческих неправительственных организаций (аналитических центров, «фабрик мысли»). Иными словами, речь идет об экспертных коммуникациях. Участники дипломатии второго направления не являются должностными лицами (государственными деятелями, политиками), поэтому они могут более свободно выражать свои мнения по широкому кругу вопросов, не зависят от общественного мнения и не боятся потерять голоса избирателей.

Основным направлением деятельности классической дипломатии является установление и поддержание контактов между правительствами различных государств. Дипломатия второго направления имеет целью уменьшение уровня конфликтности между странами, снижение напряженности посредством улучшения общения и лучшего понимания друг друга.

Дипломатия второго направления – это взаимодействие представителей неправительственных некоммерческих организаций (аналитических центров, «фабрик мысли») из разных государств, цель которых состоит в поиске точек соприкосновения, которые не могут найти официальные представители государств (дипломаты). Диалоги экспертов направлены на обмен мнениями и информацией с целью улучшения понимания каждой из сторон позиций и политики друг друга, не основываясь на жестких требованиях регламента

ведения переговоров. Неправительственным экспертам часто гораздо легче достичь компромиссных решений по острым вопросам международных отношений и двусторонней повестки, чем действующим политикам и дипломатам, т.к. они не зависят от политической конъюнктуры и находятся за рамками официальной политики [10].

Дипломатия второго направления позволяет обсуждать острые вопросы, которые не могут быть рассмотрены в формальной обстановке. В ее рамках участники (эксперты-международники) чувствуют себя более свободно, чтобы поделиться ощущениями и страхами, которые могут быть препятствиями для мира и поиска новых идей по снижению напряженности в межгосударственных отношениях. Неофициальный характер такого диалога позволяет участникам более свободно выражать идеи, которые могут быть слишком чувствительными для обсуждения на официальном уровне, где политики более ограничены в выражении своих позиций.

К сильной стороне дипломатии второго направления можно отнести то, что ее участники не ограничены политическими или конституционными рамками, поэтому они могут выражать свои личные взгляды на различные вопросы, которые непосредственно их беспокоят. Ее слабыми сторонами являются следующие:

- ее участникам имеют ограниченные возможности по оказанию влияния на внешнюю политику государств и властные структуры из-за отсутствия у них политической власти;
- ее участникам требуется больше времени для достижения результатов;
- она является неэффективной в авторитарных режимах, где государственные лидеры не прислушиваются к рекомендациям и советам экспертов;
- ее участники в связи с отсутствием у них политической власти не несут ответственности перед обществом за неудачные решения или предложения;
- НПО, вовлеченным во внешнеполитический процесс, не хватает должной координации действий [1].

Первой осознанной попыткой запустить полноценный процесс в формате дипломатии второго направления обычно называют Дартмутские диалоги между США и СССР, которые впервые состоялись в октябре 1960 г. Первая конференция в Дартмутском колледже собрала американских и советских ученых и бывших чиновников для откровенного разговора о различиях между их странами и возможностях развивать сотрудничество при сохранении этих различий. Советскую делегацию возглавлял Александр Корнейчук, являвшийся не только популярным среди партийной элиты писателем, но и личным другом Н.С. Хрущева. Среди советских участников был и Виктор Чхиквадзе, директор Института государства и права АН СССР, Модест Рубинштейн, сотрудник ИМЭМО АН СССР. Кроме того, в состав советской делегации входили знаменитые ученые, писатели и деятели культуры: композитор Ванно Мурадели, писатель и редактор журнала «Юность» Борис Полевой, режиссер Сергей Юткевич. Участниками американской делегации были Уильям Бентон, бизнесмен и бывший сенатор, Норман Казинс, редактор американского журнала Сатудей Ревью (Saturday Review), Джордж Кеннан, дипломат и автор концепции «сдерживания коммунизма», Ричард Легхорн, юрист, работавший на правительство США и на НАСА [7, с. 35].

Примером дипломатии второго направления является функционирование в 2007–2009 гг. российско-американской рабочей группы «Россия – США. Взгляд в будущее», куда входили высокопоставленные бывшие министры, официальные лица и военачальники из России и США. С российской стороны эту группу возглавлял Евгений Примаков, с американской – бывший госсекретарь Генри Киссинджер. Цель этой группы состояла в ослаблении антагонистических аспектов российско-американских отношений, в поиске возможностей для развития сотрудничества, формировании позитивной повестки в российско-американских отношениях.

План дипломатического решения конфликта на востоке Украины, предложенный «Группой Бойсто» (Boisto Group), также относится к деятельности дипломатии второго направления. С российской стороны руководителем группы экспертов выступил директор Института мировой экономики и мировых отношений РАН Александр Дынкин, а с американской – управляющий директор консалтинговой компании Киссинджер Ассошиэйтс (компания бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера) Том Грем и вице-президент по научным исследованиям Фонда Карнеги Эндрю Вайс [4].

Эксперты в рамках «дипломатии второго направления» встречаются на круглых столах, где происходят обсуждения возможностей взаимодействия контрагентов, обмена мнениями о текущей ситуации, дается оценка происходящих событий, а также предлагаются практические рекомендации по налаживанию сотрудничества.

Термин «полуторная дипломатия» (track one and a half diplomacy) был введен в научный оборот Сьюзен Ален Нан (Susan Allen Nan). «Полуторную дипломатию» можно определить как миротворческую деятельность, которая осуществляется частным лицом между политическими представителями враждующих групп или правительств [9]. Это взаимодействие между официальными представителями конфликтующих правительств или политических организаций при посредничестве третьей стороны.

Таким образом, главное отличие «полуторной дипломатии» от классической состоит в наличии третьего лица, которое не является представителем политического института.

«Полуторная дипломатия» отличается от дипломатии второго направления участниками. В последнем случае участники, вовлеченные в процесс урегулирования межгосударственного конфликта, не являются официальными представителями конфликтующих сторон, это представители научного, академического сообщества и НКО, которые взаимодействуют со своими коллегами из других стран. При «полуторной дипломатии» взаимодействия выстраиваются между частным лицом, представителем авторитетной МНПО, и властями конкретного государства. Так, например, посредничество (саммит в Кэмп-Дэвиде в июле 2000 г.) Президента США Б. Клинтона между председателем Палестинской национальной автономии Ясиром Арафатом и премьер-министром Израиля Эхудом Бараком является примером классической дипломатии. Роль президента США Джимми Картера в достижении мирного договора (Кэмп-Дэвидские соглашения) между Израилем (Менахем Бегин) и Египтом (Анвар Садат) также являет собой пример классической

дипломатии. Другими словами, в роли посредника выступают государства или межправительственные организации. При «полупторной дипломатии» функции посредника выполняют различные частные лица. Например, это посредничество бывшего президента ЮАР Нельсона Манделы между конфликтующими сторонами (этническими группами тутси и хуту) в период гражданской войны в Бурундии. Деятельность бывшего президента США Джимми Картера (он был в статусе основателя и директора неправительственной организации «Центр Картера»), который сыграл роль посредника в урегулировании северокорейского кризиса, также является примером «полупторной дипломатии». Напомним, что в 1994 г. при его содействии было достигнуто «рамочное соглашение», согласно которому Ким Ир Сен согласился заморозить ядерную программу и поставить ее под контроль МАГАТЭ в обмен на строительство двух ядерных реакторов на легкой воде, (они не могут быть использованы для создания ядерному оружию), а также гарантии США о неприменении ядерного оружия против Северной Кореи.

В 2005 г. при посредничестве экс-президента Финляндии Мартти Ахтисаари (на тот момент он позиционировался как учредитель и руководитель неправительственной организации «Инициатива по преодолению кризисов») был подписан мирный договор, положивший конец тридцатилетней войне между правительством Индонезии и сепаратистским движением в провинции Ачех [6].

Среди организаций, которые занимаются разрешением как международных, так и внутригосударственных конфликтов, можно выделить:

- Центр за гуманитарный диалог (Женева);
- Центр Картера (Атланта);
- Институт мира (Вашингтон);
- Инициатива по преодолению кризисов (Crisis Management Initiative).

Неправительственные некоммерческие организации являются каналами коммуникации по обмену информацией и точками зрения между участниками конфликта, оказывая таким образом помощь сторонам в понимании интересов и целей друг друга. Это снижает вероятность искажения информации. В частности, В. В. Путин проводит встречи с экс-госсекретарем США, председателем консалтинговой фирмы Киссинджер Ассошиэйтс Генри Киссинджером, который после встреч делится своими мыслями от разговора с представителями администрации Белого дома.

В разгар военных действий на востоке Украины в апреле 2015 г. Москву посетили члены «Группы Старейшин». Данный неформальный клуб был создан покойным ныне президентом ЮАР Нельсоном Манделой для решения глобальных проблем современности и разрешения конфликтов по всему миру. В ходе общения с Президентом России В. В. Путиным члены клуба стремились узнать позицию России по отношению к глобальному миропорядку, мотивы и причины внешнеполитических действий Москвы на международной арене в целом и на украинском направлении в частности.

Главным преимуществом «полупторной дипломатии» является возможность «экс-фигур» быть связующими звеньями между представителями официальных органов власти разных стран, особенно в период напряженных

отношений или конфликта. С другой стороны, «экс-персоны» могут рассматриваться принимающей стороной как непосредственные представители своих государств, что может усложнять коммуникацию. Такие посредники не обладают техническими, финансовыми и военными ресурсами, чтобы поддерживать и обеспечивать выполнение соглашений. Кроме того, представители «полуполитической дипломатии» могут реализовывать свои интересы, противоречащие внешнеполитическим приоритетам их государств.

Таким образом, на сегодня трудно переоценить ту роль, которую играют НПО в вопросе урегулирования современных межгосударственных и внутригосударственных конфликтов. Участие НПО в разрешении конфликтов и примирении сторон является в настоящее время необходимым и в достаточной степени эффективным вспомогательным инструментом разрешения такого рода международных проблем.

1. Анализ диалоговых инициатив относительно урегулирования конфликта в Украине. [Электронный ресурс]. – URL: [http://icps.com.ua/assets/uploads/files/mapping_rus .pdf](http://icps.com.ua/assets/uploads/files/mapping_rus.pdf) (дата обращения: 07.07.2017).

2. Архипова М.О. Теория и практика неофициальной дипломатии. Автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2007. 18 с.

3. Генюш С.В. Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. Вып. 5. С. 14–25.

4. «Империалистический» план от группы «Бойсто». [Электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/world/20140903/222767864.html> (дата обращения: 07.07.2017).

5. Лебедева М.М. Развитие неофициального посредничества в современном мире: тенденции, проблемы, перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 3. С. 5–10.

6. Марти Ахтисаари. Биографическая справка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20081010/152915017.html> (дата обращения: 07.07.2017).

7. Московский М.А. Дартмутский диалог: первые шаги неформальной советско-американской дипломатии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 3. С. 33–47.

8. Carson K. Track Two Diplomacy Transfer in the Middle East Peace Process // Major Research Paper. 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruor.uottawa.ca/bitstream/10393/23870/1/CARSON%2C%20Kristen%2020125.pdf> (дата обращения: 07.07.2017).

9. Mapendere J. Track One and a Half Diplomacy and the Complementarity of Tracks // Culture of Peace Online Journal. 2000. № 2. [Электронный ресурс]. – URL: www.copoj.ca/pdfs/Jeffrey.pdf (дата обращения: 07.07.2017).

10. Utku Yapıcı. Track-Two Diplomacy in Turkish Foreign Policy: The Turkish-Armenian Reconciliation Commission Example // The Turkish Yearbook of International Relations. 2013. Volume 43. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.politics.ankara.edu.tr/dergi/tybook/44/Utku-Yapici.pdf> (дата обращения: 07.07.2017).

References

1. Analiz dialogovykh iniciativ otnositel'no uregulirovaniya konflikta v Ukraine. [E'lektronnyj resurs]. – URL: http://icps.com.ua/assets/uploads/files/mapping_rus_.pdf (data obrashheniya: 07.07.2017).
2. Arxipova M.O. Teoriya i praktika neoficial'noj diplomatii. Avtoref. dis. kand. polit. nauk. M., 2007. 18 s.
3. Genyush S.V. E'kspertnaya diplomatiya: grazhdanskoe obshchestvo na sluzhbe vneshnej politiki // Kontury global'nykh transformacij: politika, e'konomika, pravo. 2012. Vyp. 5. S. 14–25.
4. «Imperialisticheskij» plan ot gruppy «Bojsto». [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://inosmi.ru/world/20140903/222767864.html> (data obrashheniya: 07.07.2017).
5. Lebedeva M.M. Razvitie neoficial'nogo posrednichestva v sovremennom mire: tendencii, problemy, perspektivy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 1998. № 3. S. 5–10.
6. Marti Axtisaari. Biograficheskaya spravka. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/society/20081010/152915017.html> (data obrashheniya: 07.07.2017).
7. Moskovskij M.A. Dartmutskij dialog: pervye shagi neformal'noj sovetsko-amerikanskoj diplomatii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. № 3. S. 33–47.
8. Carson K. Track Two Diplomacy Transfer in the Middle East Peace Process // Major Research Paper. 2012. [E'lektronnyj resurs]. – URL: <https://ruor.uottawa.ca/bitstream/10393/23870/1/CARSON%2C%20Kristen%2020125.pdf> (data obrashheniya: 07.07.2017).
9. Mapendere J. Track One and a Half Diplomacy and the Complementarity of Tracks // Culture of Peace Online Journal. 2000. № 2. [E'lektronnyj resurs]. – URL: www.copoj.ca/pdfs/Jeffrey.pdf (data obrashheniya: 07.07.2017).
10. Utku Yapıcı. Track-Two Diplomacy in Turkish Foreign Policy: The Turkish-Armenian Reconciliation Commission Example // The Turkish Yearbook of International Relations. 2013. Volume 43. [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://www.politics.ankara.edu.tr/dergi/tybook/44/Utku-Yapici.pdf> (data obrashheniya: 07.07.2017).

UDC 327.83

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.6572

THE PLACE AND ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN INTERNATIONAL CONFLICT MANAGEMENT

Mukhametov Ruslan Salikhovich,

Ural Federal University,
Associate Professor of Political Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Annotation

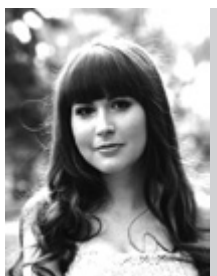
The Article is devoted to the contribution of non-governmental organizations in the prevention and settlement of international conflicts. It is shown that non-governmental organizations perform a communicative function, play the role of a mediator. The author presents in sufficient detail “diplomacy of the second direction” and “one and a half diplomacy”. The article identifies and reveals the main advantages and disadvantages of each of the foreign policy practices.

Key concepts:

diplomacy, informal diplomacy, expert diplomacy, public diplomacy.

УДК 328:316.772.5
DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.7382

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Юферева Анастасия Сергеевна,

Уральский федеральный университет,
ассистент кафедры Интегрированных маркетинговых коммуникаций
и брендинга,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: yufereva001@mail.ru

Фирсов Андрей Александрович,

Уральский федеральный университет,
кандидат экономических наук,
ассистент кафедры Теории и истории международных отношений,
эксперт Центра европейско-азиатских исследований,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: a.a.firsov@inbox.ru

Аннотация

В статье анализируется специфика управления политическими коммуникациями в условиях медиаконвергенции, раскрываются перспективы становления новых форм взаимодействия в политической области в связи с появлением digital-технологий. Авторы выявляют качественные изменения в информационно-коммуникативной сфере политики, описывают современные методы менеджмента, которые используются в государственном управлении, а также исследуют проблемы, которые возникают в связи с вовлечением в политический процесс новых технологий коммуникации. В работе доказывается, что не последнее место в данном обсуждении отведено экономическим, социальным, культурным контекстам, в рамках которых осуществляется адаптация политических институтов к тем возможностям, которые предоставляет сегодня медиаконвергенция.

Ключевые понятия:

медиаконвергенция, политическая коммуникация, менеджмент в государственном управлении, медиатизация политического процесса.

Введение

Широкое распространение новых технологий коммуникации приводит к тотальной виртуализации различных форм взаимодействия между политическими акторами. Формирование новых способов коммуницирования происходит настолько интенсивными темпами, что практика и последствия данного процесса все чаще становятся предметом исследования. В фокусе теоретиков оказываются такие вопросы, как становление современных технологий коммуникации в политической сфере (Alathur, Vigneswara Ilavarasan and Gupta [1]; Carter and Weerakkody [2]; Harrison [3]; Park [4]; Pankowska [5]; Трахтенберг [6]), использование политическими институтами технологий коммуникации (Bode [7]; Быков [8]; Harwit [9]; Morozov [10]), появление новых видов политической активности в цифровой среде (Bene [11]; Holbert and Benoit [12]; Mikael-Silva and Martins [13]; Roberts [14]; Wright [15]), особенности использования средств коммуникаций в электоральном процессе (Chia-Shin Lin [16]; Neumayer and Svensson [17]; Pătruț [18]).

Одно из перспективных научных направлений связано с изучением именно предпосылок трансформации политической коммуникации. На наш взгляд, отразить последствия виртуализации политической коммуникации способно понятие «медиаконвергенция» (от лат. *convergo* – приближаюсь, схожусь). Данный процесс исследован в технологическом (De Sola Pool, [19]; Flynn, [20]; McLuhan [21]; Negroponte [22]; Варпанова [23]; Owen [24]), а также в социально-культурном измерениях (Jenkins [25]; Fagerjord [26]; Meikle [27]). Однако проблема виртуализации политической коммуникации в контексте медиаконвергенции остается мало изученной. В данной связи проанализируем особенности управления политической коммуникацией через призму технологического и социального измерений медиаконвергенции.

Подходы к пониманию медиаконвергенции

Предпосылки осмысления медиаконвергенции были заложены в трудах Г.М. Маклюэна. В работе «Понимание медиа» (1962 г.) автор использовал понятие «implosion» (направленный внутрь взрыв, «всхлопывание»), которое призвано описать тенденции развивающейся электронной эпохи в связи с появлением телевидения. М. Маклюэн пришел к выводу, что для середины двадцатого века свойственны следующие изменения: нивелирование принципов дифференциации в различных областях жизнедеятельности, переход социальных систем к гомогенному состоянию, упразднение множества локальных информационных структур.

В 1970 г. медиаконвергенция становится предметом исследования в работах Н. Негропonte, который не только предпринял попытку операционали-

зации данного концепта, но и предложил модель конвергенции. Она основана на трёх пересекающихся кругах, каждый из которых имеет отношение к одной из нескольких отраслей массмедиа (печатные издания, радио, телевидение и средства связи). Итогом их совместного слияния становится образование новых медиа, способных воплощать черты вышеперечисленных компонентов коммуникационной системы. Появление иных технологий стало следствием конвергенции технологического порядка, предполагающей схождение в одной точке традиционных средств массовой информации и многообразных электронных устройств.

В начале 2000 г. Г. Дженкинс предпринял попытку расширить границы понимания медиаконвергенции, включив помимо технологического уровня дополнительные уровни. По мнению теоретика, следует различать социальную конвергенцию, которая касается формирования у потребителей информации «многозадачных стратегий» (consumer's multitasking strategies), возникающих в связи с одновременностью совершения нескольких действий: просмотр телевизора, проверка электронной почты и т. д. Следующий вид – культурная конвергенция – образуется в момент «взрыва» новых форм творчества в виртуальном пространстве. Глобальная конвергенция отражает процесс культурной гибридизации, которая является результатом международной циркуляции медиа-контента (текстов, музыки, видео и пр.).

Медиаконвергенция как фактор медиатизации политической коммуникации

Медиаконвергенция предоставляет возможности для становления нового уклада в организации человеческой деятельности, который отличает такое свойство, как медиатизация. Применительно к области политического имеется в виду переход политического процесса и всех сопутствующих ему элементов (ценности, ориентиры, смыслы) из одного состояния (реального) в другое (медийное) [28; 29].

Изначально медиатизация политической коммуникации предполагала исключительно технологическую направленность. Возникновение данного феномена связывают с началом 1990 г., когда распространение Интернета сказалось на увеличении количества платформ для функционирования политической коммуникации. Примером инкорпорирования государственных структур в киберпространство считается появление у правительственных учреждений официальных страниц в Сети. Существовавшие на тот момент веб-ресурсы органов власти, предназначенные для оказания информационных услуг о деятельности правительства, отличались простым интерфейсом и, как следствие, не предполагали взаимодействие с широкой аудиторией.

Переход медиатизированной политической коммуникации в следующее измерение медиаконвергенции – социальное – произошел в начале 2000 г., когда технологии смогли дать толчок к осуществлению разнообразных стратегий по управлению политическими коммуникациями. На степень концентрации медиатизации стало оказывать влияние много факторов: помимо увеличения роли массмедиа в политической сфере немаловажное место стал занимать уровень профессионализма в управлении политической коммуника-

цией, повышение персонификации политиков. К социальным последствиям медиатизации политической коммуникации относятся: развитие диалоговых систем коммуникации, которые позволяют представителям государственных структур и населению взаимодействовать непосредственно в режиме реального времени; образование виртуальных сообществ, которые способны установить собственные границы влияния и стать активным независимым действующим лицом на политической арене; формирование новых политических ценностей и установок в рамках киберкультуры и пр. «Переход» коммуникации в цифровую форму вынудил политических акторов искать более эффективный инструментарий для интеракции с пользователями Сети.

Новые формы политической коммуникации в контексте медиаконвергенции

Для того чтобы оценить эффективность медиатизированных политических коммуникаций обратимся к анализу общей картины информатизации государственных услуг России в сравнении с другими странами. Согласно индексу развития электронного правительства (The UN Global E-Government Development Index) Организации Объединённых Наций в 2008 году Россия занимала 49 место по готовности использовать информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ) для предоставления гражданам государственных услуг, в 2010 – 47 место, в 2012 и в 2014 гг. – 27 место, соответственно. В другом авторитетном рейтинге – «Индекс развития ИКТ» – в 2007 г. отечественной ИКТ-отрасли было присвоено 50 место, в 2013 – 40, а в 2015 – 45 место [30]. В предлагаемых рейтингах, которые создавались с привлечением разнообразных критериев (уровень развития ИКТ-инфраструктуры, качество Интернет-услуг, степень доступа к ИКТ и др.), Россия в сфере оказания государственных услуг в электронном формате демонстрирует неустойчивое положение в целом.

При этом развитие коммуникационных систем в цифровом пространстве в России началось с 2012 года, когда регионы и муниципалитеты начали взаимодействовать с населением посредством электронных систем. Спустя два года, в 2014 году, «доля граждан, использующих электронные государственные услуги, составила 35,2%. В 2013 году таких граждан было 30,8%. В соответствии с указом Президента Российской Федерации № 601 от 7 мая 2012 г., доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 году должна достичь 70%. При этом плановый показатель на 2014 год составляет 35%, на 2015 г. – 40%» [31]. Предполагается, что пользователь государственных услуг в электронном формате занимает позицию не пассивного наблюдателя, но полноправного участника политического процесса, использующего новые медиа и прочие интерактивные технологии на сайтах правительственных учреждений. Однако соответствуют ли ожидаемые результаты нынешним тенденциям в политической сфере? Возможно ли считать новые медиа эффективными каналами для распространения идей и ценностей среди широкой публики, а также площадками для ведения баталий по важнейшим для аудитории темам?

В отношении данных вопросов интересные размышления принадлежат М. Артемьеву. В статье «Ненужная свобода: почему Интернет не по-

мог российской оппозиции» [32] автор на примере прошедших выборов в Государственную Думу (сентябрь 2016 г.), которые состоялись в условиях широкого распространения новых информационных технологий, высокой вовлеченности пользователей в новые медиа, показывает, как вышеизложенные положения не имеют ничего общего с отечественной политической деятельностью. М. Артемьев констатирует парадоксальность результатов прошедших выборов. В 2016 году «Единая Россия» получила в Госдуме рекордные для отечественной политической истории 343 депутатских кресла из 450. «И это в условиях «многопартийного» выбора и на фоне победных реляций о том, что уже пять сайтов обогнали по популярности «Первый канал». Для любителей зависать в Facebook, в котором существуют собственная субкультура и свои герои, подобные итоги явились обескураживающими» [32]. При этом исследователь находит тому достаточно рациональное объяснение: «Парадокс заключается в том, что через Интернет нельзя заставить интересоваться тем, что неинтересно. А выборы в массе своей людям были неинтересны. Они не видели в них чего-то значимого личного для них или для страны. Интернет – избирательное средство коммуникации. Пользователь сам выбирает, что ему смотреть или читать, а навязчивая баннерная реклама малоэффективна, поскольку пропускается автоматически» [32].

До настоящего момента политические коммуникации в Интернет-пространстве развиты достаточно слабо. Поэтому политтехнологи в прошедший электоральный период предпочли использовать традиционные методы в реализации политической кампании: печатные издания (газеты, листовки, плакаты и пр.), «кубы» на улицах в наиболее людных местах, встречи депутатов с избирателями (по месту жительства, в трудовых коллективах, на специально организованных мероприятиях). Достаточно эффективным считается выступление представителей политической партии на телевидении (форматы рекламных роликов, предвыборных дебатов) и на радио. Поскольку электронные массмедиа, и в особенности телевидение, до сих пор являются основными каналами для доставки идей и ценностей широкой публике.

Выводы

Понятие «медиаконвергенция» как комплексный процесс используется для обозначения появления не только универсальных технологий и дополнительных каналов для обмена сообщениями и установления контактов между индивидами, но и разнообразных социокультурных последствий, мгновенно возникающих при использовании эффекта слияния электронных средств связи.

В данной статье предпринята попытка ввести понятие «медиаконвергенция» в понятийно-категориальный аппарат политической науки с той целью, чтобы выявить взаимосвязи между данным феноменом и процессами политической коммуникации. Оперирование этим концептом может зафиксировать революционные перемены в информационно-коммуникационной составляющей политической области. Эти перемены связаны как с технологическими достижениями, которые предопределили набор регулирующих инструментов для осуществления трансляции политических сообщений, так и с новыми социально-коммуникативными стратегиями политических акторов.

Вопрос институциональной адаптации государства к последствиям медиаконвергенции относится к числу перспективных направлений для дальнейших исследований этой темы. Представляется необходимым отметить, что в российских реалиях к проблеме реализации концепции электронного государства стоит подходить не с технологической, но с организационной стороны. В настоящий момент направление для функционирования институциональных механизмов задается в контексте технократического дискурса, что в свою очередь делает процесс по переводу государственных услуг в электронный вид малоэффективным. С нашей точки зрения, во внимание должны приниматься, прежде всего, отечественные социальные и культурообразующие установки. В таком случае процесс перехода традиционных государственных институтов к электронной модели будет гораздо более эффективным.

1. Alathur S. Vigneswara Ilavarasan P. and Gupta M. (2016) Determinants of e-participation in the citizens and the government initiatives: Insights from India. *Socio-Economic Planning Sciences* 55: 22–35.

2. Carter L., Weerakkody V. (2008) E-government adoption: A cultural comparison. *Information Systems Frontiers* 10: 473–482.

3. Harrison T.M. (2016) Emerging scholars of e-government in China: Four research studies. 17th Annual International Conference on Digital Government Research: 1–3.

4. Park H.M. (2015) Should e-government be transformational and participatory? An essay on e-government in the utilitarian mode of information technology use. 48th Annual Hawaii International Conference on System Sciences: 2476–2485.

5. Pankowska M. (2015) Government 2.0: Innovation for e-democracy. *Economics: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications* 3: 1577–1595.

6. Трахтенберг А.Д. Переход к электронному правительству и проблема организационного сопротивления (Электронный ресурс) // Совместные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2012. № 11 (19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-i-problema-organizatsionnogo-soprotivleniya> (дата обращения: 04.10.2016).

7. Bode L. (2012) Facebooking It to the Polls: A Study in Online Social Networking and Political Behavior. *Journal of Information Technology and Politics* 9 (4): 352–369.

8. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013.

9. Harwit E. (2016) WeChat: social and political development of China's dominant messaging app. *Chinese Journal of Communication*: 1–16.

10. Morozov E. (2012) *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. Public Affairs, Perseus Book Group, New York.

11. Bene M. (2016) Go viral on the Facebook! Interactions between candidates and followers on Facebook during the Hungarian general election campaign of 2014. *Information Communication and Society*: 1–17.

12. Holbert L., Benoit W. (2009) A theory of political campaign media connectedness. *Communication Monographs* 76 (3): 303–332.

13. Mikael-Silva T., Martins A. (2016) The legalization of abortion in the discourse of the newspaper Folha de São Paulo. *Temasem Psicologia* 24: 1009–1025.

14. Roberts C. (2004) A functional analysis comparison of web-only advertisements and traditional television advertisements from the 2004 and 2008 presidential campaigns. *Journalism and Mass Communication Quarterly* 90 (1): 23–28.

15. Wright S. (2016) Success and online political participation: The case of Downing Street E-petitions. *Information Communication and Society* 19: 843–857.

16. Chia-Shin Lin L. (2014) Convergence in election campaigns: The frame contest between Facebook and mass media. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*: 1–16.

17. Neumayer C., Svensson J. (2014) Activism and radical politics in the digital age: Towards a typology. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*: 1–16.

18. Pătruț M. (2015) Blog role in consolidating the image of the candidate for European parliament elections. *European Journal of Science and Theology* 11 (4): 117–130.

19. De Sola Pool I. (1983) *Technologies of Freedom*. Cambridge: Belknap Press; First Edition.

20. Flynn B. (2000) *Digital TV, Internet & Mobile Convergence Developments and projections for Europe*. London: Phillips Global Media.

21. McLuhan M. (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill.

22. Negroponte N. (1995) *Being Digital*. New York: Alfred A. Knopf.

23. Варганова Е.Л. (1999) К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество, № 6, с. 11–14.

24. Owen B.M. (1999) *The Internet Challenge to Television*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

25. Jenkins H (2001) Convergence? I diverge. *Technology Review* 104: 93.

26. Fagerjord A. (2010) After Convergence: After Convergence: YouTube and Remix Culture. *International Handbook of Internet Research*: 187–200.

27. Meikle G. (2012) *Media convergence: networked digital media in everyday life*. Basingstoke, UK: Palgrave.

28. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2014. № 4. с. 65–77.

29. Грибовод Е.Г. Медиатизация политики как стратегический ресурс политических коммуникаций // Наука Красноярья. 2016. № 6. с. 48–57.

30. Доля граждан, воспользовавшихся электронными госуслугами в 2014 году, превысила 35% (Электронный ресурс) // Официальный сайт Минкомсвязь России, 23.04.2015. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33078/> (дата обращения: 09.09.2016).

31. Центр гуманитарных технологий (Электронный ресурс) // Официальный сайт информационно-аналитического агентства «ЦГТ». URL: <http://>

gtmarket.ru (дата обращения: 09.09.2016).

32. Артемьев М. (2016) Ненужная свобода: почему интернет не помог российской оппозиции (Электронный ресурс) // Официальный сайт РБК. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/20/09/2016/57e0eddd9a794732da83198c> (дата обращения: 11.10.2016).

References

1. Alathur S. Vigneswara Ilavarasan P. and Gupta M. (2016) Determinants of e-participation in the citizens and the government initiatives: Insights from India. *Socio-Economic Planning Sciences* 55: 22–35.
2. Carter L., Weerakkody V. (2008) E-government adoption: A cultural comparison. *Information Systems Frontiers* 10: 473–482.
3. Harrison T.M. (2016) Emerging scholars of e-government in China: Four research studies. 17th Annual International Conference on Digital Government Research: 1–3.
4. Park H.M. (2015) Should e-government be transformational and participatory? An essay on e-government in the utilitarian mode of information technology use. 48th Annual Hawaii International Conference on System Sciences: 2476–2485.
5. Pankowska M. (2015) Government 2.0: Innovation for e-democracy. *Economics: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications* 3: 1577–1595.
6. Traxtenberg A.D. Perehod k e'lektronnomu pravitel'stvu i problema organizacionnogo soprotivleniya (E'lektronnyj resurs) // Sovmestnye issledovaniya social'nyx problem: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal. 2012. № 11 (19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitel'stvu-i-problema-organizatsionnogo-soprotivleniya> (data obrashheniya: 04.10.2016).
7. Bode L. (2012) Facebooking It to the Polls: A Study in Online Social Networking and Political Behavior. *Journal of Information Technology and Politics* 9 (4): 352–369.
8. Bykov I.A. Setevaya politicheskaya kommunikaciya: Teoriya, praktika i metody issledovaniya: monografiya. SPb.: FGBOU VPO «SPGUTD», 2013.
9. Harwit E. (2016) WeChat: social and political development of China's dominant messaging app. *Chinese Journal of Communication*: 1–16.
10. Morozov E. (2012) *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. Public Affairs, Perseus Book Group, New York.
11. Bene M. (2016) Go viral on the Facebook! Interactions between candidates and followers on Facebook during the Hungarian general election campaign of 2014. *Information Communication and Society*: 1–17.
12. Holbert L., Benoit W. (2009) A theory of political campaign media connectedness. *Communication Monographs* 76 (3): 303–332.
13. Mikael-Silva T., Martins A. (2016) The legalization of abortion in the discourse of the newspaper Folha de São Paulo. *Temasem Psicologia* 24: 1009–1025.
14. Roberts C. (2004) A functional analysis comparison of web-only advertisements and traditional television advertisements from the 2004 and 2008

presidential campaigns. *Journalism and Mass Communication Quarterly* 90 (1): 23–28.

15. Wright S. (2016) Success and online political participation: The case of Downing Street E-petitions. *Information Communication and Society* 19: 843–857.

16. Chia-Shin Lin L. (2014) Convergence in election campaigns: The frame contest between Facebook and mass media. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*: 1–16.

17. Neumayer C., Svensson J. (2014) Activism and radical politics in the digital age: Towards a typology. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*: 1–16.

18. Pătruț M. (2015) Blog role in consolidating the image of the candidate for European parliament elections. *European Journal of Science and Theology* 11 (4): 117–130.

19. De Sola Pool I. (1983) *Technologies of Freedom*. Cambridge: Belknap Press; First Edition.

20. Flynn B. (2000) *Digital TV, Internet & Mobile Convergence Developments and projections for Europe*. London: Phillips Global Media.

21. McLuhan M. (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill.

22. Negroponte N. (1995) *Being Digital*. New York: Alfred A. Knopf.

23. Vartanova E.L. (1999) K chemu vedet konvergenciya SMI? // *Informacionnoe obshchestvo*, № 6, s. 11–14.

24. Owen B.M. (1999) *The Internet Challenge to Television*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

25. Jenkins H (2001) Convergence? I diverge. *Technology Review* 104: 93.

26. Fagerjord A. (2010) After Convergence: After Convergence: YouTube and Remix Culture. *International Handbook of Internet Research*: 187–200.

27. Meikle G. (2012) *Media convergence: networked digital media in everyday life*. Basingstoke, UK: Palgrave.

28. Rusakova O.F., Gribovod E.G. Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty politicheskoy kommunikativistiki // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*. 2014. № 4. s. 65–77.

29. Gribovod E.G. Mediatizaciya politiki kak strategicheskij resurs politicheskix kommunikacij // *Nauka Krasnoyar'ya*. 2016. № 6. s. 48–57.

30. Dolya grazhdan, vospol'zovavshixsya e'lektronnyimi gosuslugami v 2014 godu, prevysila 35% (E'lektronnyj resurs) // *Oficial'nyj sayt Minkomsvyaz' Rossii*, 23.04.2015. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33078/> (data obrashheniya: 09.09.2016).

31. Centr gumanitarnyx texnologij (E'lektronnyj resurs) // *Oficial'nyj sayt informacionno-analiticheskogo agentstva «CGT»*. URL: <http://gtmarket.ru> (data obrashheniya: 09.09.2016).

32. Artem'ev M. (2016) Nenuzhnaya svoboda: pochemu internet ne pomog rossijskoj oppozicii (E'lektronnyj resurs) // *Oficial'nyj sayt RBK*. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/20/09/2016/57e0eddd9a794732da83198c> (data obrashheniya: 11.10.2016).

UDC 328:316.772.5

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.7382

FEATURES OF POLITICAL COMMUNICATION MANAGEMENT IN TERMS OF MEDIA CONVERSION: MAIN TRENDS AND PATTERNS

Yufereva Anastasiya Sergeevna,

Ural Federal University,
Department of Integrated communication and branding,
Teaching Assistant,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: yufereva001@mail.ru

Firsov Andrey Aleksandrovich,

Ural Federal University,
Department of Theory and history of international relations,
Teaching Assistant,
The center for European and Asian studies,
Expert,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: a.a.firsov@inbox.ru

Annotation

This paper considers media convergence and crucial characteristics of this process. It is specially noted that due to the plural character of media convergence it is necessary to investigate the question of effect of this phenomenon on the realm of politics. The objective of the research is to find out the aspects of interaction between media convergence and the process of mediatization of political communication in the context of social and technological dimensions. In order to achieve this aim the author studies both foreign and domestic approaches to conduct an extensive analysis of this topic in more detail. It should be emphasized that the object and verifiable results were obtained by the scientific methods such as systematic approach and comparative methods. The study shows a few real-world examples which reflect the main aspects of interaction between media convergence and the process of mediatization of political communication. This thesis proves that the new forms of the political communications were created by the social context and the technological one.

Key concepts:

media convergence, political communication, management in government administration, mediatization of the political process.

УДК 370+30

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.8388

ФЕНОМЕНЫ «КИБОРГ» И «ВЛАСТЬ» В ВУЗОВСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Шевченко Олег Константинович,

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
кандидат философских наук, доцент,
Ялта, Республика Крым, Россия,
E-mail: filosof-klub@mail.ru

Аннотация

В научный оборот вводится термин «киборг» для выявления трансформационных процессов, происходящих в системе властных коммуникаций в высшей школе в условиях доминирования информационных технологий в учебном процессе.

Ключевые понятия:

высшая школа, образовательная коммуникация, «киборг», власть, информатизация, информационные технологии.

Современный мир демонстрирует скачкообразный рост качества электроники, программного обеспечения, взрывное развитие средств демонстрации электронных ресурсов при помощи довольно дешевых и качественных мультимедийных установок. Весьма серьезным делом становится массовая работа по оцифровке научных статей, монографий, энциклопедий, учебников. Все вышеперечисленное обеспечивает широкое вхождение информационных технологий в вузовское образование. Значительное число авторов, обращающихся к вопросу информатизации образования, благосклонно относятся к данному процессу. Однако при этом забывается, что любое нововведение не только привносит нечто новое и положительное, но неизбежно, уже в силу своей новизны, приводит к уничтожению старого. Считать, что нововведение есть исключительно положительное явление – это попросту наивно.

Цель настоящей статьи – обозначить предметные поля взаимодействия феноменов «киборг» и «власть» в специфических условиях осуществления образовательного процесса в высшей школе.

Обращение к вопросам киборгизации общества не является новостью для науки XXI-го века. Имеется целая серия замечательных исследований, посвященных вопросам активного внедрения информационных технологий в ткань культуры и социума. Среди наиболее ярких работ в этой области – сборник трудов М. Дери [4]. В России также найдется немало текстов, в которых данная проблема рассматривается как в общем плане [2; 9], так и в формате вопросов, актуальных для современного образовательного процесса [5]. К примеру, активно ставятся вопросы о формировании новых смыслов в педагогике [6; 7; 8]. Однако совершенно не проработанными остаются вопросы изменения властных отношений в системе «преподаватель-студент» с учетом изменений в стиле мышления студентов, в способах накопления и обработки учебной информации, с учетом структурных изменений материальной составляющей образовательного процесса в сторону его виртуализации и информатизации. Отдельные статьи лишь фиксируют новую форму восприятия информации [8, с. 36], особенности современных мифологем, формирующих мыслительные стереотипы для нового поколения студентов [1, с. 17–18], перспективные формы взаимодействия с носителями нового гипер-информатизированного сознания [7, с. 131]. Однако при этом отсутствует четкое понимание того, что значительная часть образовательных процессов в высшей школе относится к сфере властных отношений и ее компонентам. Речь идет именно о тех проблемах властных коммуникаций в сфере образования, которые связаны с массовой киборгизацией студенчества.

Представляются тупиковыми попытки некоторых авторов установить причинно-следственную связь между кибернетизацией процесса образования и снижением интеллектуального потенциала студенчества [3, с. 160]. Нынешний тип студенческого мышления и эмоционального мира просто другой, отличный от прежних стереотипов, поскольку связан с новыми технологическими возможностями, способами получения и обработки учебной и научной информации. Данные изменения в образовательном процессе требуют принципиально иного построения властных отношений и диалога в коммуникационной системе «преподаватель-студент».

Ныне, уже сейчас, если еще не вчера, от преподавателя требуется четкое понимание поведения студентов нового поколения с телом и сознанием среднестатистического «киборга» в процессе образовательной коммуникации. В этом смысле крайне полезно произвести обобщение накопленных эмпирических наблюдений, сформулировав их в форме содержательных постулатов.

Постулат 1. Современный «Homo Studiosus» имеет четкую и ясную потребность в тактильной связи с электронным устройством, способным накапливать информацию (смартфон, планшет, ноутбук или банальный флэш-накопитель). Так, например, при ответе на вопрос преподавателя студенту совершенно необходимо чувствовать в кармане, вертеть в руках, поглаживать либо сам носитель информации, либо его футляр. При этом даже простое наличие носителя информации (пусть обесточенного) значительно повышает

уверенность студента при ответе. Просьба отложить в сторону смартфон (выключенный!!!) приводит к разбалансировке ответа студента, нервному напряжению и иным формам дискомфорта. В том случае, если носитель оказывается включенным (притом, информацию невозможно увидеть на экране), ответ скачкообразно улучшался и приобретал ясную структуру. В случае же, когда появляется возможность просматривать файлы, даже не имеющие никакого отношения к ответу, студент достигает своего пика в развертывании индивидуальных размышлений. Следовательно, введение ограничений на тактильную связь с носителем информации приводит к качественному снижению уровня ответа студента.

Стремление вывести за скобки био-психическую потребность студента – «киборга» тактильно ощущать электронику, чреватое нервными срывами и, в целом, может негативно сказаться на образовательном процессе.

Удивление, впрочем, вызывает не сам факт подобной зависимости, сколько страх студентов ее признать. Это накладывает особый отпечаток на властную коммуникацию «преподаватель-студент» во время зачетов и экзаменов. Происходит разбалансировка в системе «требование-исполнение». Для преподавателя студент на экзамене – это личность со своими человеческими качествами и способностями. Но по факту он часто имеет дело с «киборгом», который способен отвечать на вопросы только при активном и тактильном взаимодействии с электронным носителем информации. Отсюда – недоумение студентов при столкновении с вопросами, рассчитанными на самостоятельное осмысление индивидуального жизненного опыта.

Постулат 2. Современный студент, подходящий под определение «киборг», не имеет навыков логического структурирования и теоретического обобщения информации, извлекаемой из электронных носителей [8, с. 36–39]. Пропуская через себя колоссальные потоки информации, «киборг» при помощи ряда информационных фильтров генерирует нужную ему информацию в виде сырых, необработанных дайджестов (правда, разделенных по общим темам) и потоком выдает ее в требуемом формате (устный ответ, контрольная работа, реферат, эссе и др.). Мысль об аналитической, творческой работе с информационным контентом, о выработке личной позиции в отношении собранного материала приводит «киборга» в ступор, а, иногда, попросту – в ужас. Творчество для «киборга» – это создание относительно цельного коллажа из тематически отфильтрованного массива информации.

Постулат 3. В современной высшей школе, где введена система баллов, которые выставляются студентам и преподавателям за каждый вид работы, и когда для проверки самостоятельности исследований используется программа проверки на плагиат, «киборги» чувствуют себя довольно неудобно. Ранее для «киборга» вполне приемлемой была форма реферата, который носил компилятивный характер и маскировался под самостоятельную работу. В новых условиях такая практика почти полностью исключена. Когда требуется проводить рефераты через системы анти-плагиатов, при ужесточении системы контроля и введении обязательных творческих эссе, при выполнении заданий по созданию логических схем и графиков на основе установления связей между целым рядом параметров, «киборг» значительно сдает свои позиции. Тесты

проходит, а вот комплексные творческие работы – нет. Как только исчезает ориентир на нахождение нужной информации в сети Интернет, «киборг» становится беспомощным. В этом смысле информатизация образования – процесс положительный. Но, увы, далеко не все преподаватели способны создавать педагогические продукты, не имеющие аналогов в сети Интернет, и в этом смысле они создают благоприятные условия для деятельности «киборгов», превращая их образование в профанацию. Именно киборгизация самой преподавательской работы является источником для развития процесса киборгизации студенчества. Часто преподавательская киборгизация носит вынужденный характер, поскольку вузовский преподаватель обременен большой методической и отчетной работой (приходится ежегодно разрабатывать документацию и отчитываться по 5–6 учебным дисциплинам).

Ситуацию усугубляют тяжелые, выходящие за пределы разумности, объемы аудиторных занятий (лекции и семинары – около 600 часов в год). При этом существует жесточайший график научных работ: 5–6 статей в год, одна монография или один учебник за два года. Такой ритм работы закономерно приводит к упрощению форм работы со студентами, к дегуманизации и формализации педагогического процесса, к снижению уровня и качества индивидуальной работы со студентами. В итоге позитивные моменты информатизации вузовского образования сходят на нет. Чрезмерная нагрузка и увлечение количественными показателями способствуют «размножению» студентов типа «киборг». В итоге происходит снижение уровня креативности студенческой образовательной деятельности в целом. При этом по формальным показателям студенты с творческими задатками часто уступают в рейтингах студентам – «киборгам», которые нередко оказываются на позициях лучших студентов в своей учебной группе. Тем самым современный образовательный процесс, вольно или невольно, формирует идеал постгуманистического информационного будущего.

1. Барышников П.Н. Философия it, high-hume и... мифология // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. № 1. С. 15–23.

2. Григорьев Н.Ю. Человек в информационно-компьютерном обществе // Вестник Московского государственного университета печати. 2015. № 3. – С. 27–35.

3. Гухман В.Б. О человеке обозримого будущего // Future Human Image. 2014. № 32. С. 153–163.

4. Дери М. Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков. М.: АСТ, 2008. – 478 с.

5. Калугина Т.А. Трансформация гуманитарного образования в контексте формирования виртуальных социумов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2010. № 3. С. 27–29.

6. Колин К.К. Информационная антропология: предмет и задачи нового направления в науке и образовании // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 17. С. 17–32.

7. Самсонова И.В. Технология консалтингового взаимодействия в ра-

боте с детьми «информационного поколения» // Отечественная и зарубежная педагогика 2012. № 6. С. 131–137.

8. Фортунова В.А. Тривилизация образования как модель социальной динамики в современных информационных условиях // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. № 1. С. 23–40.

9. Elkhova O.I. Cyborg as a result the process of human evolution // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2014. № 5. С. 118–121.

References

1. Baryshnikov P.N. Filosofiya it, high-hume i... mifologiya // Filosofskie problemy informacionnyx texnologij i kiberprostranstva. 2012. № 1. S. 15–23.

2. Grigor'ev N. Yu. Chelovek v informacionno-komp'yuternom obshhestve // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati. 2015. № 3. – S. 27–35.

3. Guxman V.B. O cheloveke obozrimogo budushhego // Future Human Image. 2014. № 32. S. 153–163.

4. Deri M. Skorost' ubeganiya: Kiberkul'tura na rubezhe vekov. M.: AST, 2008. – 478 s.

5. Kalugina T.A. Transformaciya gumanitarnogo obrazovaniya v kontekste formirovaniya virtual'nyx sociumov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya. 2010. № 3. S. 27–29.

6. Kolin K.K. Informacionnaya antropologiya: predmet i zadachi novogo napravleniya v nauke i obrazovanii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2011. № 17. S. 17–32.

7. Samsonova I.V. Texnologiya konsaltingovogo vzaimodejstviya v rabote s det'mi «informacionnogo pokoleniya» // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika 2012. № 6. S. 131–137.

8. Fortunova V.A. Trivilizaciya obrazovaniya kak model' social'noj dinamiki v sovremennyx informacionnyx usloviyax // Filosofskie problemy informacionnyx texnologij i kiberprostranstva. 2015. № 1. S. 23–40.

9. Elkhova O.I. Cyborg as a result the process of human evolution // Vestnik Ufimskogo gosudarstvennogo aviacionnogo texnicheskogo universiteta. 2014. № 5. S. 118–121.

UDC 370+30

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.8388

THE PHENOMENA OF “CYBORG” AND “POWER” IN HIGHER EDUCATIONAL COMMUNICATION

Shevchenko Oleg Konstantinovich,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
PhD, Associate Professor,
Yalta, Crimea Republic, Russia,
E-mail: filosof-klub@mail.ru

Annotation

In the scientific revolution introduced the term “cyborg” to identify transformation processes in the system of power of communication in higher school in conditions of domination of information technologies in the educational process.

Key concepts:

high school, educational communication, “cyborg”, power, informatization, informational technologies.

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС» (Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)

Доклады

УДК 33

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.8995

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК МЕХАНИЗМ «МЯГКОЙ СИЛЫ» СТРАНЫ

Трунова Ольга Дмитриевна,

Уральский федеральный университет,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: trunovaolgamitrievna@gmail.com

Аннотация

В данной работе рассматривается взаимодействие между государственным сектором и предпринимательскими структурами в форме государственно-частного партнерства (ГЧП) в качестве механизма реализации «мягкой силы» государства. В качестве основания для отнесения ГЧП к одному из элементов «мягкой силы» приведен ряд критериев мирового рейтинга «The Soft Power Report 30», составленного в 2017 г. консалтинговым агентством «Портленд», где в новой версии суб-индексов для анализа и сравнения выделены параметры, связанные со сферой государственного управления, а также экономики и предпринимательства. На примере Великобритании вкратце проиллюстрировано развитие ГЧП как приоритетного инструмента, основы новой модели управления и экономической политики страны, ставшей источником для формирования «лучшего опыта» с точки зрения инструмента социально-экономического и территориального развития, позднее заимствованного другими странами.

В качестве дополнительных направлений для исследования автор выделяет возможность изучения государственно-частного партнерства, в частности, как механизма реализации «мягкой силы», в том числе на внутригосударственном уровне.

Ключевые понятия:

государственно-частное партнерство, ГЧП, мягкая сила, социально-экономическое развитие.

В последнее время теория «мягкой силы», как одна из теорий власти, приобрела особую популярность. Фундаментом для данной концепции служит представление о двух ключевых типах власти: жесткой (*hard power*) и гибкой (*soft power*). Первая – «жесткая сила» – связывается с внешним принуждением и трактуется в качестве так называемой власти внешних сил, которые подчиняют себе человеческую волю [5]. Базой для второго понятия – «мягкой силы» – служит способность формировать предпочтения других. Иначе говоря, ресурсы «мягкой силы» связаны со способностью привлекать союзников, в то время как ресурсы «жесткой силы», как правило, ассоциируются с более радикальными мерами, такими как принуждающее поведение, реализованное посредством введения санкций, подкупа, применения силы.

В качестве ресурсов «мягкой силы» Дж. Най, как один из основоположников данной концепции, выделяет привлекательность культуры и идеологии, международные институты, а позднее – культуру (там, где она является привлекательной для других), политические ценности, внешнюю политику [2].

Одним из важнейших проявлений «мягкой силы», по мнению Е.Г. Дьяковой, представляется так называемая «административная мода». Это подтверждается рейтингом стран на основании критерия развития «мягкой силы», составленным консалтинговым агентством «Портленд» [8]. В данный список, как правило, включаются 30 стран, отбор которых осуществляется на основании анализа ряда параметров. В состав критериев в 2017 г. был включен так называемый суб-индекс «Правительство» (*Government*) (рисунок 1), подразумевающий измерение политической ценности, общественных институтов, а также результаты (эффекты) ведущей государственной политики. Среди показателей данного параметра – человеческое развитие и эффективность государственной политики, анализ которых показывает уровень привлекательности модели государственного управления и ее положительных результатов для населения.

Процесс заимствования чужих управленческих моделей в глобальном масштабе характеризуется особенностями, присущими «мягкой силе», так как формирование коллективной веры происходит без какого-либо радикального принуждения, а на основе добровольного взаимодействия с экспертами и осознания соответствующей привлекательности заимствованных элементов.

В качестве примера можно привести *New Public Management*. Его появление связывают с административными реформами, развернувшимися в 80–90-е гг. XX в. в ряде таких стран, как Великобритания, Новая Зеландия,

Рисунок 1 – Индексы развития «мягкой силы» (на основе [8])

Австралия, США, Канада. Ключевой посыл нового государственного менеджмента заключается в моделировании рыночных процессов внутри государственного сектора и заимствовании технологий управления, разработанных для частных компаний. В данном случае речь идет о сокращении масштабов и ресурсов государственного управления [3], в частности, в рамках делегирования частному сектору ряда функций по производству и предоставлению общественных услуг, традиционно осуществляемых государством.

Одной из форм такого взаимодействия является государственно-частное партнерство (ГЧП), представляющее вид кооперации между государственными структурами и предпринимательским сектором. Данная модель может быть отнесена к данной концепции, а значит, фактически, служить примером, иллюстрирующим действие «мягкой силы».

Более того, ГЧП может быть рассмотрено также в качестве элемента, стоящего на стыке между суб-индексами «Правительство», иллюстрирующего модель государственной политики, и суб-индекса «Организации» (Предприятия), который относится к сфере экономики.

По словам составителей рейтинга, может показаться, что критерий, связанный с экономикой, в большей степени используется в рамках концепции «жесткой силы», чем «мягкой». Однако анализ данного суб-индекса нацелен не на измерение экономической мощи или ВВП, но связан с оценкой привлекательности государственной экономической модели в условиях конкурентоспособности, способности к внедрению инноваций и продвижению предпринимательства и коммерции.

В последние десятилетия ГЧП приобрело популярность в развитых и развивающихся странах [6], при этом традиционно примером «лучшей практики» является Великобритания, где первые примеры государственно-частного партнерства датируются еще XIX в. [7]. В данном государстве данная концепция была выбрана в качестве главного инструмента для территориального и социально-экономического развития в конце 70-х годов XX века в период серьезных кризисных явлений, охвативших не только Великобританию, но и многие страны мира. Соответствующая экономически тяжелая ситуация отразилась на всех сторонах хозяйства и вызвала стагнацию в развитии крупных промышленных городов.

В рамках новой модели управления были выделены так называемые «предпринимательские зоны», критериями для выбора которых стали высокий уровень безработицы, низкие доходы и деградирующая социальная, коммунальная и производственная инфраструктура. Иначе говоря, определенная совокупность характеристик проживающего на конкретной территории населения и условий его проживания [4].

В «предпринимательских зонах», представляющих ограниченные городские территории, на которых в течение длительного времени наблюдался значительный спад экономической активности и ухудшение жизни населения, были введены специальные налоговые режимы и другие условия для привлечения частных инвестиций.

Данная программа продемонстрировала положительные результаты в улучшении социально-экономического положения не только на уровне отдельных взятых регионов, но и в целом на уровне страны. Позднее соответствующий опыт был заимствован другими странами, которые начали использовать механизм ГЧП на своей территории. Тем не менее, Великобритания остается лидером по уровню развития ГЧП в мире и рассматривается в качестве бенчмарка для других государств.

При этом лидерство демонстрируется и в результатах рейтинга «The Soft Power Report 30», составленного агентством «Портленд» во главе с Дж. МакКлори, где в 2015 г. Великобритания занимала первые позиции в соответствующем списке стран по развитию «мягкой силы», в 2016 г. и в 2017 г. уступив первенство Германии и Франции, соответственно.

Использование механизма государственно-частного партнерства может рассматриваться в качестве направления государственной экономической политики и развития предпринимательства, а также модели государственного управления, что фактически представляет фундамент реализации «мягкой силы», согласно обновленным критериям составления рейтинга мирового уровня.

При этом стоит добавить, что при анализе государственно-частного партнерства, как элемента «мягкой силы» государства, следует учитывать два важных аспекта, характерных для «soft power»: во-первых, «мягкую силу» можно рассматривать в качестве «мягкого» соревнования при формировании положительного имиджа на международной арене через использование механизмов гуманитарного, культурного, экономического планов, а во-вторых, данная концепция функционирует не только в международном пространстве, но и внутри страны [2].

Специалист Ковалева делает вывод, что несмотря на отнесение к области теории международных отношений, «мягкую силу» можно применять и во внутренней политике.

В этом контексте государственно-частное партнерство, в частности как инструмент «soft power», может изучаться на национальном, региональном и муниципальном уровнях. Это расширяет сферу исследования данного понятия в разнообразных направлениях, т. к. формирует перспективные области для изучения ГЧП как механизма «мягкой силы» в разрезе регионального развития и анализа конкуренции внутри государства. Особенно когда наблюдается существенная дифференциация в развитии ГЧП среди регионов, и ряд территорий заимствует «лучшие практики» для внедрения в своем субъекте. В частности, в России до принятия единого федерального закона ранее наблюдалась разрозненность в формировании институциональной среды и опыте реализации проектов на уровне субъекта, поэтому в качестве бенчмарка принимался г. Санкт-Петербург, опыт которого считался «лучшей практикой» для других регионов.

Таким образом, государственно-частное партнерство может рассматриваться и изучаться не только в качестве отдельной дефиниции, но и как элемент и механизм реализации «мягкой силы» на мировом уровне, а также в разрезе субъектов и муниципальных образований внутри одного государства.

1. Дьякова Е.Г. Soft power как проявление «Административной моды» (на примере формирования электронного правительства в Китае // Дискурс-Пи. – 2014. – № 4 (17). – С. 45–49.

2. Ковалева Д.М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – Т. 13. – № 1. С. 118–132.

3. Красильников Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез New public management и Good governance // Ars Administrandi. – 2014. – № 2. С. 45–62.

4. Мингалева Ж.А. Особенности применения формы государственно-частного партнерства для развития предпринимательства и решения социальных проблем городов // Интернет-журнал Науковедение. – 2014. – № 5 (24). С. 179–190.

5. Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 118–121.

6. Deng Z., Song S., Chen Y. Private participation in infrastructure project and its impact on the project cost // *China Economic Review*. – 2016. – Т. 39. – С. 63–76.
7. Hodge G.A., Greve C. Public–private partnerships: an international performance review // *Public administration review*. – 2007. – Т. 67. – № 3. – С. 545–558.
8. The Soft Power 30 Report. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (дата обращения: 12.09.2017).

References

1. D'yakova E.G. Soft power kak proyavlenie «Administrativnoj mody» (na primere formirovaniya e'lektronnoho pravitel'stva v Kitae // *Diskurs-Pi*. – 2014. – № 4 (17). – С. 45–49.
2. Kovaleva D.M. Koncept soft power kak predmet izucheniya sovremennoj politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskix strategij // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. – 2013. – Т. 13. – № 1. С. 118–132.
3. Krasil'nikov D.G., Svinceva O.V., Troickaya E.A. Sovremennye zapadnye upravlencheskie modeli: sintez New public management i Good governance // *Ars Administrandi*. – 2014. – № 2. С. 45–62.
4. Mingaleva Zh.A. Osobennosti primeneniya formy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva dlya razvitiya predprinimatel'stva i resheniya social'nykh problem gorodov // *Internet-zhurnal Naukovedenie*. – 2014. – № 5 (24). С. 179–190.
5. Rusakova O.F. Diskurs soft power vo vneshnej politike // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. – 2012. – № 2. – С. 118–121.
6. Deng Z., Song S., Chen Y. Private participation in infrastructure project and its impact on the project cost // *China Economic Review*. – 2016. – Т. 39. – С. 63–76.
7. Hodge G.A., Greve C. Public–private partnerships: an international performance review // *Public administration review*. – 2007. – Т. 67. – № 3. – С. 545–558.
8. The Soft Power 30 Report. [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (data obrashheniya: 12.09.2017).

UDC 33

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.8995

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS AS A MECHANISM OF A COUNTRY "SOFT POWER"

Trunova Olga Dmitrievna,

Ural Federal University,
Postgraduate Student,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: trunovaolgadmitrievna@gmail.com

Annotation

The paper is considering interaction of public sector and entrepreneurship through the public-private partnerships (PPPs) form as a mechanism of country "soft power". The main base for analysis PPPs as a "soft power" element might be several criteria of the world list "The Soft Power Report 30" in 2017, conducted by "Portland", the consulting agency. There are new sub-indexes for comparative analysis which are connected with Government and public administration and Entrepreneurship and economics. In this article Great Britain is illustrated as an example of PPPs development as a key instrument and base of new model of public management and economic policy in the country. This experience has become a best practice of using social, economic and territory infrastructure development mechanism which was shared to other countries. The author defined several opportunities for future research of PPPs, including PPPs as part of "soft power" both on external and internal levels.

Key concepts:

public-private partnerships, PPPs, soft power, social and economic development.

УДК 327.001

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.96103

ДИСКУРС МЕТОДОВ И ФОРМ МЯГКОЙ СИЛЫ (SOFT POWER) В СИСТЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ

Романова Кира Степановна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены сочетания содержательных форм и методов, универсальных технологических способов по применению мягкой силы в любой общественной сфере управления. В каждой сфере жизнедеятельности своя диалектика принуждений и убеждений. В связи с этим дана ориентировочная классификация многообразных технологий мягкой силы.

Ключевые понятия:

формы, методы, технологические способы мягкой силы, управление, массовая коммуникация.

*«В мире нет предмета,
который был бы слабее и нежнее воды,
но она может разрушить
самый твердый предмет»*

Лао-цзы

Мягкая сила (англ. – soft power) – управленческая стратегия, основанная на достижении желаемых целей путем добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение. Впервые термин «мягкая сила» был введен в оборот в 1990 году Джозефом Наем, профессором Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди [3]. Впоследствии политический термин начал использо-

ваться для описания потенциала страны стать более привлекательной для остального мира – благодаря своей культуре, уровню образования или деятельности населения. В настоящее время названный термин вышел за рамки только международной политики и стал широко применяться для исследования в различных сферах общественной жизни. «Мягкая сила» – деликатный инструмент, таящий в себе как новые возможности, так и новые риски. Основа этой стратегии – ненасильственные технологии влияния: PR, агитация, пропаганда, различные психологические методы. Однако концепт мягкой силы возник не на пустом месте. Одним из этапов на пути к мягкой силе была теория «культурно-идеологической гегемонии», разработанная А. Грамши в 1930-х годах в «Тюремных тетрадах». А. Грамши писал о связующих скрепах общества. О той силе, которая обеспечивает гомеостазис (то есть устойчивое состояние) любой социальной структуры. Он называл это свойство социума достигнутым согласием. В самом деле – если в социальном развитии есть силы, которые общество изменяют и преобразовывают в точках бифуркации, то, точно так же, в любом обществе должны присутствовать силы, которые поддерживают гомеостаз системы во время периодов спокойствия. Согласно Грамши, власть господствующего класса в обществе держится не только на насилии, но и на согласии. Механизм власти – не только принуждение, но и убеждение. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия, А. Грамши называет гегемонией. Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но благожелательное (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Гегемония – это сложный и динамичный, практически непрерывный процесс [2].

Признаками мягкой силы являются следующие факторы: не прямое воздействие; растянутость воздействия во времени; большое разнообразие средств, даже когда важные идеи передаются в рамках уполномоченных государственных институтов; меньшая предсказуемость и очевидность результатов воздействия на начальном этапе в отличие от применения мер воздействия той же самой «жесткой» силы; применение инструментов «мягкой» силы не носит характер «кнута» и «пряника» и часто находится за пределами правительственного контроля государств.

Влияние мягкой силы основано, прежде всего, не на аргументах разума, а на силе «информации и образов», на значении «смыслов».

Д. Най пишет о том, что человек как существо психическое живет в трех измерениях: реальном, информационном и символическом. Д. Най привязывает схемы информационного и психологического воздействия на человека, корректирующие его образно-символическое мышление, к новым технологиям и средствам коммуникации. В современном мире коммуникативные сетевые структуры, особенно структуры Интернета, оказывают крайне мощное воздействие на человеческие сознание и бессознательное, «присваивая» («обозначая») значимость тем или иным реальным («обозначаемым») событиям [4].

В самом общем плане воображаемое – это тот комплекс иллюзорных представлений, который человек создает сам о себе и который играет важную роль его психической защиты, или, вернее, самозащиты. Символическое – сфера социальных и культурных норм и представлений, которые индивид усваивает в основном бессознательно, чтобы иметь возможность нормально существовать в данном ему обществе. «Мягкая сила» позволяет выстраивать систему конструи-

рования и интерпретации реальности при опоре на базовые, «архетипические» модели восприятия бытия, характеризующиеся такими полюсами, как «добро и зло», «прекрасное и ужасное», «правда и ложь». Эти модели бытия относятся к моральному сознанию и глубоко задевают внутренний мир человека. Мягкая сила реализуется на знаковом, символическом, ценностном и идейном уровне. Она запускает общественные стереотипы, влияет на восприятие, активизирует исторические архетипы и коллективные представления масс. Использует психологически привлекательные формы подачи информации для реципиента. Знаки и символы – виды информации, посредники между познающим и объектом познания. Люди не взаимодействуют напрямую с реальностью, а создают символы как искусственных посредников. Благодаря этому символы мягкой силы влияют на все сферы приватной и публичной жизни, становясь элементами общей и политической культуры.

«Субъективно власть, обозначаемая термином *«hard power»*, воспринимается как давление извне, которому социальные субъекты вынуждены уступать и подчиняться. Гибкая же сила, напротив, действует таким образом, что субъекты свободно и добровольно ей подчиняются, воспринимая ее предписания как результат собственного самостоятельного выбора. Инструментами гибкой силы выступают интеллектуальные паттерны, когнитивные соблазны, привлекательные идеи и символы, обольстительные рекламные и медийные образы. Гибкая сила использует психологически привлекательные для субъектов способы влияния в целях незаметного перереформатирования в нужном направлении их ментальных структур» [6, с. 10].

Дискурсивное управление символическим пространством – вот суть многообразных политик и практик *soft power*. Мягкая сила является основой управления всех сфер общественной жизни: экономической сферы жизни, политической сферы, социокультурной сферы, информационной сферы, повседневно-бытовой. Каждая сфера жизнедеятельности общества имеет свои социальные институты, систему норм и правил, традиций и ритуалов. В каждой сфере жизнедеятельности своя диалектика принуждений и убеждений. В связи с этим все многообразие технологий «мягкой силы» можно классифицировать.

Классифицировать можно по целям: изменение свойств социального пространства и перекодировка социальной реальности.

Классифицировать технологии можно по объекту воздействия: технологии, направленные на институты, на системы норм; технологии, направленные как на население в целом, так и отдельные социально-психологические группы (молодежь, пенсионеры, и др.); технологии, направленные на сознание и духовную сферу людей. Так, дискурс мягкой силы позволяет без усилий прямого и жесткого давления тонко и гибко осуществлять воздействие на ментальные структуры массового сознания – общественные представления, предпочтения, увлечения, развлечения, удовольствия, переживания, мечты, идеалы, грезы.

В сфере информации может осуществляться целенаправленный подрыв традиционных ценностей технологией внедрения в общество чуждых ценностей и образа жизни, плюрализма мнений, культура потребления, двойных стандартов, надуманных общечеловеческих ценностей и прав человека. В социокультурной сфере одновременно осуществляется целенаправленное влияние на систему об-

разования и воспитания, искусство, литературу и кинематограф, деятельность соответствующих институтов и учреждений и, прежде всего, ведущих СМИ и Интернет – ресурсов распространения сферы действия всемирной паутины.

Классификацию можно провести также по субъекту воздействия: легитимные лидеры, формальные субъекты управления, неформальные субъекты управления, в основную задачу которых входят конструирование теоретической и технологической базы образов и смыслов, отвечающей интересам проводника «мягкой силы» и позволяющей ему выстраивать тот или иной образ реальности. Используя данные инструменты, субъект «мягкой силы» формирует «определенное мировоззрение» среди различных социальных групп. Мягкая сила – это совокупность факторов общественного сознания, определяющих отношение общественной группы (населения страны, элиты, отдельных классов и т. д.) к какому-либо субъекту политики, и таким образом усиливающих или ослабляющих влияние этого субъекта на данную группу.

Классификация технологий мягкой силы может осуществляться по методам воздействия. В свою очередь, могут быть жесткие (принятие корпоративных уставов, дресс-кодов) или мягкие технологии (ритуалы, мода). Политолог Игорь Панарин в своей книге «Технология информационной войны» показывает интересную технологию воздействий, которая осуществляется через различные масс-медиа и направлена на то, чтобы сделать трудным доступ людей к объективной и достоверной информации. По И. Панарину методы искажения информации могут быть следующими. К ним относятся:

1. «сокрытие критически важных сведений о положении дел в различных областях;

2. погружение ценной информации в массив так называемого «информационного мусора»;

3. подмена понятий или искажение их смысла;

4. отвлечение внимания на события в других областях;

5. оперирование такими понятиями, которые легко воспринимаются общественностью, но которые не имеют не только четкого определения, но и по своему смыслу не соответствуют данной предметной области;

6. «вброс» негативной информации, которая значительно быстрее воспринимается аудиторией по сравнению с позитивными, не вызывающими острых ощущений, новостями;

7. ссылка на факторы, которые малозначимы в конкретной ситуации, а также на некорректно проведенные и заказные социологические исследования; введение запрета СМИ на упоминание определенной информации, несмотря на ее общеизвестность, с целью недопущения публичного обсуждения неудобных для властных структур вопросов и схем;

8. откровенная ложь с целью создания определенной реакции населения и зарубежной общественности на данную информацию;

9. использование «информационных бомб» и «информационных мин» как оружия информационной войны («бомбы» служат для детонации тех или иных взрывоопасных общественных процессов, а «мины» закладываются заранее и срабатывают в определенный момент с целью доведения начального процесса до логического конца).

Это значит, что возврат к традиционным для России ценностям в информационных процессах является объективной необходимостью, которая не только обусловлена требованиями выживания и возрождения России как полноправного члена мирового сообщества с сохранением собственной индивидуальности, но и обеспечения этого выживания и возрождения с учетом и в интересах реализации альтернативной парадигмы глобализации, противостоящей традиции Запада...» [5].

Главной формой осуществления мягкой власти является массовая коммуникация – процесс распространения информации (знаний, духовных ценностей, моральных и правовых норм и т. п.) с помощью технических средств (пресса, радио, телевидение, Интернет и др.) на огромные, рассредоточенные аудитории. Средства массовой коммуникации (СМК) – это специальные каналы и передатчики, благодаря которым происходит распространение информационных сообщений на большие территории.

Массовая коммуникация обладает одним особенным свойством. В процессе коммуникации отправителем и получателем являются группы людей, организации, партии и т. п. Но реально ведь сообщение производит конкретный человек, автор текста, берущий на себя право говорить от имени всей группы. Такого не бывает, к примеру, чтобы обращение политической партии к правительству или народу произносили все члены партии хором одновременно. Его текст составляют и доставку обеспечивают вполне конкретные люди. И воспринимается любое сообщение тоже индивидуально, хоть бы оно и адресовано целой группе. Лекция лектора или учителя адресована аудитории, а воспринимается индивидуально каждым слушателем. Новогоднее обращение президента России, к примеру, адресовано всему народу. Но у народа нет ушей, они есть у каждого конкретного человека. Эта коммуникативная особенность скрывает большие возможности, как для манипуляций, так и для управления людьми. Когда конкретный человек получает сообщение, адресованное всем и только через адрес «всем» – ему, это придает коммуникации особый характер, позволяющий камуфлировать истинные цели коммуникации.

Виды массовой коммуникации зависят от той сферы, где она осуществляется. Но есть базисные виды массовой коммуникации, которые проявляются во всех сферах, изменяя свое содержание. Как минимум, к ним относятся: риторика, агитация, пропаганда, реклама. Древнейшая наука об ораторском искусстве – риторика, в основе которой лежит устная монологическая речь. В древних сочинениях рассказывается о божественном происхождении риторики. Согласно этому мифу, риторика есть начало человеческой цивилизации. За тысячи лет существования суть риторики трактовалась по-разному. Известны три основные группы дефиниций, которые выражают разные свойства риторики. Древние греки трактовали риторику как «искусство убеждения», призванное обрратить в свою веру слушающую аудиторию. Во времена римской цивилизации под риторикой стали понимать «искусство говорить хорошо». Под искусством здесь понимается оптимизация речи, как со стороны результата коммуникации, так и с точки зрения ее эстетической характеристики. В эпоху средневековья и начальный период Возрождения риторика трактуется как «искусство украшения речи». И с этого времени риторика уже опирается не только на устный,

но и на письменный текст. В наиболее общем виде риторика есть искусство воздействия [1, с. 7].

В основе ее лежат две главные категории: понимание и воля. Поскольку каждое воздействие есть деятельность, риторика, следовательно, тоже деятельность. Речь в риторике понимается в широком смысле как акт, направленное действие. И как деятельность риторика в классическом понимании предполагает побудить слушателей к тем или иным действиям. Наиболее употребительные формы такой речи: призыв к действиям, речь протеста, политическая речь и др. Высказывания побуждающей речи должны быть краткими и направленными на выявление следующих вопросов: Что необходимо сделать? Почему это необходимо сделать? Как это сделать?

Риторика может осуществляться разными способами. Агитация, видимо, – один из древнейших способов убеждения. Она является, по сути, формой приказа, повеления. Агитация прямо и непосредственно побуждает к действию и в этом ее суть. Агитация всегда содержит призыв что-либо сделать, например, проголосовать. Это как бы более доброжелательная форма приказа. «Голосуй сердцем!», «Все на выборы!» Это простая и незамысловатая форма убеждения, в которой недостаток глубокомысленности восполняется достаточно высоким уровнем экспрессии (императив). Дискурс *soft power* позволяет без усилий прямого и жесткого давления тонко и гибко осуществлять воздействие на ментальные структуры массового сознания – общественные представления, предпочтения, увлечения, развращения, удовольствия, переживания, мечты, идеалы, грезы. Пропаганда является более сложным способом воздействия. Конечной целью пропаганды, как и агитации, является целесообразное изменение поведения человека. Но если агитация прямо и незатейливо действует на поведение человека, то пропаганда вызывает к убеждениям человека, пытается эти убеждения изменить, и уж из-за этого потом изменится и поведение человека. Это, конечно, более сложная технология, чем агитация. Понятно, что человек, согласно воспринявший пропагандистский заряд, не бросится сразу действовать в соответствие со своими вновь обретенными идеями. Прямой эффект пропаганды не столь ярко выражен, как в случае с агитацией. Более того, большинству людей свойственен скептицизм, критическое отношение к навязываемым идеям. Вероятность того, что идеи пропагандиста сразу станут для разумного человека руководством к действию, очень мала. Этот «недостаток» пропаганды с лихвой компенсируется тем, что, будучи хоть как-то усвоенными, идеи пропаганды могут сами управлять поведением человека. Человек, попавший под ее воздействие, потом может действовать на основании ее идей вполне автономно.

Разновидностью массовой коммуникации, в том числе в политике, следует признать и рекламу. Реклама продвигает потребительские и репутационные свойства товара. Самое простое определение – реклама продает товар. Ее задача – убедить получателя сообщения в том, что рекламируемый любой товар (в том числе и политик в этом качестве) – хорошего качества и стоит денег (политической поддержки). Реклама предполагает неизменность того, что пропагандируется или рекламируется. Грубо говоря, реклама не может изменить товар, она имеет дело с готовым товаром и может только выгодно его подать. Коммуникация рекламщика претендует на ресурсы клиента. Известные американские корифеи рекламного

дела Ч. Сэндидж, В. Фрайбургер, К. Ротцолл утверждают: «Рекламу можно рассматривать как форму коммуникации, которая пытается перевести качества товаров и услуг, а также идеи на язык нужд и запросов потребителя» [7, с. 54]. Отсюда следует важный момент. В рекламной коммуникации важен не столько сам товар, сколько будущие потребители и их ответные реакции.

В заключение следует отметить, что методология научного анализа и практики реализации «мягкой силы» в разных сферах человеческой жизнедеятельности, включая экономическую, политическую, культурную, образовательную, информационную, повседневную, находится на пике своей актуальности. В этой связи представляется важным анализ инструментария «мягкой силы», использование которого несет на себе психологические и ментальные особенности России, у которой есть одна уникальная особенность – это самобытность истории, и на её основе сложившаяся культура и современный уклад жизни.

1. Александров Д.Н. Риторика; Учебное пособие 2-е изд., испр. М. Флинта; Наука, 2002. – 624 с.
2. Грамши А. Тюремные тетради. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/gramshi_antonio/tyuremnie_tetradi_izbrannoe.html (дата обращения: 15.07.2017).
3. Най Джозеф С. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10. С. 34–35.
4. Най Джозеф С. Мягкая сила. Средства достичь успеха в мировой политике (текст) / Джозеф С. Най – НЬЮ ЙОРК: Палик афферз, 2004. 192 с.
5. Панарин И.Н. Технология информационной войны / Игорь Панарин. – М.: КСП+, 2003. – 319 с.
6. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с.
7. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама: теория и практика: пер. с англ. / общ. ред. и вступит. ст. Е.М. Пеньковой. М., 1989. 894 с.

References

1. Aleksandrov D.N. Ritorika; Uchebnoe posobie 2-e izd., ispr. M. Flinta; Nauka, 2002. – 624 s.
2. Gramshi A. Tyuremnye tetradi. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://royallib.com/book/gramshi_antonio/tyuremnie_tetradi_izbrannoe.html (data obrashheniya: 15.07.2017).
3. Naj Dzhozef S. «Myagkaya» sila i amerikano-evropejskie otnosheniya // Svobodnaya mysl' – XXI. 2004. № 10. С. 34–35.
4. Naj Dzhozef S. Myagkaya sila. Sredstva dostich' uspeha v mirovoj politike (tekst) / Dzhozef S. Naj – N"Yu_JORK: Palik afferz, 2004. 192 s.
5. Panarin I.N. Texnologiya informacionnoj vojny / Igor' Panarin. – M.: KSP+, 2003. – 319 s.
6. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. – 376 s.
7. Se'ndidzh Ch., Frajburger V., Rotcoll K. Reklama: teoriya i praktika: per. s angl. / obshh. red. i vstupid. st. E.M. Pen'kovej. M., 1989. 894 s.

UDC 327.001

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.96103

DISCOURSE OF METHODS AND FORMS OF SOFT POWER IN MANAGEMENT SYSTEMS

Romanova Kira Stepanovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

The article deals with the combinations of substantial forms and methods, a universal technological means for the application of soft power in every social field of management. In every area of life has its own dialectic of coercion and beliefs. In this regard, given the tentative classification of the diverse technologies of soft power.

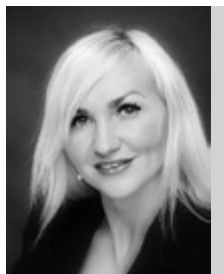
Key concepts:

forms, methods, technological methods of soft power. management, mass communication.

УДК 327

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.104111

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ РОССИЙСКИМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ

Ергунова Ольга Титовна,

Уральский федеральный университет,
кандидат экономических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
Email: ergunova-olga@yandex.ru

Аннотация

Статья акцентирует внимание на особенностях политики органов власти Российской Федерации в регулировании миграционных процессов, поскольку в данной сфере отношений имеется большой потенциал использования спектра «мягких» ресурсов. Проведен комплексный междисциплинарный анализ феномена soft power, его структуры и инструментария, а также методологических проблем концептуального анализа «мягкой силы» применительно к миграционным процессам.

Ключевые понятия:

«мягкая сила», органы власти, миграционная политика, идентичность.

The current stage of transformation of the geopolitical and economic situation in the Russian Federation is characterized by significant migration flows from neighboring states, which requires regulation at the national and regional levels. The need to develop a new regional migration policy that can successfully solve the problems of cultural, economic and legal adaptation of labor migrants, as well as contribute to strengthening of socio-cultural identity of indigenous citizens and migrants, adequate to modern challenges and based on the principles of interdisciplinarity, becomes obvious.

It should be noted that Russian governing bodies are beginning to recognize the need for action in this direction. Thus, “soft power” approach is used in the internal

and external migration policies of many states; so, increasing the motivation and interest of the population, the authorities are able to achieve the necessary result without pressure and threats, and often the result is more stable. In the Russian Federation this policy is manifested in the introduction of different language training programs, which are one of the main components of the integration policy in many developed countries, and often these programs are binding. To decide the problem of using soft power technologies as an instrument for regulating the migration policy used by the government authorities of the RF, it is necessary to carry out a comparative analysis of the content of modern soft power approaches in the sphere of migration processes.

Theoretical and methodological basis of study

The concept of soft power is now a major focus of interest of domestic and foreign academic circles, which is largely due to the growing role of intangible assets of countries in terms of increasing of their combined power in the post-industrial era. A comprehensive analysis of the soft power concept and the definition of the “soft power” strategy tool is presented in the works of J. Nye [13, p. 45], A. Simoni [8, p. 6] and Li Minghiang [12, p. 123]. The study of the soft power concept is particular true for the works of Gilles Lipovetsky [11, p. 213] and J. Baudrillard, who consider “soft power” in terms of temptation, thereby placing the emphasis on the main task of the strategy under the study – appeal for common people.

In the scientific literature, the term of “soft power” grew into a concept, that is, it is a multi-layer semantic structure that has an interpretive multiplicity. E.L. Katasonova defines the soft power as “the influence on the world through cultural and humanitarian activities” [6, p. 93], presenting the phenomenon in terms of a process that does not allow measuring soft power. The Russian Ministry of Foreign Affairs defines “soft power” as a comprehensive tool for solving foreign policy problems, but this definition also does not reveal the whole essence of soft influence.

Among the domestic researchers of the “soft power” concept should be named O.F. Rusakova [17, p. 34–67], V.M. Alpatov [1, p. 91–123], O. Borokh and A. Lomanov [3, p. 59], V.M. Kapitsyn [4, p. 75], D.M. Kovaleva [7, p. 131], O. Leonova [9, p. 33].

When carrying out socio-economic expertise of the need and the possibility of optimization of migration processes in the Sverdlovsk region, using “soft power” tools, we rested on the approaches, developed in a foreign scientific school, that study migration as: a method of capital accumulation (Pietro Reichlin and Aldo Rustichini) [15, p. 713], accumulation of human capital (Uwe Walz) [19, p. 1597], innovation and technology (Per Lundborg, Paul S. Segerstrom [10, p. 198], Lucas Bretschger Altonji, J., Card, D. [2, p. 216]).

Various aspects of the influence of the government authorities on strengthening the identity of migrants and the host population in a new social and economic reality was studied in the works of Waisman & Larsen [18, p. 25], who, on the example of immigrants in Sweden, show that the attitude towards migrants from the indigenous population influences on incomes and, in general, on the quality of immigrants life. Studies of Simpson, Simpson, Cruz-Milan [16, p. 380] showed, on the example

of USA, the influence of soft power technologies on the perception of illegal migrants by indigenous population. The same relationship was revealed by V. A. Ponizovsky, who analyzed the situation in 25 countries [14, p. 266] under the European Social Study (ESS). Saffron Karlsen & James Y. Nazroo [5, p. 76], revealed the problem of influence of soft power technologies on the ability of ethnic minority groups to feel themselves as a part of the host community. Thus, Western authors are deeply involved in studying various aspects of the influence of the use of “soft power” resources and instruments on the identification of alien migrants.

Results of the study

In May, 2016, in order to study the attitude towards migrants from five countries of Central Asia, 485 respondents from the metropolitan city of Yekaterinburg were selected in a research study supported by the Russian Foundation for Basic Research, which was carried out according to the quota sample, taking into account gender, age and areas of residence.

The development of the migratory processes in Yekaterinburg was facilitated by the relative ease in crossing borders, the ease of finding employment, the growing presence of diasporas, the mutual recognition of educational diplomas, and cultural and linguistic familiarity. High population growth in the countries of Central Asia was also an important factor. Accounting for illegal migration into Yekaterinburg is difficult and its extent can only be estimated. According to the Office of Migratory Affairs of the Russian Ministry of Internal Affairs for the Sverdlovsk region, 469 permits were issued to attract foreign workers; work permits were issued for 3941 people; 37,644 patents were issued, and in 2015, 47,710 patents were issued, including only 49 work permits for highly-qualified specialists.

The fastest-growing number of foreign workers was from the Central Asia region (Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan).

Table 1 – Distribution of migrants in Yekaterinburg by sex and age groups for 2016 year

Age of migrants	Number of arrivals			Number of departures			Migratory increase		
	men and women	men	women	men and women	men	women	men and women	men	women
Total, including at the age of, years	119074	55606	63468	117550	54452	63098	1524	1154	370
At working age	87847	41912	45935	86290	40859	45431	1557	1053	504
Over working age	11287	3380	7907	11237	3309	7928	50	71	-21

From table 1, it can be seen that the increase in migration in 2016 is a result of the influx of women of working age and the outflow of men of working age. Migrant labour is usually in demand in workplaces characterised by poor or difficult working conditions, seasonal work and low wages, in which the local population is not interested. A significant portion of the migrants are employed in the informal economy; unregulated flows of migrants have created a favourable environment for the development of various concomitant forms of economic activity.

About half of the respondents mention poor economic conditions. Such reasons as 'loss of work, inability to find work' and 'low wages and high cost of living' are in second and third place (accounting for 37% and 36%). In Yekaterinburg, respondents named the following as reasons for migrating: moving in with relatives or friends (26%), the desire to move closer to relatives or friends (19%), aggravated ethnic relations at home (20%). Among the reasons that drove migrants from their homes were a desire to improve their level of education or the opportunity to give their children a good education (14%) as well as an unsettled situation in their home country and a lack of desire to live in the country, city or village from which the respondent came (8%). Urban identity as a whole occupies an insignificant place in the ideas respondents presented about themselves. Its share in the structure of social identity was around 3%, which is significantly lower than the subjective significance of gender (26%), professional (27%), age (24%), ethnic (12%) and national (6%) components. One likely explanation of this fact is the 'peripheral' character of urban identity that is brought to light in the study of the array of situations of social interaction, in which this component of social identity is a central determinant of people's behaviour. As we know, the 'peripheral' components of social identity, unlike the 'cross-situational' components, emerge in a narrow range of social situations [5, p. 36] that fully characterise the urban identity of the individual (see table 2).

Table 2 – The specific weight of categories reflecting the spheres of interaction in which the urban identity is actualized and categories reflecting problem areas, typical for the actualization of urban identity.

Categories reflecting the spheres of interaction in which the urban identity is actualized		Categories reflecting problem areas, typical for the actualization of urban identity	
Unregulated interaction with strangers	0.208	Moral	0.657
Role interaction with strangers	0.198	Employment	0.038
Interaction in the family sphere	0.123	Legal	0.114
Interaction in the pedagogical sphere	0.039	Economic	0.181
Interaction in the professional sphere	0.039	Educational	0.010
Intimate-personal interaction	0.123	Medical	0.016
Interaction with authorities	0.217	Religious	0.021

The above results clearly show that urban identity is usually manifested in the context of problems in the observance of cultural traditions (0.55 of all answers) and moral standards (0.11). Comparing the data with similar indicators obtained in the study other components of personal social identity, we can observe the rather narrow issue of the manifestation of urban identity in the interaction of migrants and local residents of the metropolis.

The study revealed several of the most pressing problems that can be solved using soft power tools.

1. Attitude of the local community towards migrants. The study of linguistic and cultural adaptation of migrants shows that even young and educated Yekaterinburg citizens are oriented towards “disintegrating multiculturalism”, that is, they are ready to tolerate exclusively assimilated labor migrants if their cultural peculiarity is not manifested in public space.

2. Attitude of the media to migrants. According to the Federal Migration Service Directorate of the Sverdlovsk Region, the percent of crimes committed by migrants in the total mass does not exceed 1% of the total amount. However, today there is a disproportionate attention paid to these illegal actions in the press. It is necessary to change the information policy regarding migrants in the mass media.

3. Language and cultural adaptation of labor migrants’ children, who study in schools. Today, there is a situation when children of foreign citizens not only poorly learn the education program due to poor command of the Russian language, but also reduce the overall performance in the classroom.

Evaluation of the degree of application of soft power practices in the megacity of Yekaterinburg showed, that this policy for regulation of migration processes was manifested in the introduction of a significant number of language training programs. The policy of the soft power used by the government authorities in the city of Yekaterinburg made it possible to involve universities, which are traditionally carriers and conductors of scientific knowledge, in the implementation of this concept.

On December 1, 2012, a law came into force in Russia that obliges labor migrants who are employed in housing and communal services, trade and consumer services, confirm the knowledge of the Russian language by passing an appropriate exam. Responding to regional programs, a number of universities in Yekaterinburg have developed a program of interaction with all concerned parties that can influence the solution of migration issues at the regional level. These are the representatives of state governments, regional business, representatives of social organizations and representatives of expert community. The issues of creating a regional program for the retraining of teachers who work with students who do not know Russian well, issues concerning the development of new methods for teaching Russian in schools in mixed classes are the most actual. In addition to the development of special programs for teaching Russian as a non-native language for schoolchild, a network of Russian language schools is being created – the basic centers for social and cultural adaptation of migrants.

Work on all the identified problems in these areas is the incipient tradition of using “soft power” to strengthen the identity of the indigenous population and migrants, regulating the migration situation in the megalopolis as a center for the attraction of migrants.

Prospects for the development of this subject

Prospects for studying this problem can be related both to the expansion of the geography of such studies in the territory of the Russian Federation and to the deepening of the study of the influence of “soft power” technologies as an instrument of the migration policy of Russian government authorities.

The problem of optimization of migration processes using soft power technologies needs to be studied. The study of the types and forms of communication contacts between Russians and migrants, the impact of soft power on their result quality and effectiveness will be particularly important in the future. An analysis of the communication field of the region shows that ethno-cultural associations tend to become active subjects of mass communication with the aim of influencing public opinion. However, the forms and instruments of such influence often have the opposite effect compared to the planned one, exacerbating the situation in the region. Consequently, an important trend in further studying of the problem of equalization of migration processes will be a more integrated understanding of the “soft power” strategy in strengthening the identity of migrants and indigenous people, as well as determining criteria for assessing its effectiveness. A significant aspect of the study prospects is the scientific need for the formation of a single theoretical basis for the soft power concept, as well as the development of a single measuring and instrumental approach in the analysis of modern migration policy strategies.

1. Alpatov V.M. 150 languages and politics. M., Institute of Oriental Studies, RA 2000. 244 p.
2. Altonji, J., Card, D., 1991. The effects of immigration on the labor market outcomes of less-skilled natives. In: Abowd, A., Freeman, B. (Eds.), *Immigration, Trade and the Labor Market*. National Bureau of Economic Research. University of Chicago Press, Chicago, pp. 201–234.
3. Boro O., Lomanov A. From “soft power” to “cultural power” // *Russia in global politics*. 2012. № 4. S. 5469.
4. Kapitsin V.M. Cosmopolitanism – a component of “soft power” and global management // *Scientific Analytical Journal Observer – Observer*. 2009. № 10. 70–79.
5. Karlsen S., Nazroo J.Y. (2015) Ethnic and Religious Differences in the Attitudes of People Towards Being ‘British’. *The Sociological Review*, vol. 63 (4), pp. 759–781. Available at: <http://dx.doi.org/10.1111/1467-954X.12313>.
6. Katasonova E.L. Japan and its tools of soft power // *Japan of our days*. M., 2014. № 2 (20). C. 93–95.
7. Kovalyova D.M. The concept of Soft Power as a subject of studying modern political science and the theoretical basis of foreign policy strategies // *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*. Volume 13. Issue 1. 2013. P. 118–134.
8. Kounalakis M, Simonyi A. The hard truth about soft power. // *Perspectives on Public Diplomacy*. 2011. № 5. P. 69.
9. Leonova O. Soft force – a resource of the state’s foreign policy // *Scientific*

Analytical Journal Observer – Observer. 2013. № 4. P. 27–40.

10. Lundborg P., Segerstrom P.S. The growth and welfare effects of international mass migration / *Journal of International Economics* 56 (2002). P. 177–204.

11. Lipowiecki J. The era of emptiness. The essay on modern individualism. St. Petersburg, 2001. 332 p.

12. Mingjiang Li *Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics*. // Lexington Books. 2011. 284 p.

13. Nay J. *Soft power. Components of success in world politics* // New York, 2004. 192 p.

14. Ponizovskiy V.A. (2016) Values and Attitudes Towards Immigrants: Cross-cultural Differences Across 25 Countries. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 13 (2), pp. 256–272.

15. Reichlin, Pietro & Rustichini, Aldo, 1998. “Diverging patterns with endogenous labor migration”. *Journal of Economic Dynamics and Control*, Elsevier, vol. 22 (5), pages 703–728, May.

16. Simpson J.J., Simpson P.M., Cruz-Milan O. (2016) Attitude Towards Immigrants and Security: Effects on Destination-loyal Tourists // *Tourism Management*, vol. 57, pp. 373–386. Available at: <http://dx.doi.org/10.1111/0022-4537.00220>.

17. *Soft power: theory, resources, discourse* / ed. O.F. Rusakova. – Ekaterinburg: Publishing House “Discourse-P”, 2015. – 376 p.

18. Waisman G., Larsen, B. (2016) Income, Amenities and Negative Attitudes // *IZA Journal of Migration*, vol. 5 (8), pp. 1–32. Available at: <http://dx.doi.org/10.1186/s40176-016-0056-0>.

19. Walz U. Why Do Rich Countries Prefer Free Trade over Free Migration? The Role of the Modern Welfare State (with D. Wellisch), *European Economic Review*, 42, 1998, 1595–1612.

UDC 327

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.104111

“SOFT POWER” AS A TOOL OF MIGRATION POLICY USED BY RUSSIAN GOVERNMENT AUTHORITIES

Ergunova Olga Titovna,

Ural Federal University,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: ergunova-olga@yandex.ru

Annotation

The article is focused on the aspects of the political strategies used by the authorities of the Russian Federation in regulating migration processes, since there is a great potential for using various “soft” resources in this sphere of relations. A comprehensive inter discipline analysis of the “soft power” phenomenon, its structure and tools, as well as methodological problems of the conceptual analysis of “soft power” with reference to migration processes was carried out.

Key concepts:

“soft power”, government authorities, migration policy, identity.

УДК 327

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.112117

ТРИЛОГИЯ ПО ГЛОБАЛИСТИКЕ: О ЦИКЛЕ РАБОТ ПРОФЕССОРА А.Н. ЧУМАКОВА

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский федеральный университет,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Рассмотрен цикл работ профессора А.Н. Чумакова, посвященный проблеме глобализации и новой дисциплине – глобалистике. Выделены главные идеи концепции: целостный мир, культурно-цивилизационный контекст, столкновение интересов.

Ключевые понятия:

глобализация, целостный мир, культурно-цивилизационный контекст, интересы, А.Н. Чумаков.

Говорить о цикле работ профессора А.Н. Чумакова, посвященном глобализации, одновременно и просто, и сложно. Просто, потому что его работы прочно вошли в научный и образовательный обиход. В его случае мы имеем счастливое соединение скрупулезного ученого, способного «докопаться» до сущностей

сколь угодно глубокого порядка, и талантливого преподавателя, способного эти самые сущности объяснить ясным и точным языком. Сложно – потому что автор захватывает вас последовательностью проводимого анализа, постоянным стремлением к систематизации и ввергает в самый центр изучения такого многопланового и многоуровневого явления, как глобализация. При этом чувствуется его приверженность давней, бэконовской, традиции рационально-научного познания – избегать разнообразных «идолов» («рынка», «пещеры» и т. п.).

Первая монография (Чумаков А. Н. *Глобализация. Контуры целостного мира: монография*), которая открывает трилогию, представляет собой основополагающий фрагмент разрабатываемой автором общей теории глобализации, в которой он воссоздает «холистическую» (целостную) картину мира и рассматривает глобализацию, с одной стороны, как естественно-исторический процесс, а с другой – как сферу взаимоотношений и противоборства различных сил и интересов.

Исследование автор начинает с «выявления геополитических реалий XXI века и анализа взаимодействия основных субъектов на мировой арене», которые являются неотъемлемой частью глобального мира и которые определяют характер современных международных отношений. Обращается внимание, что хотя на эту тему имеется множество всевозможных исследований и публикаций, но таких, которые исходили бы из «целостного понимания современного мира и единого человечества, вкпе с геосферой и биосферой составляющего триосферу Земли»¹, пока нет².

Цикл продолжает вторая монография (Чумаков А. Н. *Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст*). Здесь автором в центр внимания поставлены категории – культура, цивилизация и глобализация, – анализируемые как тесно взаимосвязанные, фундаментальные характеристики различных культурно-цивилизационных систем. В работе показано, как глобальные проблемы (в силу объективных причин) охватили все сферы общественной жизни различных народов, а их культурное и цивилизационное развитие оказалось втянутым в орбиту ускоряющейся многоаспектной глобализации. Обстоятельно показаны логика и определенная последовательность исторических событий: в результате поступательного развития и совершенствования культуры возникли и стали развиваться цивилизационные связи, породившие отдельные очаги цивилизации и в итоге цивилизационное

¹ См.: Чумаков А. Н. *Глобализация. Контуры целостного мира: монография*. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2018. С. 179–180.

² Чумаков А. Н. *Глобальный мир: столкновение интересов*. – М.: Проспект, 2018. С. 4.

развитие привело к глобализации, которая, в свою очередь, обусловила появление во второй половине XX в. глобальных проблем современности. Используя системный подход к пониманию социальных процессов и опираясь на новейшие научные и философские достижения в этой области, автор приходит к выводу, что «линейно-плоскостной мир уступил место миру объемному, голографическому»³.

Если в двух первых монографиях под пером автора глобализация предстает как «естественноисторический процесс», а глобальный мир – как объективная реальность, составной частью которого стало глобальное человечество (в первой книге⁴ проанализированы истоки глобальных процессов и основные этапы их развития в различных сферах общественной жизни, во второй⁵ глобализация

показана как бы изнутри общества, когда она выступает в неразрывной связи с культурным и цивилизационным развитием отдельных общественных систем и, таким образом, формирует глобальное человечество в целом как единую культурно-цивилизационную систему), то в третьей автор представляет читателю целостную авторскую концепцию «общей теории глобализации».

В творчестве А. Н. Чумакова импонирует постоянно присутствующая авторская позиция – своей органичностью и уместностью: ощущается, что автор не просто продумывает исследуемый материал, но и «проживает» его; а как выдающийся организатор множества крупных философских перформансов⁶ – хорошо знает, как все это осуществляется.

Последняя монография является заключительной частью трилогии, посвященной авторской концепции общей теории глобализа-

³ Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. Монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Проспект, 2017. С. 2.

⁴ Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2017.

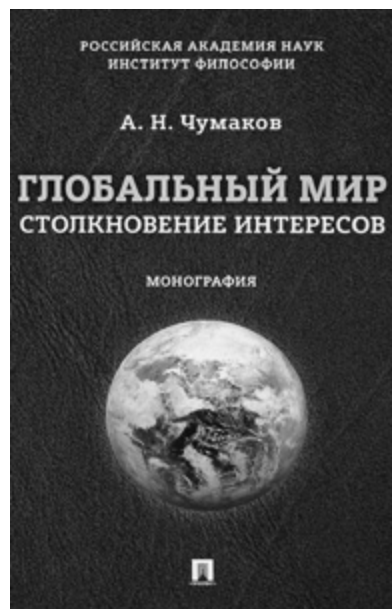
⁵ Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. Монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Проспект, 2017 г.

⁶ Он – один из инициаторов проведения и основных организаторов всех **Российских философских конгрессов** (1997, 1999, 2002, 2005, 2009, 2012, 2015); На XXI Всемирный Философский конгресс, состоявшийся в Стамбуле (2003 г.), организовал поездку российских и зарубежных философов (150 чел.) на специально зафрахтованном для этого пароходе «Мария Ермолова» по маршруту Новороссийск-Стамбул-Новороссийск («**Философский пароход**»). Организовал возвращение после XXII Всемирного философского конгресса (Сеул, 2008 г.) российской делегации с участием видных зарубежных философов (85 чел.) из Южной Кореи во Владивосток на теплоходе, а затем «**Философским поездом**» из Владивостока в Москву (с остановками и научными конференциями в крупнейших российских городах); и ряда др.

ции. Опираясь на проведенные ранее исследования природы и направленности глобальных процессов, автор показывает многоплановую структуру и динамику развития современного мира, анализирует международные отношения в условиях всеобщей взаимозависимости. Особое внимание уделяется противоречивой природе как самого человека, так и общественных отношений, что лежит в основе столкновения различных интересов и непрекращающихся социальных конфликтов. В работе также рассматриваются вероятные сценарии исторического развития и предлагаются наиболее оптимальные пути решения актуальных социально-экономических и политических проблем как для отдельных стран, так и для мирового сообщества в целом.

Суммируя проведенные исследования, автор ставит задачу показать структуру и динамику изменений глобального мира с точки зрения того, как он эволюционирует в качестве целостной, стихийно регулируемой и совсем неуправляемой культурно-цивилизационной системы, а также проанализировать наиболее вероятные пути и сценарии его дальнейшего развития⁷.

Читатель вполне может солидаризироваться с главными выводами исследования по «общей теории глобализации»: с тем, что «в постоянной борьбе за свое существование и доминирование на международной арене различные субъекты международных отношений руководствуются, прежде всего, приоритетом собственных (национальных) интересов. И чем более интенсивно развиваются глобальные процессы, тем чаще, сильнее и жестче сталкиваются их интересы, а формы их разрешения становятся все более разнообразными и изощренными»⁸, или даже с тезисом «5. У западных стран – есть относительно общая идеология и совпадение стратегических позиций – приверженность либерально-демократическим ценностям и капиталистическому пути развития. Отсюда их в целом устойчивое и долгосрочное сотрудничество в рамках всевозможных организаций, структур и соглашений. У России, Китая, Индии, Бразилии, Ирана, не говоря уже об остальных странах, нет идеологии, которая могла бы стать прочным объединяющим началом для других стран, поэтому у них фактически нет и стратегических союзников, а их объединения и всевозможные альянсы складываются на прагматической основе, когда, поскольку и если отдельные стороны соглашения усматривают в этом свой интерес»⁹.

⁷ Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов. – М.: Проспект, 2018. С. 3–4.

⁸ Там же. С. 307.

⁹ Там же. С. 308.

Однако тезис о том, что «Причиной *извечного* (курсив наш. – Авт.) противостояния Запада и Востока, «богатого Севера» и «бедного Юга», развитых и развивающихся стран являются существенные различия их культурно-цивилизационных систем, наиболее ярко проявляющиеся не только в экономике, но и в государственном социально-политическом устройстве, ценностных ориентациях и религиозных взглядах» или «4. Неравенство возможностей в системе мирового сообщества обусловлено различными потенциалами отдельных стран»¹⁰ (курсив наш. – Авт.) вызывают определенное методологическое сомнение, которое при ближайшем рассмотрении, как мы полагаем, разделит и уважаемый автор.

Как совершенно справедливо констатирует автор, «предлагаемая книга посвящена столь сложной и многоплановой теме, что рассмотрение даже наиболее важных её аспектов, при всем стремлении раскрыть их по возможности полно, не может рассматриваться как исчерпывающее, к тому же, завершённое»¹¹. Добавим, что сегодня немного найдется авторов, желающих взвалить на себя бремя создания, без преувеличения, цикла работ энциклопедического размаха.

Поэтому в качестве не столько замечания, сколько пожелания на будущее (разумеется, неизбежно оставляемое на усмотрение автора): следовало бы углубить анализ центрального, как нам представляется, пункта рассуждений о глобализации – проблемы интересов, стоящих за процессами глобализации социальных сил.

Спору нет, столь многоплановое и многоуровневое явление современности, прежде всего, нуждается в создании хорошо структурированной феноменологии его, к чему автор приложил немало эвристически ценных усилий, получивших широкое признание¹². Тем более что автор совершенно четко формулирует свою позицию: «Во все времена и на всех уровнях общественной жизни, а теперь уже и на мировой арене, где постоянно сталкиваются интересы и позиции всевозможных субъектов международных отношений, споры, разногласия и проблемы решались и решаются, как правило, под прикрытием достижения истины, тогда как в полной мере используется обычно весь арсенал правды и лжи, которые не могут не сопровождаться, к тому же еще и заблуждениями»¹³. Но раскрытие

¹⁰ Там же. С. 307.

¹¹ Там же. С. 478.

¹² А. Н. Чумаков – автор идеи, соредатор, составитель и автор серии статей Международной энциклопедии «Глобалистика» (М.: Радуга, 2003 – на рус. и англ. языках) и Международного энциклопедического словаря «Глобалистика» (М.: СПб. – Нью-Йорк: Элима, Питер, 2006). Кроме того, он инициатор и координатор Международного Проекта, Председатель Экспертного совета «Глобалистика: персоналии, организации, издания. Энциклопедический справочник» (М.: Альфа-М, 2012; 2-е изд. стер. – М.: КНОРУС, 2016). Руководитель творческого коллектива, соредатор и автор серии статей Международного издания – Global Studies Encyclopedic Dictionary. Edited by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour and William C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions Rodopi B. V., Amsterdam/New York, NY 2014. XI, 531 pp.

¹³ Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. – М.: Проспект, 2018. С. 307.

причин, особенностей форм проявления и грядущих тенденций развития глобализации невозможны без тщательного анализа их основания.

В заключение нам остается только поддержать постоянно присутствующую в работах профессора А.Н. Чумакова глубокую философскую рефлексию, обеспечивающую бодрое здравомыслие ученому на всех этапах его поиска¹⁴, и пожелать новых творческих успехов.

¹⁴ Он специально подчеркивает, что «1. В истории человечества еще не было сотворено или придумано такой ахиней или беспросветной глупости, у которой не нашлось бы хотя бы одного последователя. 2. В истории человечества еще не было открыто или высказано такой абсолютно очевидной истины, у которой не нашлось бы хотя бы одного оппонента» (Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов. – М.: Проспект, 2018. С. 13)».

UDC 008+327

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.112117

GLOBALISTIC TRILOGY: ON THE CYCLE OF WORKS OF PROFESSOR A.N. CHUMAKOV

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Federal University,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

A series of works by Professor A. N. Chumakov, dedicated to the problem of globalization and a new discipline – globalistics. The main ideas of the concept are singled out: a holistic world, a cultural and civilizational context, a clash of interests.

Key concepts:

globalization, integral world, cultural and civilizational context, interests, A.N. Chumakov.

УДК 16+11+17+51-7
DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.118128

ДИСКРЕТНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ВСЕОБЩЕЙ ВЗАИМОСВЯЗИ

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

Предмет исследования – формально-аксиологический аспект диалектического принципа связи всего со всем. Метод – математическое моделирование. Научная новизна: впервые в мировой философской литературе диалектический принцип всеобщей взаимосвязи сформулирован на уровне искусственного языка и представлен в форме системы уравнений двузначной алгебраической системы философии как формальной аксиологии.

Ключевые понятия:

двузначная-алгебра-философии-как-формальной-аксиологии, диалектика, материя, универсальная-взаимосвязь, всеобщес-взаимодействие.

Все тела между собой связаны.

Г.В. Лейбниц [6, с. 116]

Каждая вещь (явление, процесс, etc.) связаны с к а ж д о й .

В.И. Ленин [7, с. 203]

*...иначе не было бы возможно, чтобы всякая часть материи
была в состоянии выразить весь универсум.*

Г.В. Лейбниц [6, с. 425]

...всякое тело чувствует все, что совершается в универсуме, так что тот, кто видит, мог бы в каждом теле прочесть, что совершается повсюду; ...тело вследствие связности всей материи в наполненном пространстве выражает весь универсум...

Г.В. Лейбниц [6, с. 424]

Обоснование философских утверждений осуществляется в настоящей статье путем «вычисления» соответствующих композиций ценностных функций в двузначной алгебре метафизики как формальной аксиологии. Чтобы сделать сказанное понятным, необходимо точно определить значения непривычных терминов «двузначная алгебра метафизики», «формальная аксиология» и «ценностная функция». Здесь предполагается, что термины «множество», «алгебра», «переменная», «функция», «композиция функций» используются в общепринятых значениях, точные дефиниции которых легко найти в стандартных учебниках и энциклопедиях по математике. А вот значения необычных словосочетаний «ценностная функция», «формальная аксиология» и «двузначная алгебра метафизики» нужно точно определить.

Для определения термина «двузначная алгебра метафизики» необходимо точно установить значение слова «метафизика». В естественном языке оно имеет несколько качественно различных значений. Например, в марксистско-ленинской философии оно обозначает враждебную ей анти-диалектику. Но до Гегеля и Маркса слова «метафизика» и «диалектика» часто употреблялись как синонимы для слова «философия». Данная статья возвращается к старому («до-гегелевскому») словоупотреблению с некоторой очень важной оговоркой.

Настоящая статья основана на *нетривиальном* допущении, что *метафизика (= философия) в сущности своей есть формальная аксиология*, т. е. учение о системе абстрактных ценностных форм, отвлеченных от их конкретного содержания [10; 11; 12]. *Метафизика (= философия) изучает отношения между абстрактными ценностными формами*. Содержание этих форм может быть любым: его можно менять; поэтому в искусственный язык дискретной математической модели метафизики (= философии) вводятся *ценностные переменные*.

В простейшем (двузначном) случае абстрактные ценности могут быть либо положительными, либо отрицательными. Если конкретизировать абстрактную формальную аксиологию, рассмотрев ее на конкретном примере философии морали, то роль положительной абстрактной ценности будет играть «добро (хорошее)», а роль отрицательной абстрактной ценности – «зло (плохое)». В этом случае двузначная алгебра метафизики (как формальной аксиологии) предстает в виде двузначной алгебры формальной этики. Она строится на множестве всего того, что является либо хорошим, либо плохим *относительно* некоторого *переменного* (индивидуального или коллективного – неважно) субъекта оценки (оценщика) Σ . Элементы множества $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$ называются *ценностными значениями* поступков, субъектов и т. п. элементов того огромного множества (обозначим его буквой D), на кото-

ром строится двузначная алгебра формальной аксиологии. *Ценностными функциями от одной ценностной переменной* называются отображения $\{x, п\} \rightarrow \{x, п\}$. *Ценностными функциями от двух ценностных переменных* называются отображения $\{x, п\} \times \{x, п\} \rightarrow \{x, п\}$, где символ \times обозначает декартово произведение множеств. *Вообще говоря, ценностными функциями от N ценностных переменных* называются отображения $\{x, п\}^N \rightarrow \{x, п\}$, где N – любое целое положительное число. Абстрактные *ценностные формы* элементов множества D представляют собой *ценностные функции от некоторого числа ценностных переменных*. Систематическое изучение двузначной алгебры метафизики (как формальной аксиологии) есть исследование системы формально-аксиологических отношений между ценностными функциями и их композициями. Теперь перейдем к определению элементарных ценностных функций от *одной* ценностной переменной. Для этого вначале договоримся о значениях символов, вводимых в искусственный язык конструируемой модели.

Глоссарий (словарь используемых терминов) для следующей ниже таблицы 1: символ Ub обозначает ценностную функцию «единство, объединение, нераздельность (чего, кого) b »; Sb – «самопротиворечие (чего, кого) b »; Ob – «противоположность для (чего, кого) b » или «противоположность (чему, кому) b »; Ab – «акт (действие), активность (действительность), воздействие (чего, кого) b »; Hb – «действие, воздействие на (что, кого) b как на объект»; Cb – «связь, связанность с (чем, кем) b »; Lb – «связь, связанность (чего, кого) b »; Rb – «относительность, отношение (чего, кого) b »; Tb – «относительность, отношение к (чему, кому) b »; Nb – «небытие (чего, кого) b »; Bb – «бытие (чего, кого) b ». Перечисленные ценностные функции от одной ценностной переменной точно определяются приведенной ниже таблицей 1.

Таблица 1 – Функции от одной переменной

b	Ub	Sb	Ob	Ab	Hb	Cb	Lb	Rb	Tb	Nb	Bb
x	x	п	п	x	п	x	п	п	x	п	x
п	п	п	x	п	x	п	x	x	п	x	п

Глоссарий для следующей ниже таблицы 2: Db – «зависимость (чего, кого, чья) b »; Gb – «зависимость от (чего, кого) b »; Xb – «обусловленность (чего, кого, чья) b »; Yb – «обусловленность (чем, кем) b »; Eb – «следствие (чего, кого) b как причины»; Vb – «причина (что, кто) b (следствия)»; $Жb$ – «отражение (чего, кого) b как объекта»; Fb – «отражение (чем, кем, чье) b »; Mb – «материя (чего, кого) b или материальность (чего, кого) b »; Wb – «мир (чего, кого) b »; $Шb$ – «внешний (что, кто) b ». Эти одноместные ценностные функции точно определяются приведенной ниже таблицей 2.

Таблица 2 – Одноместные ценностные функции

b	Db	Gb	Xb	Yb	Eb	Vb	$Жb$	Fb	Mb	Wb	$Шb$
x	п	x	п	x	п	x	п	п	п	x	п
п	x	п	x	п	x	п	x	x	x	п	x

Представленные в статье таблицы заполнены отнюдь не случайным образом: *табличные определения ценностных функций моделируют соответствующие аспекты содержательной философии* [1; 2; 3; 18; 19; 23; 28; 29].

Глоссарий для следующей таблицы 3: символ K_2ab обозначает ценностную функцию «объединение, соединение, единство (чего, кого) a и (чего, кого) b »; Π_2ab – «противоречие (чего, кого) b (чему, кому) a »; A_2ab – «действие, воздействие (чего, кого) b на (что, кого) a »; \mathcal{J}_2ab – «отражение (чего, кого) a (чем, кем, чье) b »; R_2ab – «отношение, относительность (чего, кого) a к (чему, кому) b »; L_2ab – «связь, связанность (чего, кого) a с (чем, кем) b »; D_2ab – «зависимость (чего, кого, чья) a от (чего, кого) b »; Y_2ab – «обусловленность (чего, кого, чья) a (чем, кем) b »; C_2ab – «бытие, существование, наличие (чего, кого) b в (чем, ком) a »; T_2ab – «тождество, совпадение, неразличимость (чего, кого) a и (чего, кого) b »; W_2ab – «изменение, движение (чем, кем) b (чего, кого) a ». Перечисленные функции от двух переменных определяются следующей таблицей 3.

Таблица 3 – Ценностные функции от двух ценностных переменных

a	b	K_2ab	Π_2ab	A_2ab	\mathcal{J}_2ab	R_2ab	L_2ab	D_2ab	Y_2ab	C_2ab	T_2ab	W_2ab
х	х	х	п	п	п	п	п	п	п	х	х	п
х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п
п	х	п	х	х	х	х	х	х	х	х	п	х
п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	х	х	п

ОПРЕДЕЛЕНИЕ (DF-1) отношения эквивалентности: ценностные функции Ω и Δ называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества {х (хорошо); п (плохо)} при любой возможной комбинации ценностных значений (х или п) переменных. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ценностных функций Ω и Δ обозначается символом « $\Omega = + = \Delta$ ».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ (DF-2): *законом формальной аксиологии* является любая такая, и только такая ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, закон формальной аксиологии есть ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть закон формальной аксиологии, если и только если $\Omega = + = х$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ (DF-3): *формально-аксиологическим противоречием* в двузначной алгебре формальной аксиологии является любая такая, и только такая ценностная функция, которая принимает значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть ценностная функция-константа, принимающая значение «плохо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если $\Omega = + = п$.

Вплоть до настоящего момента в данной статье все ценностные функции определялись только таблично. Но теперь, с помощью представленной выше точной дефиниции *отношения формально-аксиологической эквивалентности* (ценностных функций), можно начать использовать в конструируемой модели также и *аналитические* определения. Вновь вводимые ценностные функции можно точно *определять с помощью «уравнений»* как эквивалентные (формально-аксиологически) некоторым конкретным композициям ранее введенных ценностных функций или их частным («вырожденным») случаям. Проиллюстрируем такую возможность на примере. Для этого введем в используемый искусственный язык следующие обозначения.

Глоссарий для представленных ниже аналитических определений ценностных функций: символ B^I_2ab обозначает ценностную функцию «взаимодействии (чего, кого) b и (чего, кого) a »; B^O_2ab – «взаимоотношение (чего, кого) b и (чего, кого) a »; B^C_2ab – «взаимосвязь (чего, кого) b и (чего, кого) a »; B^3_2ab – «взаимозависимость (чего, кого) b и (чего, кого) a »; B^V_2ab – «взаимообусловленность (чего, кого) b и (чего, кого) a »; B^K_2ab – «взаимное отражение (чего, кого) b и (чего, кого) a ». Ценностно-функциональный смысл введенных этим глоссарием символов *определяется аналитически* представленными ниже «уравнениями», соответственно.

- 1) $B^I_2ab = ++ = K_2A_2abA_2ba$: аналитическое определение функции B^I_2ab .
- 2) $B^O_2ab = ++ = K_2R_2abR_2ba$: аналитическое определение функции B^O_2ab .
- 3) $B^C_2ab = ++ = K_2L_2abL_2ba$: аналитическое определение функции B^C_2ab .
- 4) $B^3_2ab = ++ = K_2D_2abD_2ba$: аналитическое определение функции B^3_2ab .
- 5) $B^V_2ab = ++ = K_2Y_2abY_2ba$: аналитическое определение функции B^V_2ab .
- 6) $B^K_2ab = ++ = K_2J_2abJ_2ba$: аналитическое определение функции B^K_2ab .
- 7) $Sb = ++ = \Pi_2bb$: *аналитическая* дефиниция функции Sb (определенной выше *таблично*).
- 8) $Ub = ++ = K_2bb$: *аналитическая* дефиниция функции Ub (определенной выше *таблично*).

Если читатель предпочитает *более наглядные* (например, табличные) определения функций, то, аккуратно «вычисляя», он может преобразовать *аналитические* дефиниции 1–6 в соответствующие «столбцы» приведенной ниже таблицы 4.

Таблица 4 – Двуместные ценностные функции

a	b	B^I_2ab	B^O_2ab	B^C_2ab	B^3_2ab	B^V_2ab	B^K_2ab
х	х	п	п	п	п	п	п
х	п	п	п	п	п	п	п
п	х	п	п	п	п	п	п
п	п	п	п	п	п	п	п

Эта таблица делает совершенно очевидным тот факт, что определяемые ею ценностные функции суть *отрицательные константы*, т. е. формально-

аксиологические противоречия. Для построения дискретной математической модели философского принципа всеобщей взаимосвязи это наглядно представленное обстоятельство очень важно. Дело в том, что законами философии, по определению *DF-2*, являются *положительные ценностные функции-константы*. Они – *инверсии* отрицательных функций-констант (формально-аксиологических противоречий). Поэтому, соответствующие композиции функций, образованные из B^I_2ab , B^O_2ab , B^C_2ab , B^3_2ab , B^V_2ab и ценностной функции-инверсии «материя, материальность (чего, кого) *b*» являются, согласно *DF-2*, законами философии (в обсуждаемой алгебраической системе). Сказанное можно конкретизировать следующими ниже «уравнениями» и комментариями к ним.

9) $B^I_2ab=+=\pi$: *взаимодействие* (чего, кого) *b* и (чего, кого) *a* является *формально-аксиологическим противоречием*. Это значит, что *диалектика всеобщего взаимодействия и диалектика противоречия* (самопротиворечия) суть одно и то же [13, с. 22, 546; 20, с. 18, 21, 39, 100, 116, 282, 294, 449, 511, 513; 9, с. 11, 13, 16; 26, с. 120–136]. Отсюда вытекает следующее.

10) $MB^I_2ab=+=x$: *материальность взаимодействия* (чего, кого) *b* и (чего, кого) *a* является *формально-аксиологическим законом*. Это уравнение – модель того, что в теории материалистической диалектики, формулируемой исключительно на многозначном и расплывчатом естественном языке, именуется «диалектико-материалистическим принципом всеобщего взаимодействия» и понимается как «материальность взаимодействия всего со всем» [13, с. 20, 22, 392, 494, 546, 547; 7, с. 160; 8, с. 135, 146, 147; 14, с. 87, 89; 4, с. 220; 15, с. 50].

11) $B^C_2ab=+=\pi$: *взаимосвязь* (чего, кого) *b* и (чего, кого) *a* является *формально-аксиологическим противоречием*. Это значит, что, согласно исследуемой модели, диалектика всеобщей взаимосвязи и диалектика противоречия (самопротиворечия) суть одно и то же. Отсюда в рамках обсуждаемой модели вытекает следующее.

12) $MB^C_2ab=+=x$: *материальность взаимосвязи* (чего, кого) *b* и (чего, кого) *a* является *формально-аксиологическим законом*. Это уравнение – модель того, что в материалистической диалектике, формулируемой на естественном языке, именуется «принципом всеобщей взаимосвязи» и понимается как «связь всего со всем» [13, с. 20, 343, 384, 392, 546, 547; 8, с. 51, 70, 92, 203, 310; 5, с. 122, 131, 135, 138, 139, 144, 145; 20, с. 18, 21, 39, 100, 116, 282, 294, 511, 513; 4, с. 220; 16, с. 114; 27, с. 113–128].

13) $B^3_2ab=+=\pi$: *взаимозависимость* (чего, кого) *b* и (чего, кого) *a* является *формально-аксиологическим противоречием*. Иначе говоря, на уровне изучаемой дискретной математической модели формально-аксиологического аспекта философии, всеобщая взаимозависимость эквивалентна самопротиворечивости. Из этого вытекает следующее.

14) $MB^3_2ab=+=x$: *материальность взаимозависимости* (чего, кого) *b* и (чего, кого) *a* является *формально-аксиологическим законом*. Это уравнение – модель того, что в философии диалектического материализма, формулируемой на естественном языке, называется «принципом материальности взаимозависимости всего от всего».

15) $B^0_2ab=+=\pi$: *взаимоотношение* (чего, кого) *b* и (чего, кого) *a* есть *формально-аксиологическое противоречие* (например, между взаимосвязью и изолированностью, раздельностью [27, с. 113, 114]).

16) $MB^0_2ab=+=x$: *материальность взаимоотношения* (чего, кого) *b* и (чего, кого) *a* есть *формально-аксиологический закон*.

Для тех, кто не различает значения слов «связь» и «отношение», используя их в качестве синонимов, уравнения 15 и 16 ничего нового не добавляют к тому, что представлено выше уравнениями 11 и 12, а также комментариями к ним. Но в литературе есть многочисленные попытки отыскать существенные различия в значениях слов «связь» и «отношение» [17, с. 134, 135; 24, с. 7–18, 38–41; 21; 22; 25; 27, с. 113, 114]. Если результаты какой-то из этих попыток, осуществлявшихся преимущественно в рамках многозначного и расплывчатого естественного языка, принимаются, то добавление уравнений 14 и 15 имеет смысл. Например, с точки зрения дескриптивно-индикативной семантики естественного языка, существуют вполне убедительные логико-философские доводы в пользу того, что: «Понятие «отношение» шире понятия «связь» [27, с. 113, 114]. Однако в исследуемой модели формально-аксиологических (ценностных) значений обсуждаемых слов мы сознательно абстрагируемся от существования различий между их дескриптивно-индикативными значениями, используя слова «связь» и «отношение» как взаимно-заменимые (в ценностных контекстах) на основании следующих эквивалентностей.

$$17) B^0_2ab=+=B^C_2ab.$$

$$18) MB^0_2ab=+=MB^C_2ab.$$

Во многих уважаемых трудах по философской онтологии обращается внимание на *существенную* корреляцию (некую *необходимую* связь, фундаментальную эквивалентность) между «принципом материального единства мира» и «диалектическим принципом существования всеобщей взаимосвязи (всеобщего взаимодействия) в мире» [5, с. 5–10, 31–43, 121–144; 14, с. 90; 20, с. 116]. В естественном языке эта необходимая связь выражается, например, так: «...Диалектический взгляд на мир, если его последовательно выдержать, неизбежно ведет к материализму...» [5, с. 34]. На уровне искусственного языка обсуждаемой алгебраической системы моделью этой необходимой связи являются следующие уравнения.

$$19) UMWe=+=MUWe=+=MWe=+=Me.$$

$$20) MWe=+=C_2WeB^C_2ab=+=C_2WeB^I_2ab=+=C_2WeB^3_2ab=+=C_2WeB^V_2ab.$$

$$21) Me=+=C_2eB^C_2ab=+=C_2eB^I_2ab.$$

$$22) Me=+=A_2eMB^I_2ab.$$

Наряду с этими важными для моделирования философской онтологии уравнениями целесообразно отметить также и следующее.

23) $Ve=+=MC_2WeB^C_2ab=+=MC_2WeB^I_2ab$: бытие (чего, кого) *e* означает материальность бытия всеобщей взаимосвязи и всеобщего взаимодействия в мире (чего, кого) *e*.

Наконец, завершая статью, обратим внимание на приведенные ниже уравнения, моделирующие фундаментальную связь философской онтологии с философской теорией отражения.

24) $MWe=+=C_2WeB^K_2ab$: материальность мира (чего, кого) *e* означает всеобщее взаимное отражение (всего всем) в мире (чего, кого) *e*.

25) $C_2e\mathcal{J}B^I_2ab=+=x$: существование в любом e отражения взаимодействия любых a и b – закон философии.

26) $C_2e\mathcal{J}B^C_2ab=+=C_2e\mathcal{J}B^O_2ab=+=x$: существование в любом e отражения взаимосвязи (=взаимоотношения) любых a и b – закон философии.

27) $Ve=+=\mathcal{J}C_2WeB^C_2ab=+=MC_2WeB^I_2ab$: бытие (чего, кого) e есть отражение бытия всеобщей взаимосвязи и всеобщего взаимодействия в мире (чего, кого) e .

28) $Ve=+=\mathcal{J}B^C_2abe=+=\mathcal{J}B^I_2abe$: бытие (чего, кого) e есть отражение (чем, кем) e всеобщей взаимосвязи и всеобщего взаимодействия.

29) $Ve=+=A_2B^C_2abe=+=A_2B^I_2abe$: бытие (чего, кого) e есть действие, воздействие, влияние (чего, кого) e на всеобщую взаимосвязь и всеобщее взаимодействие.

30) $Ve=+=W_2B^C_2abe=+=W_2B^I_2abe$: бытие (чего, кого) e есть изменение всеобщей взаимосвязи и всеобщего взаимодействия (чем, кем) e .

Поскольку модель и оригинал никогда не бывают абсолютно идентичными (в чем-то несущественном они всегда различаются), «доводка» модели до нужной степени точности может быть всегда осуществлена «в рабочем порядке».

1. Аристотель. Физика. М.: Соцэкгиз, 1937. 230 с.
2. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. СПб: Алетейя; Киев: Эльга, 2002. 832 с.
3. Волкова Н.П. Плотин о материи и зле. М.: Аквилон, 2017. 160 с.
4. Вьяккерев Ф.Ф. (ред.). Материалистическая диалектика: В 5-ти т. Т. 1. М.: Мысль, 1981. 374 с.
5. Кедров Б.М. Единство диалектики, логики и теории познания. М.: КомКнига, 2006. 296 с.
6. Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.
7. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. Соч. Издание пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1976. Т. 18. 525 с.
8. Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. Соч. Издание пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1977. Т. 29. 782 с.
9. Лойфман И.Я. Противоречивость физического взаимодействия // Диалектические противоречия в природе. М.: Наука, 1967. С. 3–6.
10. Лобовиков В.О. Ядро диалектики – закон взаимопроникновения противоположностей и его моделирование в алгебраической системе формальной аксиологии // Социум и власть. 2014а. № 4. С. 126–30.
11. Лобовиков В.О. Закон единства и борьбы противоположностей как формально-аксиологический закон двузначной алгебры философии // Социум и власть. 2014б. № 5. С. 124–130.
12. Лобовиков В.О. Принципы композициональности в формально-аксиологической семантике естественного языка диалектической философии // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2016. Т. 16. № 3. С. 5–23.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. // Соч. Издание второе. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 20. 827 с.
14. Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии.

М.: Мысль, 1966. 384 с.

15. Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. М.: Гардарики, 2005. 447 с.

16. Орлов В.В. Проблема системы категорий философии. Пермь: ПГУ, 2012. 262 с.

17. Пивоваров Д.В. Категории онтологии. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. 552 с.

18. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2013. 1311 с.

19. Плотин. Избр. Трактаты. М.: АСТ, 2000. 320 с.

20. Руткевич М.Н. Диалектический материализм. Курс лекций для естественных факультетов. М.: Соцэкгиз, 1960. 598 с.

21. Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск: Изд-во ТГУ, 1963. 243 с.

22. Свицерский В.И. О диалектике отношений. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 137 с.

23. Смагина Е.Б. Манихейство. М.: Вост. лит., 2011. 519 с.

24. Гюхтин В.С. (ред.). Проблема связей и отношений в материалистической диалектике. М.: Наука, 1990. 287 с.

25. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 184 с.

26. Урманцев Ю.А. Общая теория систем об отношениях взаимодействия, одностороннего действия и взаимонедействия // Проблема связей и отношений в материалистической диалектике. М.: Наука, 1990. С. 101–137.

27. Шептулин А.П. Диалектический материализм. М.: Высшая школа, 1965. 305 с.

28. Corrigan K. Is there More than One Generation of Matter in the Enneads? // Phronesis. 1986. V. 31. P. 167–81.

29. Corrigan K. Plotinus' Theory of Matter-Evil and the Question of Substance: Plato, Aristotle, and Alexander of Aphrodisias. Leuven: Peeters Publishers, 1995. 485 p.

References

1. Aristotel'. Fizika. M.: Soce'kgiz, 1937. 230 s.

2. Aristotel'. Metafizika. Perevody. Kommentarii. Tolkovaniya. SPb: Aletejya; Kiev: E'l'ga, 2002. 832 s.

3. Volkova N.P. Plotin o materii i zle. M.: Akvilon, 2017. 160 s.

4. Vyakkerev F.F. (red.). Materialisticheskaya dialektika: V 5-ti t. T. 1. M.: Mysl', 1981. 374 s.

5. Kedrov B.M. Edinstvo dialektiki, logiki i teorii poznaniya. M.: KomKniga, 2006. 296 s.

6. Lejbnic G.V. Soch. v 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1982. 636 s.

7. Lenin V.I. Materializm i e'mpiriokriticizm // Poln. sobr. Soch. Izdanie pyatoe. M.: Izd-vo polit. lit., 1976. T. 18. 525 s.

8. Lenin V.I. Filosofskie tetradi // Poln. sobr. Soch. Izdanie pyatoe. M.:

Izd-vo polit. lit., 1977. T. 29. 782 s.

9. Lojzman I. Ya. Protivorechivost' fizicheskogo vzaimodejstviya // Dialekticheskie protivorechiya v prirode. M.: Nauka, 1967. S. 3–6.

10. Lobovikov V. O. Yadro dialektiki – zakon vzaimoproniknoveniya protivopozhnostej i ego modelirovanie v algebraicheskoj sisteme formal'noj aksiologii // Socium i vlast'. 2014a. № 4. S. 126–30.

11. Lobovikov V. O. Zakon edinstva i bor'by protivopozhnostej kak formal'no-aksiologicheskij zakon dvuznachnoj algebry filosofii // Socium i vlast'. 2014b. № 5. S. 124–130.

12. Lobovikov V. O. Princip kompozicional'nosti v formal'no-aksiologicheskoj semantike estestvennogo yazyka dialekticheskoj filosofii // Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN. 2016. T. 16. № 3. S. 5–23.

13. Marks K. i E'ngel's F. // Soch. Izdanie vtoroe. M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1961. T. 20. 827 s.

14. Melyuxin S. T. Materiya v ee edinstve, beskonechnosti i razvitii. M.: Mysl', 1966. 384 s.

15. Mironov V. V., Ivanov A. V. Ontologiya i teoriya poznaniya. M.: Gardariki, 2005. 447 s.

16. Orlov V. V. Problema sistemy kategorij filosofii. Perm': PGU, 2012. 262 s.

17. Pivovarov D. V. Kategorii ontologii. Ekaterinburg: Izd-vo UrFU, 2016. 552 s.

18. Platon. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome. M.: AL"FA-KNIGA, 2013. 1311 s.

19. Plotin. Izbr. Traktaty. M.: AST, 2000. 320 s.

20. Rutkevich M. N. Dialekticheskij materializm. Kurs lekcij dlya estestvennyx fakul'tetov. M.: Soce'kgiz, 1960. 598 s.

21. Rajbekas A. Ya. Veshh', svojstvo, otnoshenie kak filosofskie kategorii. Tomsk: Izd-vo TGU, 1963. 243 s.

22. Sviderskij V. I. O dialektike otnoshenij. L.: Izd-vo LGU, 1983. 137 s.

23. Smagina E. B. Manixejstvo. M.: Vost. lit., 2011. 519 s.

24. Tyuxtin V. S. (red.). Problema svyazej i otnoshenij v materialisticheskoj dialektike. M.: Nauka, 1990. 287 s.

25. Uemov A. I. Veshhi, svojstva i otnosheniya. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 184 s.

26. Urmancev Yu. A. Obshhaya teoriya sistem ob otnosheniyax vzaimodejstviya, odnostoronnego dejstviya i vzaimonedejstviya // Problema svyazej i otnoshenij v materialisticheskoj dialektike. M.: Nauka, 1990. S. 101–137.

27. Sheptulin A. P. Dialekticheskij materializm. M.: Vysshaya shkola, 1965. 305 s.

28. Corrigan K. Is there More than One Generation of Matter in the Enneads? // Phronesis. 1986. V. 31. P. 167–81.

29. Corrigan K. Plotinus' Theory of Matter-Evil and the Question of Substance: Plato, Aristotle, and Alexander of Aphrodisias. Leuven: Peeters Publishers, 1995. 485 p.

UDC 16+11+17+51-7

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.118128

A DISCRETE MATHEMATICAL MODEL OF THE DIALECTICAL PRINCIPLE OF UNIVERSAL INTERCONNECTION

Lobovikov Vladimir Olegovich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

The subject-matter of investigation is a formal-axiological aspect of dialectic principle of connection of all with all. The method is mathematical modeling. The scientific novelty: for the first time in world philosophy literature the dialectical principle of universal interconnection is formulated at the level of artificial language and represented as a system of equations of two-valued algebraic system of philosophy as formal axiology.

Key concepts:

two-valued-algebra-of-philosophy-as-formal-axiology, dialectics, matter, universal-interconnection, universal-interaction.

Для заметок

A series of horizontal dotted lines for writing notes, spanning the width of the page.

DISCOURSE-P ДИСКУРС★Ми

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

- 1) Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте. Формат файла – документ Microsoft Word 97–2010 (DOC или DOCX) или RTF.
- 2) Первая (титulyная) страница должна содержать (на русском и английском языках):
 - название статьи;
 - фамилию, имя, отчество (полностью) каждого автора с указанием организации, должности, ученой степени и звания, города (места расположения) организации;
 - контактный e-mail для публикации в свободном доступе для общения читателей с авторами;
 - аннотацию (до 900 печатных знаков);
 - ключевые понятия.
- 3) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).
- 4) Статья должна быть написана грамотным русским языком.
- 5) Объем статьи не должен превышать 20 000 знаков без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски). Межстрочный интервал – одинарный. Размер страниц – 210×297 мм (формат А4). Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
- 6) Название статьи выравнивается по центру страницы и оформляется полужирным шрифтом; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные.
- 7) Текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (в том числе для названия). Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции). Выравнивание текста – по ширине.
- 8) В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
- 9) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) должны быть предоставлены отдельно от статьи. Каждая иллюстрация должна иметь порядковый номер. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями предоставляется в отдельном файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPEG. Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей из сторон.
- 10) Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.
- 11) Библиография должна быть приведена в конце статьи и оформлена в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Для нормативных актов указывается начальная и последняя редакция. Библиографические записи должны иметь сквозную нумерацию и следовать в алфавитном порядке. В тексте статьи ссылки на библиографические записи оформляются в квадратных скобках (например, [7], [10, с. 81], [8; 9]). За точность библиографии несет ответственность автор.
- 12) Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются. Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии. Рукописи не возвращаются.
- 13) Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
- 14) Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Requirements to the Articles Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

- 1) The article should be sent to the editorial office by e-mail. The file format is a Microsoft Word 97-2010 document (DOC or DOCX) or RTF.
- 2) The first (title) page should contain (in Russian and in English):
 - the article title;
 - surname, name, patronymic (in full) of each author, place of work, position, academic degree and title, city (location) of organization;
 - e-mail for publication in free access for communication between readers and authors;
 - abstract (up to 900 characters);
 - key concepts.
- 3) The article should be classified - have UDC (Universal Decimal Classification) placed in the upper left corner above the title of the article.
- 4) The article should be written in the Russian language.
- 5) The volume of the article should not exceed 20,000 characters without spaces (including tables, bibliography, captions, footnotes). Line spacing is single. The size of the pages is 210 × 297 mm (A4 format). The margins of the pages from all sides are 20 mm.
- 6) The title of the article is aligned to the center of the page and is bolded; Only the first letter in the title of the article is uppercase, the rest are lowercase.
- 7) The text of the article is written in lower case letters, without adding word wraps. Font - Times New Roman Cyr, 14 size (including for the title). Paragraph indentation - 1.25 cm (must be performed by means of the corresponding computer program, without using spaces or tabs). Align text - Width.
- 8) In the text, font selections should be made in light italics. Headings and subtitles should be in bold.
- 9) Illustrative materials (drawings, figures, graphs, charts, diagrams) should be provided separately from the article. Each illustration should be numbered. An electronic version of each illustration with captions is provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPEG. The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.
- 10) Numerical data should be formatted in tables. Each table must have a sequence number and name. The numbering of the tables is continuous. Abbreviations in the tables are not allowed, except for the unit names.
- 11) References should be given at the end of the article and be done according to GOST 7.0.5-2008 «Bibliography reference. General requirements and rules». For legal acts, the initial and last revision is specified. Bibliographic records should be numbered continuously and be alphabetized. In the text of the article references to bibliographic records are made in square brackets (e.g., [7], [10, p. 81], [8; 9]). The accuracy of the bibliography is the responsibility of the author.
- 12) Articles that do not conform with the present requirements are not accepted for review and editing. The decision to publish the materials sent to the journal is taken within three months from the date of registration of the typescript in the editorial office. The articles are subject to review by the members of the editorial board. Manuscripts are not returned to the authors.
- 13) Articles are tested in the «Anti-plagiarism» system.
- 14) By presenting the typescript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the editorial consent fully or in part in any other media prior to publication in the scientific journal «Discourse-P».

DISCOURSE-P
ДИСКУРС